

ISSN 2409-8647

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ и ПРИКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 31-12-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Дегтярев Александр Николаевич, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Aleks-degt@yandex.ru

ISSN: 2409-8647

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 31-12-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Degtyarev Aleksandr Nikolaevich, doktor ekonomiceskikh nauk, kandidat tekhnicheskikh nauk, Aleks-degt@yandex.ru

ISSN: 2409-8647

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Батьковский Александр Михайлович – доктор экономических наук, АО Центральный научно-исследовательский институт экономики, систем управления и информации «Электроника», советник генерального директора, 127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, 12, batkovskiy_a@instel.ru

Морозко Наталья Иосифовна – доктор экономических наук, профессор Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор, 49, Ленинградский проспект, г. Москва, 125993. NIMorozko@fa.ru

Овчаров Антон Олегович – доктор экономических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603950, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23, anton19742006@yandex.ru

Стрыгин Андрей Вадимович – доктор экономических наук, профессор кафедры «Мировая экономика» МАДИ, профессор факультета логистики и общетранспортных проблем, директор Центра РАС ООН в МАДИ «международная транспортная политика» 125319. г. Москва, Ленинградский пр., 64, оф. 346. strygin@inbox.ru

Ефименко Дмитрий Борисович – доктор технических наук, доцент по кафедре транспортной телематики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), декан факультета логистики и общетранспортных проблем, заведующий кафедрой «Правовое и таможенное регулирование на транспорте» МАДИ, 125319. г. Москва, Ленинградский пр., 64, оф. 207л. ed2002@mail.ru

Шульц Владимир Леопольдович – член-корреспондент Российской академии наук, заместитель президента Российской академии наук, доктор философских наук, директор Центра исследования проблем безопасности РАН, председатель редакционного совета. 119991 Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32;

Дегтярев Александр Николаевич – доктор экономических наук, кандидат технических наук, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета, заслуженный деятель науки РБ. 450008, Россия, г. Уфа, ул. Кирова, 15. Академия наук Республики Башкортостан

Дудов Азнаур Сапарович – доктор экономических наук, профессор, ректор Кисловодского института экономики и права, заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской республики. 357700, Россия, ул. Розы Люксембург, 42, г. Кисловодск, Ставропольский край.

Епифанцев Сергей Николаевич – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, член президиума РАН. 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

Зайнашева Зарима Гафаровна – доктор экономических наук, профессор Уфимского государственного университета экономики и сервиса, Почетный работник высшего образования России, 450000, Россия, ул. Чернышевского, 145. г. Уфа, Республика Башкортостан.

Кульба Владимир Васильевич – доктор технических наук, профессор, заведующий отделом Института проблем управления имени В.А. Трапезникова. Россия, 117997, Россия, г. Москва, Профсоюзная, 65;

Локосов Вячеслав Вениаминович – доктор социологических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32;

Кормишкина Людмила Александровна - доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой кафедра теоретической экономики и экономической безопасности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Кормишкин Евгений Данилович - доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической экономики и экономической безопасности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Бурда Алексей Григорьевич - доктор экономических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», Заведующий кафедрой экономической кибернетики, 350044, Россия, Краснодарский край край, г. Краснодар, ул. им. Калинина, 13, корпус 44, кв. 9, agburda@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Крюков Сергей Владимирович - доктор экономических наук, ФГАОУ ВО "Южный федеральный университет", профессор экономического факультета, 344013, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Пестеля, 43, кв. 1, svkrukov@sfedu.ru

Кузнецов Николай Владимирович - доктор экономических наук, ФГОБУ ВО "Государственный университет управления", Заведующий кафедрой "Статистика", ФГБОУ ВО "Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации", Директор Центра стратегического прогнозирования и планирования, 107014, Россия, г. Москва, ул. 4-я Сокольническая, 3, кв. 82, nkuznetsov@outlook.com

Леденёва Марина Викторовна - доктор экономических наук, Волгоградский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, Профессор кафедры менеджмента и маркетинга, АНО ВО "Волгоградский институт бизнеса", Профессор кафедры экономики и управления, 404127, Россия, Волгоградская область, г. Волжский, ул. Дружбы, 45, кв. 121, mledenjova@yandex.ru

Мурзин Антон Дмитриевич - доктор технических наук, Южный федеральный университет, доцент, зам. декана факультета управления, Донской государственный технический университет, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Профессор, 344012, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, каб. 216, admurzin@yandex.ru

Овчаров Антон Олегович - доктор экономических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,

профессор кафедры бухгалтерского учета, главный научный сотрудник Центра макро и микроэкономики, 603135, Россия, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 45 корпус 3, кв. 47, anton19742006@yandex.ru

Ширинкина Елена Викторовна - доктор экономических наук, Сургутский государственный университет, заведующий кафедрой менеджмента и бизнеса, 628412, Россия, г. Сургут, ул. Гагарина, 12, кв. 201, shirinkina86@yandex.ru

Editorial collegium

Batkovsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Economics, JSC Central Research Institute of Economics, Control Systems and Information "Electronics" , Advisor to the General Director, 12 Kosmonavta Volkova str., 127299, Moscow, batkovskiy_a@instel.ru

Morozko Natalia Iosifovna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor, 49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993. NIMorozko@fa.ru

Ovcharov Anton Olegovich – Doctor of Economics, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 603950, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue, 23 , anton19742006@yandex.ru

Andrey V. Strygin – Doctor of Economics, Professor of the Department of "World Economy" MADI, Professor of the Faculty of Logistics and General Transport Problems, Director of the UN RAS Center in MADI "International Transport Policy" 125319. Moscow, Leningradsky ave., 64, of. Z46. strygin@inbox.ru

Efimenko Dmitry Borisovich – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor at the Department of Transport Telematics, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Dean of the Faculty of Logistics and General Transport Problems, Head of the Department of "Legal and Customs Regulation in Transport" MADI, 125319. Moscow, Leningradsky Ave., 64, office 207l. ed2002@mail.ru

Vladimir Leopoldovich Shultz – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Director of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board. 32 Leninsky Prospekt, Moscow, 119991 Russia;

Degtyarev Alexander Nikolaevich – Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Professor of Ufa State Petroleum Technical University, Honored Scientist RB. 450008, Russia, Ufa, Kirova str., 15. Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan

Dudov Aznaur Saparovich - Doctor of Economics, Professor, Rector of the Kislovodsk Institute of Economics and Law, Honored Scientist of the Karachay-Cherkess Republic. 357700, Russia, Rosa Luxemburg str., 42, Kislovodsk, Stavropol Territory.

Epifantsev Sergey Nikolaevich - Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences. 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

Zainasheva Zarima Gafarovna - Doctor of Economics, Professor of Ufa State University of Economics and Service, Honorary Worker of Higher Education of Russia, 450000, Russia, Chernyshevsky str., 145. Ufa, Republic of Bashkortostan.

Kulba Vladimir Vasilyevich – Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of the V.A. Trapeznikov Institute of Management Problems. Russia, 117997, Russia, Moscow, Trade Union, 65;

Vyacheslav V. Lokosov – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russia;

Lyudmila Kormishkina - Doctor of Economics, Professor, Head of the Department, Department of Theoretical Economics and Economic Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education N. P. Ogarev Mordovian State University

Kormishkin Evgeny Danilovich - Doctor of Economics, Professor of the Department of Theoretical Economics and Economic Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education N. P. Ogarev Mordovian State University

Burda Alexey Grigorievich - Doctor of Economics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Head of the Department of Economic Cybernetics, 350044, Russia, Krasnodar Krai, Krasnodar, Kalinin str., 13, building 44, sq. 9, agburda@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Sergey V. Kryukov - Doctor of Economics, Southern Federal University, Professor of the Faculty of Economics, Rostov-on-Don, 43 Pestel str., sq. 1, 344013, Russia, Rostov Region, Rostov-on-Don, svkrukov@sedu.ru

Kuznetsov Nikolay Vladimirovich - Doctor of Economics, State University of Management, Head of the Department of Statistics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Director of the Center for Strategic Forecasting and Planning, 107014, Russia, Moscow, 4th Sokolnicheskaya str., 3, sq. 82, nkuznetsov@outlook.com

Ledeneva Marina Viktorovna - Doctor of Economics, Volgograd Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Management and Marketing, ANO VO "Volgograd Institute of Business", Professor of the Department of Economics and Management, 404127, Russia, Volgograd region, Volzhsky, Druzhby str., 45, sq. 121, mledenjova@yandex.ru

Anton Dmitrievich Murzin - Doctor of Technical Sciences, Southern Federal University, Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Management, Don State Technical University, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Professor, 344012, Russia, Rostov Region, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, office 216, admurzin@yandex.ru

Ovcharov Anton Olegovich - Doctor of Economics, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of Accounting Department, Chief Researcher of the Center for Macro and Microeconomics, 603135, Russia, Nizhny Novgorod, Lenin Avenue, 45 building 3, sq. 47, anton19742006@yandex.ru

Shirinkina Elena Viktorovna - Doctor of Economics, Surgut State University, Head of the Department of Management and Business, 628412, Russia, Surgut, Gagarina str., 12, sq. 201, shirinkina86@yandex.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

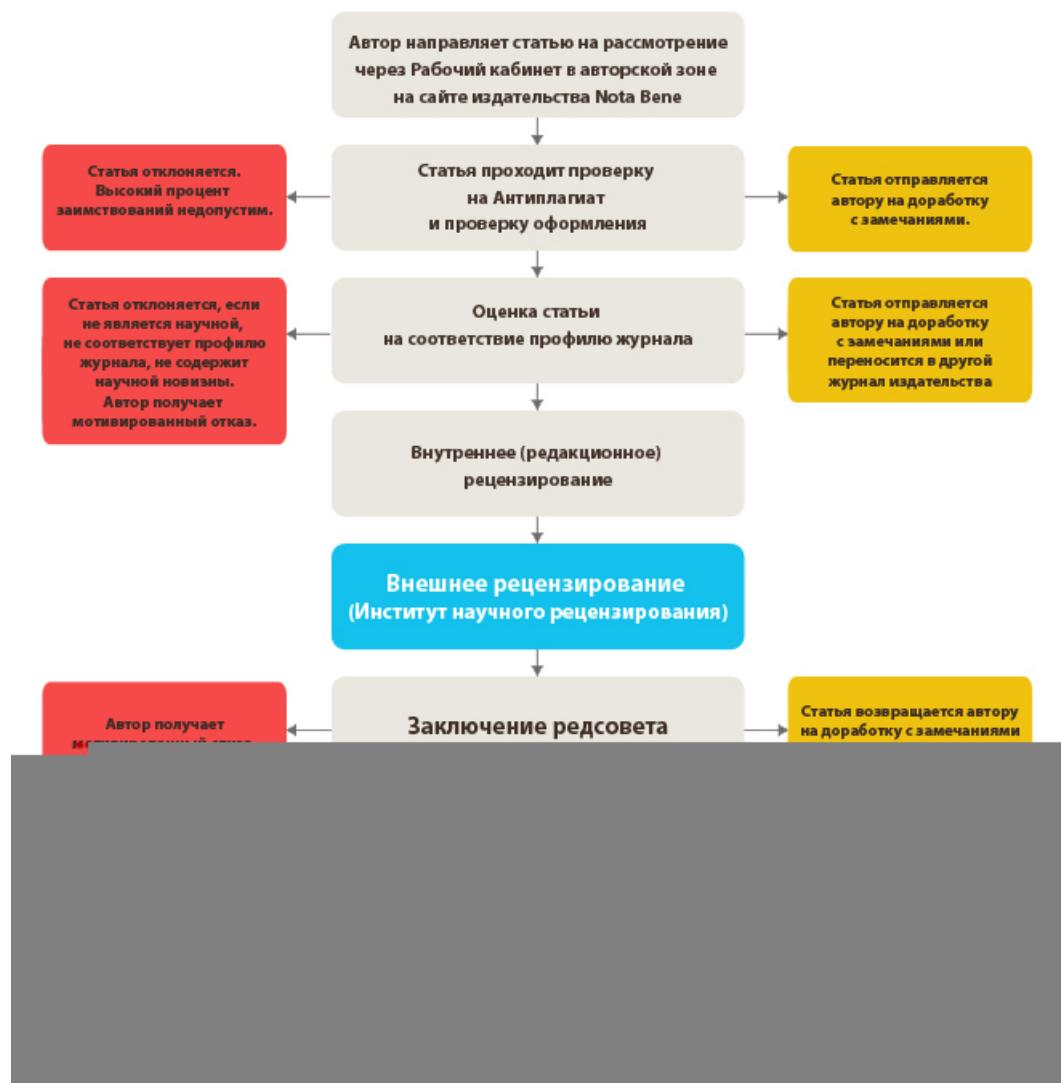
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Суворова А.В. Городские агломерации: особенности функционирования и методологические принципы развития	1
Ковалев В.А. Развитие зеленого финансирования в странах ЕАЭС на основе оценки ликвидности зеленых облигаций.	18
Синь С., Ху Ч. Логистический канал на Дальнем Востоке как ключевой фактор развития китайско-русской торговли.	35
Ширинкина Е.В., Волкорез А.А. Классификация рисков в системе риск-менеджмента инновационного развития регионов России	59
Бекряшев А.К. Адам Смит о неопределенности и безопасности. Часть 1.	73
Брянцева О.С. Промышленное развитие в России: исследование трансформации отраслевой структуры	87
Ельшин Л.А., Мингазова Ю.Г., Савушкин М.В., Мингулов А.М. Селективные подходы к определению механизмов реализации политики импортозамещения на региональном уровне	105
Англоязычные метаданные	124

Contents

Suvorova A. Urban agglomerations: functioning and methodological principles of development	1
Kovalev V.A. The development of green finance in the EAEU countries based on the assessment of the liquidity of green bonds	18
Xin X., Hu Z. The logistics channel in the Russian Far East as a key factor in the development of Chinese-Russian trade.	35
Shirinkina E.V., Volkerez A.A. Classification of risks in the risk management system of innovative development of Russian regions	59
Bekryashev A. Adam Smith on uncertainty and security. Part 1.	73
Bryantseva O.S. Industrial development in Russia: the study of sectoral structure	87
Elshin L.A., Mingazova Y.G., Savushkin M.V., Mingulov A.M. Selective approaches to the definition of mechanisms for the implementation of import substitution policy at the regional level	105
Metadata in english	124

Теоретическая и прикладная экономика

Правильная ссылка на статью:

Суворова А.В. — Городские агломерации: особенности функционирования и методологические принципы развития // Теоретическая и прикладная экономика. – 2023. – № 4. – С. 1 - 17. DOI: 10.25136/2409-8647.2023.4.68863 EDN: AAUUUK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68863

Городские агломерации: особенности функционирования и методологические принципы развития

Суворова Арина Валерьевна

ORCID: 0000-0003-4050-2083

кандидат экономических наук

Старший научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ

125468, Россия, Москва, г. Москва, Ленинградский пр., 49, -

[✉ suvorova.av@uiec.ru](mailto:suvorova.av@uiec.ru)

[Статья из рубрики "Экономика регионов"](#)

DOI:

10.25136/2409-8647.2023.4.68863

EDN:

AAUUUK

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2023

Дата публикации:

09-11-2023

Аннотация: В настоящее время развитие городских агломераций признается одной из ключевых предпосылок ускорения экономического роста масштабных хозяйственных систем. Исследование посвящено характеристике некоторых концептуальных основ данного процесса, а основой его методологии служит последовательное решение трех задач: обозначение положений, касающихся логики организации и развития агломераций; выявление особенностей функционирования агломераций в современных условиях; предложение принципов, которые должны лежать в основе их развития. Работа базируется на использовании данных Федеральной службы государственной статистики, а ее методическая база включает в себя общенаучные методы теоретического и эмпирического познания. Показано, что значимым аспектом

функционирования агломерации является тесная взаимосвязь между ее элементами. Важность этого аспекта доказывают и итоги анализа функционирования Екатеринбургской городской агломерации, для которой характерно перераспределение функционала между входящими в ее состав муниципальными образованиями. Так, периферия повышает свою значимость как место для жизни и работы, тогда как ядро агломерации сохраняет роль сервисного центра. В результате систематизации и осмысливания теоретических концепций, а также итогов проведенного анализа сформулированы методологические принципы развития агломераций: принцип институционализации агломерации как объекта управления; принцип системности развития, предполагающий системный характер преобразования пространства; принцип отсутствия барьеров взаимодействия между элементами агломерации; принцип дифференцированного подхода к развитию; принцип наличия ресурсной основы развития. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности органов государственной власти, определяющих и реализующих региональную политику.

Ключевые слова:

агломерация, система муниципальных образований, пространственное развитие, агломерационное развитие территории, экономический рост, кластеризация городов, Екатеринбургская городская агломерация, территориальная структура, принципы развития агломерации, региональная политика

Исследование выполнено в рамках темы НИР Финансового университета ВТК-ГЗ-ФИ-29-23 «Финансово-экономические механизмы развития макрорегионов, городских агломераций и моногородов».

Введение

Вопросы преобразования пространства России, традиционно представляющие интерес как для ученых [1, 2], так и для субъектов управленческих процессов [3, 4] вследствие значительных масштабов территории страны, существенных различий между параметрами развития ее отдельных частей и, как следствие, недостаточной степени связанности между ними, приобретают особое значение в современных условиях обострения геополитических вызовов, меняющих географию хозяйственных связей и усиливающих экономическую турбулентность. При этом основой выбранного в стране вектора преобразований можно считать поддержку поляризованного развития: в утвержденной в 2019 г. Стратегии пространственного развития предпосылкой «расширения географии и ускорения экономического роста, научно-технологического и инновационного развития Российской Федерации» названо «социально-экономическое развитие перспективных крупных центров экономического роста – крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций».

Действительно, агломерационные процессы проявляют себя в российских реалиях с возрастающей интенсивностью, а сами городские агломерации вполне могут выступать в качестве перспективных полюсов экономического роста. Это обуславливает значительный интерес научного сообщества к различным аспектам их формирования и развития, определяет значимость оценки их влияния на социально-экономическую трансформацию страны, отдельных регионов, а также населенных пунктов, входящих в состав самих агломерационных образований; кроме того, приводит к попыткам институционального оформления подобных территориальных систем (например, за счет

подписания соглашений между муниципалитетами – участниками агломераций, затверждения агломераций в региональных и локальных стратегиях), появлению профильных экспертных сообществ (например, Агентства по социально – экономическому развитию агломераций – АСЭРА). В то же время необходимо констатировать, что в российской системе государственного управления агломерации до сих пор не являются полноценными объектами регулирования: сам феномен городской агломерации на федеральном уровне законодательно не закреплен, что усложняет разграничение полномочий и функционала между властными структурами разного уровня, так или иначе вовлечеными в процессы преобразования агломерационных систем, не позволяет использовать в их отношении специфические инструменты развития (например, облегчающие реализацию межбюджетных трансфертов горизонтального уровня в интересах реализации участниками агломераций совместных проектов). Призванный снять некоторые из имеющихся вопросов проект федерального закона «О городских агломерациях», предложенный в 2020 г. для обсуждения экспертам, был подвергнут достаточно серьезной критике и не смог устранить присущие современному законодательству пробелы.

Таким образом, предложение методологических основ развития агломераций, способных найти применение в российской практике, является важной научной задачей. Данная работа посвящена одному из аспектов этой чрезвычайно обширной темы – характеристике некоторых концептуальных положений, которые могут способствовать оформлению этих основ. Для этого в рамках исследования рассматриваются некоторые аспекты концепции агломерационного развития территорий; на примере одной из агломераций России выявляются особенности функционирования подобных структур в современных условиях; предлагается ряд методологических принципов развития агломераций.

Основы формирования концепции агломерационного развития территорий

Исследования, посвященные пространственной кластеризации городов, были начаты еще в 1920-х г. [5]. Со временем поиск ответов на вопросы, каким образом развитие отдельных территориальных единиц, их укрупнение и взаимодействие, может обеспечивать экономический рост, позволил ученым сформировать целый комплекс серьезных научных теорий, каждая из которых внесла свой существенный вклад в развитие концепции агломерационного развития территорий.

В этом контексте, в частности, особого внимания заслуживает теория размещения промышленности А. Вебера [6], который в числе факторов размещения отдельного предприятия обозначал в качестве самостоятельного агломерационный фактор, объясняющий экономическую целесообразность компактной локализации производителей, которая обуславливается возможностью разделения части производственных и сбытовых издержек. Следует также упомянуть теорию экономического ландшафта А. Леша [7], в рамках которой речь шла о структурировании экономического пространства за счет концентрации функций промышленного производства в городах, обуславливаемой в том числе агломерационной экономией.

В рамках концепции агломерации Э. Лампарда [8] акцент был сделан на связи такого явления как концентрация активности в одной точке пространства с экономическим ростом (что, по мнению исследователя, определялось «сращиванием производства и других экономических функций с городом»), тем самым подчеркивался кумулятивный характер развития территориальной структуры хозяйства. О значимости концентрации

производства в городах для получения ими экономических выгод говорилось также в теории городских концентраций Э. Гувера [9], в соответствии с которой географическая близость представителей различных отраслей, также как и предприятий одной отрасли значительно снижает издержки их хозяйственной деятельности. Скопление производственной деятельности в городах называл основным фактором их экономического развития Х. Ричардсон [10]: он обращал внимание на перспективность превращения крупных промышленных центров в полюса роста не только регионов, но и стран. В работах П. Кругмана [11] и П. Ромера [12] перспективность концентрации производства в отдельных ареалах, приводящей к нарушению пространственного равновесия и появлению агломераций, связывалась с ростом масштаба хозяйственной деятельности и положительными экстерналиями, которые возникали благодаря наличию на рынке потенциальных партнеров и конкурентов.

Интересное объяснение причинам возникновения агломераций давали Дж. Эллисон и Е. Глэйзер [13], которые связывали их появление с существованием сильных случайных шоков, которые дают начало экономическому росту в некоторых регионах. В свою очередь основоположники концепции новой экономической географии М. Фуджита, П. Кругман и Э. Венаблес [14] называли ключевым фактором объединения отдельных территориальных систем в единый комплекс возрастающую экономию от масштаба (сочетающуюся с эндогенностью размещения производителей и потребителей, которые самостоятельно могут менять свое местоположение для получения наибольших выгод).

В настоящее время в научной литературе можно встретить значительное количество трактовок термина «городская агломерация». Например, Г. М. Лаппо называет агломерацией «компактное скопление населённых пунктов, главным образом городских, местами срастающихся, объединённых в сложную многокомпонентную динамическую систему с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями» [15], схожей трактовки придерживается Е. Н. Перцик, который определяет агломерацию как «систему территориально сближенных и экономически взаимосвязанных населенных мест, объединенных устойчивыми трудовыми, культурно-бытовыми и производственными связями, общей социальной и технической инфраструктурой» [16]. В пособии Е. Г. Анимицы и Н. Ю. Власовой говорится о «компактной и относительно развитой совокупности дополняющих друг друга городских и сельских поселений, группирующихся вокруг одного или нескольких городов-ядер и объединенных многообразными и интенсивными связями», в пространство которых «вписывается недельный жизненный цикл большинства жителей современного крупного города и его спутниковой зоны» [17].

Во всех определениях акцент делается на географическую близость объектов (населенных пунктов, городов) друг к другу, высокую степень их концентрации; еще один значимый аспект, на который обращают внимание все авторы – тесная взаимосвязь (принимающая разные виды) между элементами агломерации. Это, в свою очередь, означает, что структурно агломерация не может рассматриваться как простое множество населенных пунктов – в ее состав также входят территории, расположенные между ними, при этом каждая из таких территорий обладает своей спецификой, упрощающей (или усложняющей) осуществление взаимодействий (например, в виде обмена ресурсами) между населенными пунктами. Таким образом, структурно агломерация обычно включает в себя ядро (крупный город), окруженный поясами (различающимися по интенсивности взаимодействия, плотности населения и густоте сети дорог) спутников (менее масштабных населенных пунктов), связанных друг с другом и с ядром транспортными

коридорами (вдоль которых формируются лучи расселения); зону спутников окружает периферийная зона (пригородный пояс), последовательная трансформация границ которой является результатом процесса эволюции агломераций, вследствие чего центры в планировочных схемах приобретают функции узлов – «противовесов» [\[18\]](#).

Необходимо также отметить, что несмотря на длительную историю рассмотрения вопросов агломерационных преобразований, инициируемых благодаря отмечаемой исследователями тесной связи процессов концентрации ресурсов и субъектов хозяйствования (результатом которых является возникновение эффектов масштаба, локализации, урбанизации) с экономическим ростом, многие их аспекты сохраняют дискуссионный характер. Так, по-разному могут быть интерпретированы предпосылки, определяющие условия для появления и дальнейшего развития агломераций (что, в свою очередь, затрудняет выстраивание взвешенной политики по управлению этими процессами). Неоднозначно могут быть оценены и последствия агломерационного развития. Например, говоря о городских агломерациях, Ч. Левен [\[19\]](#) отмечает несомненные преимущества их развития, возникающие благодаря возможности получения экономии от масштаба, порождаемые быстротой и маневренностью сообщений как между ними, так и между их участниками; в свою очередь Ж. Шабо и Ж. Боже-Гарнье акцентируют внимание на угрозах укрупнения городов (приводящего к появлению агломераций), в масштабах которых создание комфортной и управляемой среды крайне сложно [\[20\]](#).

В этой связи представляется интересным переход от общетеоретических положений, касающихся логики организации и развития агломераций, к рассмотрению того, как происходит их функционирование в реальных условиях – следует обратиться к примеру одной из российских городских агломераций (далее уделив внимание тому, как некоторые из аспектов ее формирования и преобразований коррелируют с теми положениями, которые могут найти применение при идентификации методологических принципов агломерационного развития территорий).

Особенности функционирования агломераций в современных условиях: кейс Екатеринбургской городской агломерации

Екатеринбургская городская агломерация представляет собой крупнейшуюmonoцентрическую агломерацию, центром которой является столица Свердловской области – город Екатеринбург (численность населения на начало 2023 г. превышает 1,5 млн. человек). Исследователи говорили о существовании агломерационных связей между Екатеринбургом и близлежащими населенными пунктами еще в советское время [\[21\]](#), однако первые попытки ее институционализации осуществились только в 2016 г., когда силами Института «ГипроГор» по заказу региональных органов власти была проведена научно-исследовательская работа, посвященная определению принципов формирования Екатеринбургской городской агломерации. К настоящему времени оформление агломерации продвинулось еще дальше: в 2020 г. 14 муниципальных образований, относящих себя к числу участников агломерационной системы, подписали соглашение о взаимодействии (их состав представлен на рис. 1).

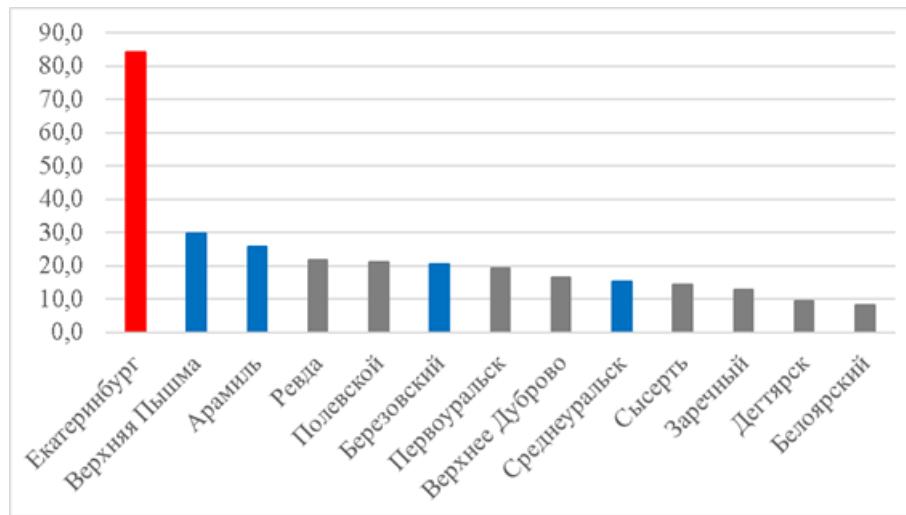
Источник: составлено автором на основе данных Ассоциации муниципальных образований «Екатеринбургская городская агломерация» (<https://www.kommersant.ru/doc/6043752>)

Рисунок 1 – Екатеринбургская городская агломерация

Следует отметить, что вопросам анализа развития агломераций как за рубежом, так и в отечественных работах уделено достаточно много внимания: авторы оценивают экономическую мощность агломераций [22], степень их зрелости [23], особенности их пространственной организации [24] и т.д. Однако в рамках проводимого исследования глубокий анализ закономерностей развития агломерации не предполагается – акцент следует сделать на выявлении некоторых особенностей ее функционирования, соотнесении ряда параметров развития муниципальных образований, входящих в ее состав (период оценки – 2022 г.).

В первую очередь следует отметить достаточно высокую степень поляризации развития агломерации: 72% населения проживает в ее ядре – городе Екатеринбурге, на центр агломерации также приходится 62% отгруженных товаров собственного производства, выполненных собственными силами работ и услуг, 67% введенного жилья.

Ядро агломерации существенно отличается от прочих ее участников и по ряду относительных показателей, в первую очередь характеризующих развитие сферы услуг и качества городской среды. Например, среднедушевой объем платных услуг, предоставляемых населению Екатеринбурга, более чем в 4,5 раза превышает значение аналогичного показателя, рассчитанного для периферийных муниципальных образований (рис. 2).

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://gks.ru/db/scripts/munst/munst.htm>

Рисунок 2 – Среднедушевой объем платных услуг населению, тыс. рублей

С одной стороны, это может быть объяснено разницей в денежных доходах жителей муниципальных образований, входящих в состав агломерации (например, среднемесячная заработка работников организаций Екатеринбурга в 1,77 раз выше, чем оплата труда в Дегтярске, значение данного показателя для которого является минимальным), с другой – многообразием и значительным количеством оказывающих различные услуги организаций, которые располагаются в центральном городе.

Еще одним ярким примером диспропорций является соотношение характерных для центра и периферии агломерации значений среднедушевого оборота розничной торговли (рис. 3) – Екатеринбург и в этом случае существенно опережает окружающие его населенные пункты (хотя по обеспеченности жителей торговыми площадями лидером он не является).

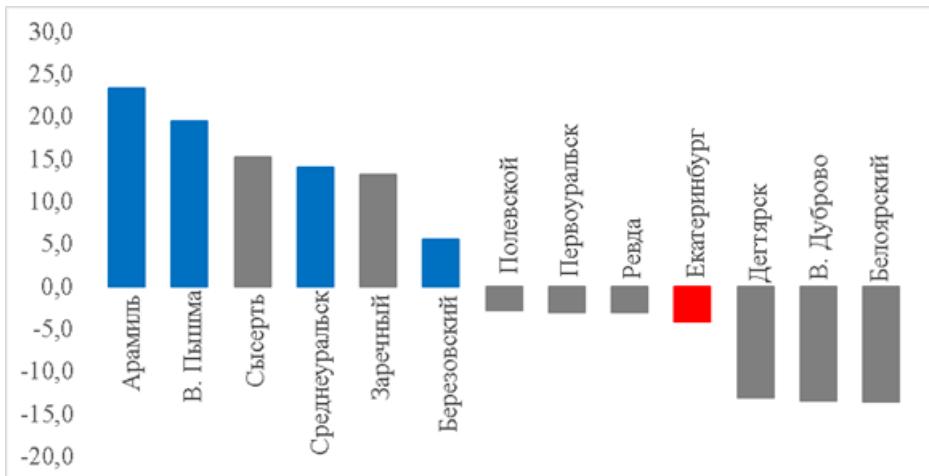

Границы квадрантов определены исходя из средних для агломерации значений рассматриваемых показателей

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://gks.ru/db/scripts/munst/munst.htm>

Рисунок 3 – Соотношение обеспеченности жителей муниципальных образований торговыми площадями и среднедушевого оборота розничной торговли

Следует отметить, что существенной разницы между муниципальными образованиями, входящими в состав первого и второго поясов агломерации, по данным параметрам не наблюдается. В то же время некоторые закономерности, отличающие друг от друга названные группы муниципалитетов, позволяет выявить анализ миграционных потоков. Для всех городов, входящих в первый пояс агломерации, в 2022 г. наблюдался приток жителей (параметры внутрирегиональной миграции для них также были положительны), тогда как большинство муниципалитетов второго пояса (а также ядро агломерации) характеризуются наличием миграционной убыли (рис. 4).

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://gks.ru/db/scripts/munst/munst.htm>

Рисунок 4 – Миграционный приток (убыль) населения, %

Такое перемещение жителей (в т.ч. и в границах агломерации) не обязательно означает утрату привлекательности крупнейшего города (ядра) для жизни, скорее наоборот, является свидетельством реализации процессов субурбанизации, отражающих основную закономерность развития агломерации – перераспределение функций между входящими в ее состав населенными пунктами (те из них, которые наиболее близко расположены к центру, становятся для него своего рода «спальными районами»).

При этом перемещаться может не только население. Вследствие выноса с территории Екатеринбурга значительного количества промышленных объектов его традиционно индустриальный характер экономики трансформируется. В настоящее время удельный вес занятых в промышленности в общей численности работников предприятий Екатеринбурга (корректированный с учетом сотрудников малых и средних предприятий [25]) существенно ниже значений аналогичного показателя, рассчитанных для большей части прочих участников агломерации (табл. 1).

Таблица 1

Доля занятых в промышленности в общей численности работников

Муниципальные образования	Доля занятых в промышленности, %
Екатеринбург	18,39
<i>Первый пояс агломерации</i>	
Арамиль	45,55

<i>Первый пояс агломерации</i>	
Верхняя Пышма	40,40
Среднеуральск	29,20
Березовский	24,02
<i>Второй пояс агломерации</i>	
Полевской	45,98
Заречный	43,23
Первоуральск	39,28
Ревда	37,67
Верхнее Дуброво	32,32
Сысерть	29,26
Белоярский	13,97
Дегтярск	12,33

Рассчитано по:

База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://gks.ru/db/scripts/munst/munst.htm>

Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/>

Выявленные в рамках проведенного анализа особенности развития Екатеринбургской городской агломерации (связанные с той ролью, которую для агломерации играет город-ядро, с перераспределением функционала между ее участниками и повышением значимости периферии как места для жизни и работы) во многом перекликаются с теми процессами, которые исследователи идентифицируют в отношении преобразования крупных и крупнейших агломераций за рубежом – выводом крупной индустрии за пределы центральной части, увеличением доли сферы услуг в ядре, усилением центробежных процессов расширения городских территорий [26]. Это свидетельствует о «встраивании» рассмотренной агломерации в глобальные тренды развития подобных систем и делает актуальным обращение к опыту ее трансформаций при обозначении некоторых методологических принципов агломерационного развития территорий.

Методологические принципы развития агломераций

Несмотря на тот потенциал, который несут в себе агломерации (как возможные точки роста всей национальной социально-экономической системы), их стихийное, неконтролируемое развитие может повлечь за собой разрушение пространственного каркаса, снижение уровня устойчивости функционирования населенных пунктов за счет обострения социальных, экологических и экономических проблем (стягивание ресурсов в отдельные локалитеты влечет за собой выпадение из хозяйственных процессов масштабных территориальных ареалов, их дальнейший упадок и деградацию, а также ухудшение условий функционирования акторов в самих центрах притяжения). Это обуславливает необходимость превращения агломераций из социально-экономической категории (сложноинституционализируемой и развивающейся по своим собственным законам) в объект управления, что, в свою очередь, требует определения методологических принципов их развития.

В научной литературе можно найти целый ряд работ, посвященных развитию методологии агломерационных преобразований российских территорий. Например, в статье Н. Н. Минаева и И. В. Волчковой предложен концептуальный подход к

моделированию процессов управления формированием и развитием агломераций [26]. Его достоинством является выделение двух специфических процессов, связанных с агломерационными преобразованиями территорий: появлением агломераций и их дальнейшей трансформацией (что, очевидно, предполагает использование различных наборов шагов, предполагающих регулирование этих процессов). В то же время алгоритмы управленческих действий, обозначенные авторами, носят достаточно обобщенный характер (подходят для использования в отношении различных территориальных систем), тогда как интерес в рамках рассматриваемой темы представляет именно учет специфики агломерационных формирований.

В некоторых исследованиях акцент сделан на отдельных методологических аспектах агломерационного развития территорий, которые имеет смысл принять во внимание при реализации процессов управления территориальными трансформациями в российской практике. Так, В. В. Меркульев и Е. В. Мягков делают на основании изучения зарубежного опыта вывод о невозможности разработки универсальной модели управления агломерациями, при этом подчеркивая необходимость учета при проведении государственной политики, ориентированной на стимулирование агломерационного развития, того этапа, на котором в текущий момент времени находится развитие регулируемых агломерационных систем [27]. На важность формирования методического аппарата, пригодного для отображения специфических особенностей развития агломераций, обращает внимание в своем исследовании коллектив авторов под руководством В. С. Антонюк [28], собственную методику, подходящую для этих целей, предлагает Н. И. Кузнецов [29]. Значительный интерес у исследователей вызывают также вопросы пространственной организации агломераций, однако, очевидно, что единой методологии в данном случае быть не может – имеет смысл говорить о выборе конкретного методологического подхода (например, подхода к поликентричному развитию системы) для каждой рассматриваемой агломерации [30].

К сожалению, в некоторых работах, авторы которых предпринимают попытки обосновать отдельные элементы методологии развития агломераций, акцент смещается на раскрытие вопросов, хоть и связанных с формированием ряда концептуальных положений теории агломерационного развития, но не затрагивающих собственно методологические положения. Например, Е.И. Еремеев, рассуждая о «совершенствовании теоретико-методологических аспектов развития территориальных агломераций в северных регионах России» [31], останавливается на уточнении понятийного аппарата исследований, посвященных агломерационным преобразованиям, и выявлении отличительных особенностей таких понятий, как «агломерация», «клuster», «территориально-промышленный комплекс» и т.д., не предлагая при этом каких-либо тезисов, способных обогатить методологию развития агломераций.

В целом, следует констатировать, что несмотря на значительный вклад исследователей в решение задач, касающихся обозначенной научной проблемы, комплексная методология развития агломераций, способная найти отражение в российской региональной политике, пока не сформирована. На данном этапе (стадии становления агломерационной политики) особого внимания заслуживает выработка тех положений, которые позволяют учесть специфику агломерации как объекта управления, что позволяет уделить особое внимание некоторым методологическим принципам.

Первый из них – принцип институционализации. Рассмотрение агломерации как объекта управления делает критически важной возможность ее измерения (что, в свою очередь, предполагает однозначную делимитацию ее границ, развитие системы мониторинга

характеризующих ее процессов), а также формирование институтов развития (субъектов, ответственных за активизацию позитивных преобразований агломерации, правил, по которым они могут осуществлять свою деятельность). При этом особое значение приобретает разграничение полномочий и функционала между органами управления муниципальными образованиями, входящими в состав агломерации, субъектами системы управления городскими агломерациями (координационный совет, межмуниципальная компания и др.), органами государственной власти; а также «встраивание» формируемых институтов, норм и правил в существующую систему стратегического планирования. Показателен пример Екатеринбургской городской агломерации: как уже отмечалось ранее, ее участниками подписано соглашение о взаимодействии. Это означает, что муниципальные образования, входящие в состав агломерации, четко идентифицируют себя в качестве ее элементов, готовы к обсуждению общих проблем и реализации совместных проектов. Этот шаг – проявление заинтересованности потенциальных участников в коммуникации, комплексных преобразованиях – является ключевым этапом процесса институционализации агломерации как объекта.

Еще один важный принцип, тесно связанный с ранее названным – это принцип системности развития. В данном случае речь идет о системном характере преобразования пространства. Агломерации должны быть органично встроены в пространственную ткань страны, макрорегиона и региона, что обуславливает необходимость учета влияния, которое могут оказать порождаемые управленческими инициативами процессы трансформации агломераций на окружающие их территории, при проработке этих инициатив. С другой стороны, ситуация, складывающаяся в окружающем агломерации пространстве, также может оказывать существенное влияние на меры, которые требуются для решения возникающих внутри городских агломераций проблем. Кроме того, превращение агломерации в полноценный полюс роста макрорегионального или национального масштаба требует ее встраивания в пространственный каркас территориальной системы, его «достройку» в целях наиболее эффективного функционирования (например, путем создания менее масштабных агломераций, выступающих центрами противовеса), а также сопряжение процессов развития участников внутриагломерационных взаимодействий. Это означает, что региональные и национальные документы стратегического планирования не должны упускать формирующиеся (или развивающиеся) агломерации из внимания, причем не только на стадии целеполагания, но и на стадии планирования и программирования. В случае с Екатеринбургской городской агломерацией этот принцип отчасти реализуется через учет связанных с ее функционированием агломерационных процессов в политике, проводимой региональными органами власти. Так, Правительством Свердловской области в настоящее время ведутся работы по формированию долгосрочного комплексного плана развития агломерации, учитывающего как ее место в развитии региона, так и роль каждого входящего в ее состав муниципального образования в агломерационных процессах.

Третий принцип – принцип отсутствия барьеров. Возникновение агломерационных эффектов возможно только в случае наличия в системе условий для свободного перетока ресурсов между ее отдельными элементами, для их интеграции в интересах решения общих проблем, максимизации получаемых выгод и преимуществ. Значимость этого принципа подтверждают итоги анализа особенностей развития Екатеринбургской городской агломерации, позволившего выявить наметившиеся тенденции к перераспределению функционала между отдельными муниципалитетами, созданию предпосылок для их специализации внутри системы – все это требует упрощения межтерриториальных перемещений, ускорения ресурсных, информационных и иных

потоков. При этом данный принцип касается как институциональных ограничений, так и физических (в частности, тех, которые могут быть устранины за счет развития транспортной инфраструктуры), а также социально-экономических (например, связанных с высокой степенью дифференциации условий, которые складываются в разных населенных пунктах, являющихся элементами агломерации) барьеров.

Принцип дифференцированного подхода к развитию агломераций предполагает учет индивидуальных особенностей каждой конкретной агломерации (при наличии общей методологии их развития, отдельные аспекты которой должны быть закреплены в государственной политике регионального развития). Агломерации, даже развивающиеся в пространстве одной страны (одного региона), могут весьма существенно отличаться друг от друга (спецификой территориальной организации, размерами, уровнем сформированности и др.), что не позволяет использовать унифицированный подход к управлению ими (каждый случай требует отдельного рассмотрения), хотя некоторые лучшие практики и опыт развития близких по своим характеристикам систем в контексте проработки направлений политики регулирования агломерационных преобразований заслуживает внимания и осмысления.

Пятый принцип – принцип наличия ресурсной основы развития – обусловлен тем фактом, что любой управленческий процесс (реализация комплекса мероприятий, направленных на развитие системы) требует привлечения достаточного количества ресурсов (трудовых, финансовых, временных), что в контексте регулирования процессов преобразования агломерационных систем может стать нетривиальной задачей из-за отсутствия управленческого опыта в сфере регулирования агломерационных систем у субъектов управления (отягощенного неопределенностью имеющихся в данной сфере полномочий у структур разных уровней), а также сложностей перераспределения финансовых средств между бюджетами субъектов, заинтересованных в развитии агломерации. В отдельных случаях даже в текущих условиях, характеризующихся отсутствием формально закрепленных органами государственной власти и упрощающих эти процессы на внутриагломерационном уровне инструментов, возможным является использование механизмов, позволяющих сформировать ресурсную основу для реализации межмуниципальных проектов. Так, показательным является пример реализации такого проекта в рамках Екатеринбургской городской агломерации – строительства трамвайной линии, объединяющей Екатеринбург и Верхнюю Пышму. Его успешное завершение стало возможным благодаря заключению трехстороннего соглашения между данными муниципальными образованиями и регионом, которое предусматривало целевое объединение финансовых средств из разных бюджетов. В то же время следует признать, что подобные примеры являются, скорее, исключением из правил – необходимым является формирование удобного для использования именно для участников агломераций инструментария, упрощающего формирование ресурсной основы для решения ими совместных проблем.

Заключение

Рост интереса к городским агломерациям как к перспективным центрам экономического роста, наблюдаемый со стороны представителей научной сферы и структур, осуществляющих управление территориальными преобразованиями, актуализирует выявление теоретико-методологических основ агломерационного развития, поиск механизмов и инструментов, способствующих превращению подобных структур в активаторы эффективной деятельности хозяйственных систем разного уровня.

Несмотря на значительное количество исследований, способствующих развитию

концепции агломерационного развития территорий, многие аспекты формирования и функционирования агломераций сохраняют дискуссионный характер, что, в свою очередь, препятствует формированию грамотной организации системы управления ими. В этой связи особое значение приобретает выработка методологических принципов развития агломераций, в основе которых должна лежать идея комплексного развития их элементов. Проведенный экспресс-анализ функционирования одной из российских агломераций (Екатеринбургской) показал, что процессы субурбанизации, трансформации экономической структуры городов, а также наличие межтерриториальных диспропорций определяют высокую значимость возможности беспрепятственного перемещения субъектов, ресурсов и информации в пространстве агломерации, важность взаимодействия отдельных акторов друг с другом в интересах системного преобразования как их самих, так и окружающего пространства. Рассмотрение успешных кейсов решения некоторых сложностей, возникающих в ходе функционирования Екатеринбургской агломерации, также позволило сделать выводы о том, что в контексте управления агломерационным процессом необходимо учитывать значимость институционализации его объекта (т.е. агломерации), а также понимания инструментов для формирования ресурсной основы осуществления данного процесса. В то же самое время стратегические ориентиры и тактические подходы к осуществлению преобразований агломерационных систем не должны быть унифицированными: каждая агломерация обладает своей спецификой, которая обязательно должна учитываться при выстраивании траектории ее развития.

Предложенные методологические принципы могут лечь в основу подхода, имеющего прикладное значение и способного найти применение в российской практике, например, при выстраивании взвешенной региональной политики. В то же время, вопросы управления процессами формирования и функционирования агломераций заслуживают дальнейшего раскрытия, в частности, перспективным направлением исследований является дальнейшее уточнение и дополнение методологических принципов развития агломераций, разработка методического инструментария комплексной оценки агломерационных процессов, а также предложение организационно-экономического механизма их эффективной реализации.

Библиография

1. Коломак Е. А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 85-106. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106
2. Широв А. А., Михеева Н. Н., Гусев М. С., Савчишина К. Е. Макроэкономическая стабилизация и пространственное развитие экономики // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5 (176). С. 3-15.
3. Лексин В. Н. Пространственное развитие и его транспортное обеспечение в государственной политике России // Восточная аналитика. 2019. № 2. С. 48-59.
4. Пролубников А. В. Специфика пространственного развития современной российской экономики как фактор региональной политики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 3 (123). С. 54-60.
5. Fang C., Yu D. Urban agglomeration: An evolving concept of an emerging phenomenon // Landscape and Urban Planning. 2017. Vol. 162. Pp. 126-136. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2017.02.014
6. Weber A. Standort der Industrien. Tübingen, 1922. 268 p.
7. Леш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука, 2007. 663 с.
8. Lampard E. The history of cities in the economically advanced areas // Economic

- Development and Cultural Change. 1955. Vol. 3(2). Pp. 81-136.
9. Hoover E. M., Giarratani F. An Introduction to Regional Economics. WVU Research Repository, 1999 URL: <https://researchrepository.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=rri-web-book>
10. Richardson H. W. City Size and National Spatial Strategies in Developing Countries. Washington: World Bank Staff Working Paper no. 252, 1977.
11. Krugman P., Venables A. Globalization and the inequality of nations // Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110(4). Pp. 857-880.
12. Romer P. Increasing returns and new developments in the theory of growth // National Bureau of Economic Research Working Paper Series. 1989. 3098. DOI: 10.3386/w3098
13. Ellison G., Glaser E. Geographic concentration in U. S. manufacturing firms: a dartboard approach // Journal of Political Economy. 1997. Vol. 107. Pp. 889-927.
14. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy. Cities, Regions, and International Trade. Cambridge: MIT-Press, 1999, 367 p.
15. Лаппо Г. М. Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 152 с.
16. Перцик Е. Н. Города мира: География мировой урбанизации. М.: Международные отношения, 1999. 89 с.
17. Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Градоведение. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2008. 417 с.
18. Городков А. В., Федосова С. И. Основы территориально-пространственного развития городов. Брянск: Брянская государственная инженерно-технологическая академия, 2009. 326 с.
19. Leven Ch. Determinants of the size and spatial forms of urban areas // Papers in Regional Science. 1969. Vol. 22(1). Pp. 7-28.
20. Паршуто Е. В. Зарубежный опыт формирования и развития городских агломераций // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2014. № 15. С. 44-51.
21. Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Эволюция развития и исследования Екатеринбургской городской агломерации // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования. М.: Географический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2021. С. 126-140.
22. Ворошилов Н. В. Развитие городских агломераций на территории Европейского Севера России // Федерализм. 2021. № 26(4). С. 54-74. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-4-54-74
23. Монастырская М. Е., Песляк О. А. Методика определения границ городских агломераций // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2019. № 2. С. 111-121. DOI: 10.12737/article_5c73fc21703586.16507052
24. Dutta, I., Das, A. Exploring the dynamics of spatial inequality through the development of sub-city typologies in English Bazar Urban Agglomeration and its peri urban areas // GeoJournal. 2018. Vol. 84. Pp. 829-849. DOI: 10.1007/s10708-018-9895-y
25. Суворова А. В. Структурные особенности экономики муниципальных образований: оценка и интерпретация // Экономика и управление. 2023. № 29(9). С. 1094-1108. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-9-1094-1108
26. Меркурьев В. В., Мягков Е. В. Развитие агломераций: этапы, отечественные и зарубежные практики // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. № 3(71). DOI: 10.24412/1999-2645-2022-371-8. URL:

- <https://eee-region.ru/article/7108/>
27. Минаев Н. Н., Волчкова И. В. Методологические основы управления формированием и развитием агломераций // Проблемы современной экономики. 2014. № 1(49). С. 162-165.
28. Антонюк В. С., Козина М. В., Вансович Э. Р., Сигатова Н.А. Формирование и развитие городских агломераций: теоретико-методологические аспекты исследований // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2021. Т. 15. № 2. С. 7-19. DOI: 10.14529/em210201
29. Кузнечов Н. И. Особенности методик оценки агломерационного развития в России // Федерализм. 2020. № 2. С. 190-197. DOI: 10.21686/ 2073-1051-2020-2-190-197
30. Олифир Д. И. Роль методологии пространственной организации городов Санкт-Петербургской агломерации в региональном развитии // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19. № 5(488). С. 925-942. DOI: 10.24891/re.19.5.925
31. Еремеев Е. И. Теоретико-методологические аспекты развития территориальных агломераций // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 352-356.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Опираясь на заголовок, представляется возможным заключить о том, что статья должна быть посвящена особенностям функционирования и методологические принципы развития городских агломераций. Содержание статьи соответствует заявленной теме.

Методология исследования базируется на анализе и синтезе данных, в т.ч. числовых в части характеристики муниципальных образований Свердловской области. Ценно, что автором было проведено большое количество вычислений, позволяющих сделать множество содержательных выводов.

Актуальность исследования вопросов, связанных с изучением особенностей функционирования и методологические принципы развития городских агломераций не вызывает сомнения, т.к. от того, насколько обеспечено социально-экономическое развитие муниципальных образований зависит и региональное развитие, и развитие Российской Федерации, в целом. Потенциально научная статья по данной теме должна обладать высоким спросом со стороны широкого круга читательской аудитории ввиду того, что рассматриваемые вопросы находятся в фокусе внимания большого количества исследователей и заинтересованных лиц, в том числе со стороны представителей органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и со стороны должностных лиц муниципальных образований. Более того, прослеживается вклад развития муниципальных образований в достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Научная новизна в представленных на рецензирование материалах присутствует. В частности, она может быть связана с особенностями функционирования агломераций в современных условиях. При этом, автору рекомендуется в выводе по соответствующему параграфу сформулировать кратко перечень особенностей, содержание которых изложено в тексте пункта.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения научный. Структура статьи автором сформирована. В целом, она может быть использована для раскрытия заявленной темы. Ознакомление с содержанием позволяет заключить о большой проделанной автором работе. При этом, во вступительной части автор говорит о том, что "предложение методологических основ развития агломераций, способных найти применение в российской практике, является важной научной задачей". К сожалению, в тексте статьи это задача не была решена. Представленные автором "методологические принципы..." вызывают вопросы, как минимум, с позиции того, что принципы априори относятся к методологии, но указанный автором набор рекомендаций не является принципами. Более того, как данный текст связан с анализом, проведенным выше? Как использовать данные "принципы" на практике? Было бы интересно это показать. Это позволит обеспечить внутреннее единство и логическую связь отдельных элементов статьи.

Библиография. Автором сформирован библиографический список из 25 источников. Ценно, что автор опирается не только на труды зарубежных исследователей, но и отечественных. Положительно характеризует научную статью и учёт публикаций, вышедших в 2023 году. При этом в списке литературы отсутствуют источники, в которых содержатся числовые данные, использованные при подготовке статьи.

Апелляция к оппонентам. Несмотря на сформированный список литературы, не удалось найти научную дискуссию по вопросам, предложенным автором к обсуждению. При проведении доработки автору рекомендуется уделить особое внимание устраниению данного замечания, так как это позволит внести свой положительный вклад и в усиление научной новизны.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом всего вышесказанного, представляется возможным заключить о выборе автором актуальной темы исследования, интересующей широкий круг лиц, в том числе должностных лиц органов публичной власти, аналитиков и преподавателей. После устранения указанных в тексте рецензии замечаний статья может быть опубликована.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи – городские агломерации, рассматриваемые в контексте особенностей их функционирования и исследования методологических принципов развития.

Проведение исследования базируется на обобщении литературных источников по теме исследования, визуализации исходных данных и результатов исследования.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что освещение предложение методологических основ развития агломераций, способных найти применение в российской практике, является важной научной задачей.

Научная новизна рецензируемого исследования, по мнению рецензента, состоит в обобщении концепций агломерационного развития территорий, в выявлении особенностей функционирования подобных структур в современных условиях на примере одной из агломераций России.

В статье структурно выделены следующие разделы: Введение, Основы формирования

концепции агломерационного развития территорий, Особенности функционирования агломераций в современных условиях: кейс Екатеринбургской городской агломерации, Методологические принципы развития агломераций, Заключение, Библиография.

Авторы рассматривают исследования, посвященные пространственной кластеризации городов, начиная с 1920-х годов, в частности теорию размещения промышленности А. Вебера, концепцию агломерации Э. Лампарда с акцентом на концентрацию активности в одной точке пространства с экономическим ростом, объяснение причин возникновения агломераций Дж. Эллисоном и Е. Глэйзером, а также современные трактовки термина «городская агломерация». Отмечено, что во всех определениях акцент делается на географическую близость населенных пунктов, городов друг к другу, высокую степень их концентрации, на тесных взаимосвязях между элементами агломерации. В публикации детально рассмотрена Екатеринбургская городская агломерация, приведены результаты расчетов по определению соотношения обеспеченности жителей муниципальных образований торговыми площадями и среднедушевого оборота розничной торговли в населенных пунктах рассматриваемой агломерации; охарактеризован миграционный приток (убыль) населения в разрезе населенных пунктов агломерации; показана доля занятых в промышленности в общей численности работников непосредственно в Екатеринбурге, а также в населенных пунктах первого и второго поясов агломерации. В статье сформулированы пять методологических принципов развития агломераций, в Заключении отмечено, что они могут лежать в основу подхода, имеющего прикладное значение и способного найти применение в российской практике, например, при выстраивании взвешенной региональной политики.

Библиографический список включает 31 источник – публикации отечественных и зарубежных ученых по теме статьи, на которые в тексте имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из предложений по улучшению оформления публикации следует назвать целесообразность размещения библиографического описания источников анализируемых данных не после таблиц и рисунков, а в списке литературы с указанием отсылок в тексте.

Статья соответствует направлению журнала «Теоретическая и прикладная экономика», содержит элементы научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.

Теоретическая и прикладная экономика

Правильная ссылка на статью:

Ковалев В.А. — Развитие зеленого финансирования в странах ЕАЭС на основе оценки ликвидности зеленых облигаций // Теоретическая и прикладная экономика. – 2023. – № 4. – С. 18 - 34. DOI: 10.25136/2409-8647.2023.4.69426 EDN: BALLYM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69426

Развитие зеленого финансирования в странах ЕАЭС на основе оценки ликвидности зеленых облигаций

Ковалев Владислав Алексеевич

ORCID: 0009-0000-2110-6400

студент, Департамент общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, г. Москва, проспект Ленинградский, 49/2

✉ kovalevdocs@mail.ru

[Статья из рубрики "Финансы, денежно-кредитные отношения и инвестиции"](#)

DOI:

10.25136/2409-8647.2023.4.69426

EDN:

BALLYM

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2023

Дата публикации:

29-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является ликвидность зеленых облигаций в странах Евразийского экономического союза как важная инвестиционная характеристика финансового инструмента для неинституциональных инвесторов и развития зеленого финансирования в странах ЕАЭС. Автором проанализирована ликвидность зеленых облигаций, обращающихся на Московской бирже, в разрезе групп показателей ликвидности: срочности (времени), объема и транзакционных издержек, предложенных отечественными и зарубежными авторами и чье применение экспериментально апробировано в научной литературе. Рассмотрены факторы, оказывающие влияние на ликвидность зеленых облигаций, взаимосвязь показателей ликвидности, выделены основные инструменты стимулирования спроса и предложения на зеленые облигации в странах ЕАЭС и их применимость в Российской Федерации. В

работе проведена группировка и рейтингование зеленых облигаций по уровням ликвидности. Для расчета уровней ликвидности в работе осуществляется сбор данных посредством методов Информационно-статистического сервера Московской Биржи о спецификации финансовых инструментов, истории сделок по нему за интервал дат и за последний торговый день. Основными выводами проведенного исследования являются следующие: российский рынок зелёных облигаций имеет кластер неликвидных облигаций, особенностью которого является размещение облигаций на рынке до 2020 года. Стимулирование спроса на зелёные облигации возможно за счет расширения практики субфедеральных зелёных займов, осуществляемых в том числе через институты развития совместно с проведением активной политику по информированию о выпуске зелёных облигаций. Дисбаланс объёмов сделок и их частотой возможно нивелировать в том числе и за счет расширения участия неинституциональных инвесторов в долговом зелёном финансировании. Потенциально успешным является размещение федеральных облигационных зелёных займов в Российской Федерации по опыту выпуска зеленых государственных облигаций в Республике Беларусь и освобождение физических лиц от обложения налогом на доходы физических лиц доходов от реализации и погашения зеленых облигаций в целях повышения спроса на зеленые бонды. Повышение ликвидности зелёных облигаций и рост объема их рынка за счёт реализации предложенных мер позволит оказать положительные эффекты на социально-экономическое развитие стран ЕАЭС: на экологическую обстановку, сектор коллективных инвестиций и благосостояние граждан.

Ключевые слова:

зеленые облигации, зеленое финансирование, показатели ликвидности, финансовый рынок, устойчивое развитие, ЕАЭС, инвестиционные характеристики, оборачиваемость, спред, рейтинг зеленых облигаций

Введение

Актуальность работы обусловлена сохранением ESG-повестки в странах ЕАЭС и необходимости выработки мер по развитию рынка зеленого финансирования на основе эмпирических исследований рынка зеленых бондов в странах-членов ЕЭАС, в том числе вовлечения на рынок новых участников и повышения инвестиционных характеристиках зеленых облигаций.

Цель работы – совершенствование зеленого финансирования в странах ЕАЭС на основе оценки ликвидности зеленых облигаций.

Развитие долгового зеленого финансирования является одним из факторов устойчивого развития российской экономики и достижения национальных целей развития Российской Федерации - развитие зеленых облигаций с целью стимулирования инвестиций с большими социально-экономическими эффектами является частью Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года, а доля выпущенных зеленых облигаций в общем объеме выпущенных на российском рынке облигаций является одним из индикаторов (показателей) реализации Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года. В научной литературе подчеркивается значимая роль зеленого финансирования в социально-экономическом развитии государства, решении экологических проблем и отмечается, что основными инвесторами в зеленые

облигации являются институциональные инвесторы [1][2]. С целью совершенствования зеленого финансирования в Российской Федерации мы предпринимаем попытку проанализировать ликвидность зеленых облигаций на финансовом рынке как один из факторов повышения вовлеченности экономических агентов в участии в долговом зеленом финансировании посредством размещения средств в зеленые облигации. Важно отметить, что это имеет огромную важность и для модернизации долговой политики российских регионов, испытывающих проблем с долговой устойчивостью [3].

Исследуя факторы развития рынка зеленых облигаций, Тарасова Ю. А. и Ляшко Е. Н. на основе результатов регрессионного анализа относят к ним устойчивости экономики и качество экологического регулирования [4], Дорофеев М. Л. – развитие финансового рынка и государственного стимулирование рынка зеленых бондов [5]. Вышеуказанные факторы должны, в первую очередь, обеспечить устойчивый темп роста денежных средств, размещенных в зеленые облигации, количества их выпусков и эмитентов. Ликвидность зеленых облигаций, не является приоритетной для части институциональных инвесторов, например, страховых организаций и негосударственных пенсионных фондов, характеризующихся длинным инвестиционным горизонтом и стратегией «buy and hold», однако фактор ликвидности облигаций, обращающихся на российском финансовом рынке нельзя не учитывать при постановки задачи привлечения в зеленые заимствования неинституциональных инвесторов – здесь необходимо согласиться с Дорофеевым М. Л., заявляющем о необходимости привлечения на рынок зеленых бондов большего количества участников, в том числе физических лиц. При такой задаче низкая ликвидность зеленых облигаций некрупных эмитентов или невысокого кредитного качества не обеспечит должное вовлечение широкого круга инвесторов, чья инвестиционная стратегия подразумевает учет ликвидности. Febi, W., Schäfer, D., Stephan, A. уже в 2018 г. обратили внимание на риск превышения спроса на зеленые бонды предложения в условиях стремительного роста спроса и отсутствия фискальных стимулов для зеленых инвестиций, который способен к размещению зеленых бондов с купонной ставкой более низкой по сравнению с более широким рынком обычных облигаций [6]. Более низкая доходность погашения по зеленым облигациям объясняется Дорофеевым М.Л. готовностью инвесторов доплачивать за участие в зеленом финансировании в условиях высокого уровня прозрачности эмитента [5]. При этом Febi, W., Schäfer, D., Stephan, A. называют её премией за ликвидность [6]. Тезисы о более низкой процентной ставки зеленых облигациях относятся к рассуждению о наличии граниума (greenium) – скидки по купонной ставке за статус «зеленых» облигаций. Наличие или отсутствие граниума до сих пор обсуждается в исследовательском сообществе, так Гусеева И. А. и Богомолов Я. М., проанализировав зарубежные и российские научные работы, пишут о неоднозначности и противоречивости этого вопроса, при этом в заключение отмечая зависимости присутствия граниума от текущего соотношения спроса и предложения [7]. Кроме того, Белов А. Н. пишет о снижении неблагоприятного риска изменения цены и времени сделки при высоком объеме торгов, что является важным фактором в развитии рынка зеленых бондов [8]. Таким образом, значимая роль уровня ликвидности в ценообразовании зеленых облигаций и участия институциональных и неинституциональных инвесторов в размещении средств в зеленое финансирование обуславливает актуальность изучения текущего состояния ликвидность зеленых бондов на финансовом рынке в Российской Федерации.

При этом, анализу инвестиционных характеристик зеленых облигаций в отечественной

литературе уделяется внимания меньше, чем институциональным факторам развития их рынка. С учетом наличия у части институциональных инвесторов фидuciарной ответственности (например, у негосударственных пенсионных фондов) и обязанностей по формированию сбалансированных и устойчивых инвестиционных портфелей, низкая ликвидность способна иметь решающую роль в принятии решения об участии институциональных инвесторов в зеленом долговом финансировании, при этом размещение крупного капитала является драйвером развития молодого рынков зеленых бондов в странах ЕАЭС – работа рынка зеленых облигаций взаимосвязана с инвестиционной политикой и деятельностью страховых организаций и инвестиционных фондов. Следовательно изучение всех характеристиках «доходность-риск-ликвидность» анализируемых облигаций является задачей с приоритетом наравне изучению условий их эмиссии, государственной поддержки, формированию инфраструктуры и верификации. Так как зеленые облигации являются относительно новым и инновационным инструментом на финансовых рынках ЕАЭС, изучение практики стран участников, разработка и осуществление мер по интеграции зеленого финансирования в единое экономическое пространство позволит обеспечить взаимовыгодный для всех стран рост рынка зеленых бондов на уровне, не ниже мирового, сформировать эффективную и безопасную рыночную инфраструктуру, напрямую улучшающую социально-экономическое положение стран-участников.

Методы и информационная база исследования

В исследовании мы оцениваем показатели ликвидности зеленых облигаций, включенных в Сектор устойчивого развития Московской биржи (сегмент облигаций устойчивого развития/зеленые облигации), находящихся в обращении в настоящее время [9]. Были отобраны выпуски облигаций с датой размещения не менее чем за 3 месяца на дату проведения исследования для обеспечения сопоставимости оценок показателей ликвидности – нами исключен выпуск инструмента с международном идентификационном кодом ценной бумаги (далее – ISIN) «RU000A1067H4» эмитента ООО «ЛЕГЕНДА», таким образом, число анализируемых выпусков облигаций составило 18 штук.

Для сбора данных мы используем методы Информационно-статистического сервера Московской Биржи (далее – ИСС) по получению спецификации финансовых инструментов, истории сделок по нему за интервал дат и за последний торговый день.

Ликвидность, являясь одной из трех главных финансовых характеристиках финансовых рынков и активов, имеет множество интерпретаций и методов формализованной оценки. Часть работ посвящена отбору переменных и факторов, коррелирующих с ликвидностью актива на финансовом рынке [8], для начала нашего же исследования необходимы модели показателей ликвидности с возможностью категоризации облигаций без оценки факторов, влияющих на показатели. Чайкун А. Н., руководствуясь принципами представительности, информационной доступности, апробации и верификации, отбирает показатели ликвидности, предложенные зарубежными авторами и сгруппированными по 4 проекциям (времени, цене, объему трансакционным издержкам) [10]. Подтверждая слова Чайкуна А. Н. о перемешанности характеристик ликвидности и их частой коррелированности с друг другом, Быстрова Д. А. выделяет 5 показателей ликвидности (срочность, глубина и упругость, объем плотность и многомерный показатель), чьи способы измерения частично совпадают с показателями ликвидности, которые описывает Чайкун А. Н. [11]. Сидоров А. А. к аспектам ликвидности финансового актива относит временной (безотлагательность и сжатость) и стоимостной аспекты (глубина, релаксация) [12]. Интересна методика расчета ликвидности ценных бумаг Казахстанской

фондовой биржи, но она не использована в исследовании ввиду невозможности получения в открытом доступе информации о количестве участников Московской биржи, принимавших участие в заключении сделок с ценными бумагами, являющихся одним из показателей для расчета ликвидности [\[13\]](#).

Мы проводим исследование ликвидности зеленых облигаций для снижения издержек и рисков инвесторов, пытающихся снизить средний срок проведения сделки (продажи облигаций) и максимизировать цену продажи, следовательно, мы используем 3 группы показателей ликвидности: срочности (времени), объема и транзакционных издержек.

В группе срочности мы анализируем 2 показателя: объем торгов – среднедневное количество сделок по купле-продаже зеленых облигаций за 30 предшествующих календарных дней обозначенное как Q_m , и частоту торгов, вычисляемое по формуле (1), которая демонстрирует торговую активность облигации [\[10\]](#).

$$R = \frac{B_d}{B} * 100\% \quad (1)$$

где R – частота торгов, %;

B_d – количество торговых дней с минимум одной сделкой за 30 предшествующих календарных дней, шт.;

B – количество торговых дней за предшествующих календарных 30 дней, шт.;

В группе показателей объема мы определяем коэффициент оборачиваемости, рассчитываемый по формуле (2) [\[11\]](#).

$$TURNOVER = \frac{V_d}{V_i} * 100 \quad (2)$$

где $TURNOVER$ – коэффициент оборачиваемости;

V_d – объем сделок по облигации за квартал, шт.;

V_i – объем выпуска (эмиссии) облигации, шт.;

В группе показателей транзакционных издержек для каждой облигации мы определяем спред между ценами покупки-продажи (bid-ask spread), демонстрирующий уровень издержек по сделкам с ценными бумагами [\[10\]](#)[\[11\]](#). Мы определяем показатель относительного спреда, рассчитывающегося по формуле (3) [\[11\]](#).

$$RQUOTED_t = \frac{(a_t - b_t)}{m_t} * 100 \quad (3)$$

где $RQUOTED_t$ – относительный спред цены сделок по облигации в день t , руб.;

a_t – наименьшая цена покупки облигации в день t , руб.;

b_t – максимальная цена продажи облигации в день t , руб.;

m_t – средняя цена покупок и продаж облигации в день t , руб.;

Кроме того, мы используем относительный эффективный спред, учитывающий цену

последней сделки и рассчитываемый по формуле (4) [11].

$$REFECT_t = \frac{2 * 2 * |p_t - m_t|}{m_t} \quad (4)$$

где $REFECT_t$ – относительный эффективный спред;

p_t – цена закрытия позиции по облигации в день t , руб;

Расчёт показателей спрэда требует информацию о каждой отдельной сделке, а не о итогах торгов за определенный промежуток времени. ИИС позволяет получить в свободном доступе данные по сделкам только за последний торговый день, что лишает нас возможности получить точную оценку спрэда в условиях расчета показателей по данным только за один день и наличия зеленых облигаций, торги по которым в последний торговый день на дату расчета не велись.

По каждому показателю мы присваиваем облигации уровень ликвидности LL_b по формуле (5).

$$LL_b = \begin{cases} 0, & LIQ(b) \leq q_1^X \\ 1, & q_1^X > LIQ(b) \leq mediana(X) \\ 2, & mediana(X) < LIQ(b) \leq q_3^X \\ 3, & LIQ(b) \geq q_3^X \end{cases} \quad (5)$$

где LL_b – уровень ликвидности;

$LIQ(b)$ – результат расчёта показателя ликвидности облигации b ;

q_1^X – первый квартиль показателя ликвидности множества исследуемых облигаций X ;

$mediana(x)$ – медианное значение показателей ликвидности множества исследуемых облигаций X ;

q_3^X – третий квартиль показателя ликвидности множества исследуемых облигаций X ;

Уровни определим как: 0 – неликвидные облигации, 1 – низколиквидные облигации, 2 – среднеликвидные облигации, 3- высоколиквидные облигации.

Выбранные показатели позволяют оценить уровень ликвидности облигаций в разных проекциях и по данным за разные промежутки времени. Присвоение уровня ликвидности позволяет произвести ранкинг облигаций по их ликвидности на рынке относительно друг друга. Отметим, что группа выбранных показателей для измерения ликвидности не является исчерпывающей и сформирована, в том числе с учетом возможности проведения исследования по данным из открытых источников. Отметим, что присвоение уровней ликвидности осуществляется для разных ценных бумаг в порядке, сформулированными авторами или методиками организаций – единый подход отсутствует.

Используемые методы, подтвержденные отечественными и зарубежными научными работами, и информационная база анализа позволяют обеспечить воспроизводимость исследования, открытость результатов и статистическую значимость расчётов по выборке.

Результаты

Рассчитав среднедневное количество сделок Q_m , что представлено в таблице 1 и на рисунке 1, мы идентифицировали 7 облигаций, сделки по которым в течение календарного месяца, предшествующему дате расчета, отсутствовали. Торги по 6 из 7 вышеуказанных облигаций начались до 2020 г. включительно – выпуски «первопроходцы» по первому показателю оказались наименее ликвидны.

Таблица 1 – Рассчитанные показатели ликвидности

ISIN	Q_m	TURNOVER	RQUOTED	REFECT
RU000A102LS9	33	6,25	-0,37	0,58
RU000A101DA6	1	0,02	-	-
RU000A101DB4	45	5,09	100	0,02
RU000A101D96	0	0,00	-	-
RU000A0JWU31	0	0,00	-	-
RU000A0ZYBA9	0	0,00	-	-
RU000A0ZYGF7	0	0,00	-	-
RU000A0ZYGG5	0	0,00	-	-
RU000A0JWU23	0	0,00	-	-
RU000A103Z8	223	0,30	-0,17	0,24
RU000A103AT8	44	0,24	-0,15	0,12
RU000A103G00	112	4,70	-0,98	0,78
RU000A103YM3	116	3,29	-0,05	0,23
RU000A104N3	29	2,48	0,14	0,21
RU000A104Z48	190	1,84	-0,1	0,20
RU000A105F3	0	0,00	-	-
RU000A105K85	36	4,00	-0,93	0,40
RU000A105VR3	15	0,87	99,89	0,47

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Московской биржи [\[9\]](#).

Сгруппировав облигации в таблице 2 по уровням ликвидности, отметим, что количество неликвидных и низколиквидных облигаций составило половину всех облигаций.

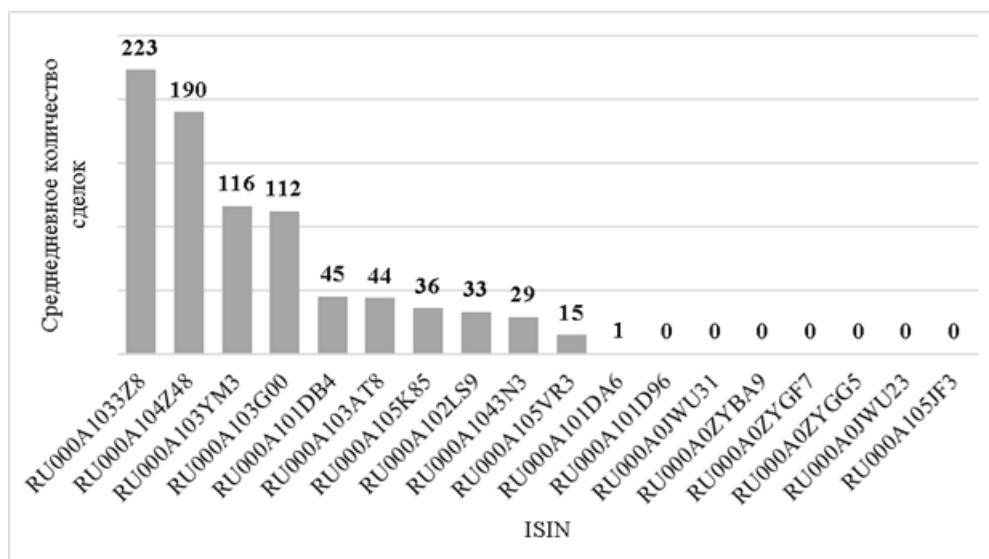

Рисунок 1 – Среднедневное количество сделок зеленых облигаций

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Московской биржи [\[9\]](#).

Таблица 2 – Группировка облигаций по среднедневному количеству сделок

Уровень ликвидности	Количество облигаций
Неликвидность	7
Низкая ликвидность	2
Средняя ликвидность	4
Высокая ликвидность	5

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Московской биржи [\[9\]](#).

По результатам проведённого автором расчета показателей частоты торгов облигаций, представленных в таблицах 1 и 3, отметим, что по всем облигациям, за исключением облигации с ISIN «RU000A101DA6» эмитента ООО «Специализированное финансовое общество РуСол 1», в течение календарного месяца сделки купли-продажи осуществлялись или каждый торговый день, или не осуществлялись ни разу – по данному показателю рынок зеленых бондов бинарен.

Таблица 3 – Группировка облигаций по частоте торгов

Уровень ликвидности	Количество облигаций
Неликвидность	7
Низкая ликвидность	1
Средняя ликвидность	0
Высокая ликвидность	10

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Московской биржи [\[9\]](#).

Для расчета коэффициента оборачиваемости мы получили данные о результатах торгов по исследуемым облигациям за 3 месяца, предшествующих дню расчета. Общее количество торговых дней за данный промежуток времени – 62. Полученные результаты, приведенные в таблицах 1 и 4 и продемонстрированные на рисунке 2, демонстрируют, что несмотря на равное количество облигаций в каждой группе уровня ликвидности, среднедневное количество сделок не коррелирует с оборачиваемостью – большое количество сделок не всегда определяет возможность реализовать на бирже значимый объем пакета облигаций. Коэффициент корреляции между Q_m и $TURNOVER$ составил 0,26.

Таблица 4 – Группировка облигаций по коэффициенту оборачиваемости

Уровень ликвидности	Количество облигаций
Неликвидность	7
Низкая ликвидность	2
Средняя ликвидность	4
Высокая ликвидность	5

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Московской биржи [\[9\]](#).

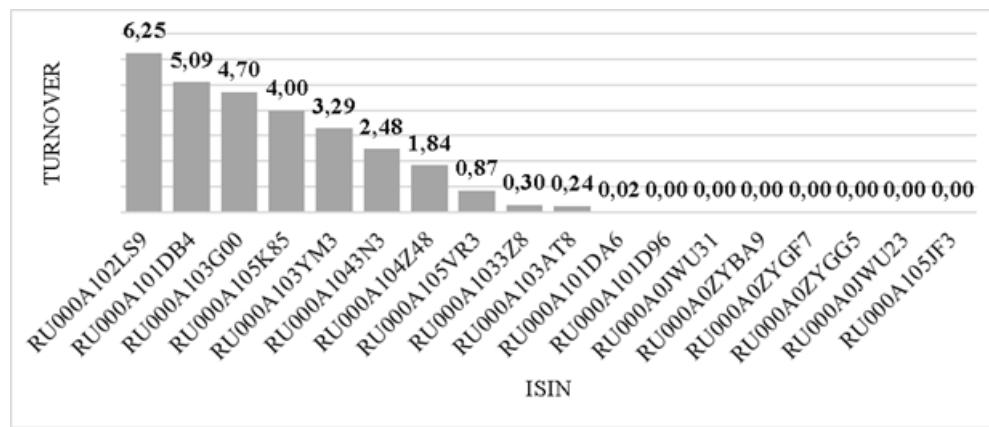

Рисунок 2 – Коэффициент оборачиваемости зелёных облигаций

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Московской биржи [9].

Относительный спред невозможно посчитать у 8 облигаций по причине отсутствия сделок купли-продажи по ним в последний торговый день на дату расчета – в таблице 6 значению *RQUOTED* присвоено значение «-», и уровень ликвидности 0 по этому показателю в таблице 1.

Меньший спред демонстрирует большую близость цены к среднерыночной, поэтому для группировки облигаций в таблице 5 мы инвертируем порядок присвоения уровня ликвидность в формуле (5), так, чтобы облигациям с меньшим спредом присваивался больший уровень. Наибольший (99,89 и 100) спред у двух облигаций объясняется заключением в торговый день сделок только по покупке инструментов.

По результатам расчета относительного эффективного спреда, продемонстрированных в таблице 1, отметим, что облигациям с ISIN «RU000A103G00» и «RU000A105K85», по результатам оценки по *RQUOTED* имевшие уровни «высоколиквидный», по показателю *REFECT* присвоены уровни «неликвидный» и «низколиквидный» соответственно, и что разброс между результатами по показателю *REFECT* ниже, чем по *RQUOTED*.

Таблица 5 – Группировка облигаций по показателю относительного спреда

Уровень ликвидности	Количество облигаций
Неликвидность	11
Низкая ликвидность	2
Средняя ликвидность	3
Высокая ликвидность	2

Источник: рассчитано и составлено автором.

По аналогии с группировкой облигаций по относительному спреду мы группируем облигации по показателю относительного эффективного спреда, что представлено в таблице 6.

Таблица 6 – Группировка облигаций по показателю относительного эффективного спреда

Уровень ликвидности	Количество облигаций
Неликвидность	11
Низкая ликвидность	1
Средняя ликвидность	3
Высокая ликвидность	3

Уровень ликвидности	-
---------------------	---

Источник: рассчитано и составлено автором.

Для систематизации полученных результатов и уровней ликвидности мы отразили в таблице 7 изучаемые облигации в разрезе присвоенных им уровней ликвидности по каждому из показателей.

Для получения объективной оценки ликвидности исследуемых зеленых облигаций и нивелирования недостатков каждого из используемых показателей мы учитываем полученные результаты в совокупности и рассчитываем итоговый показатель по формуле (6), который округляется до двух знаков после запятой.

$$I_b = 0,3 * Q_m(b) + 0,1 * R(b) + 0,3 * TURNOVER(b) + 0,15 * RQUOTED(B) + 0,15 * REFFECT(b), \quad (6)$$

$$0 \leq I_b \leq 3$$

где I_b – итоговый показатель ликвидности.

Таблица 7 – Сводная таблица уровней ликвидности

ISIN	Уровень ликвидности по показателям				
	Объем торгов	Частота торгов	Коэффициент оборачиваемости	Относительный спред	Относительный эффективный спред
RU000A102LS9	2	3	3	2	0
RU000A101DA6	1	2	1	0	0
RU000A101DB4	3	3	3	0	3
RU000A101D96	0	0	0	0	0
RU000A0JWU31	0	0	0	0	0
RU000A0ZYBA9	0	0	0	0	0
RU000A0ZYGF7	0	0	0	0	0
RU000A0ZYGG5	0	0	0	0	0
RU000A0JWU23	0	0	0	0	0
RU000A1033Z8	3	3	2	2	2
RU000A103AT8	2	3	1	2	3
RU000A103G00	3	3	3	3	0
RU000A103YM3	3	3	3	1	2
RU000A1043N3	2	3	2	0	2
RU000A104Z48	3	3	2	1	3
RU000A105JF3	0	0	0	0	0
RU000A105K85	2	3	3	3	1
RU000A105VR3	1	3	2	0	0

Источник: рассчитано и составлено автором.

Выбор весов значениям уровней ликвидности по каждому из показателей объясним следующим: показатели срочности демонстрируют саму возможность продажи облигаций, объема рынка – продажи оптимального пакета облигации по определенной стоимости, трансакционных издержек – возможности продать пакет облигаций по цене, наиболее близкой к среднерыночной и с минимальными издержками. С учетом вышесказанного и наличия 5 показателей ликвидности, в расчёте итогового показателя мы предполагаем

одинаковую значимость для нашего исследования каждого показателя и присваиваем полученному уровню ликвидности по каждому показателю равный коэффициент 0,20. С учетом того, что отношение количества торговых дней с минимум одной сделкой к общему количеству торговых дней, используемое для расчета показателя частоты торгов R , за исключением одной исследуемой облигации, составляет или 100% или 0%, мы присвоили вес для уровня ликвидности по показателю частоты торгов R равный 0,1. По причине расчета показателей трансакционных издержек за один торговый день (что исключает полную статистическую значимость полученных результатов по этим показателям) мы снизили вес у показателей этой группы до 0,15, и присвоили неизмененным уровням ликвидности вес 0,3.

По формуле (6) мы получили рейтинг зеленых облигаций по их ликвидности, представленный в таблице 8.

Таблица 8 – Рейтинг зеленых облигаций по уровню ликвидности

ISIN	I_b
RU000A103YM3	2,15
RU000A101DB4	2,1
RU000A103G00	2,1
RU000A1033Z8	1,89
RU000A104Z48	1,87
RU000A105K85	1,87
RU000A102LS9	1,8
RU000A1043N3	1,5
RU000A103AT8	1,34
RU000A105VR3	1,2
RU000A101DA6	0,8
RU000A101D96	0
RU000A0JWU31	0
RU000A0ZYBA9	0
RU000A0ZYGF7	0
RU000A0ZYGG5	0
RU000A0JWU23	0
RU000A105JF3	0

Источник: составлено автором по формуле (6) по рассчитанным уровням ликвидности.

Рейтинг составлен по уровням ликвидности зеленых бондов относительно друг друга – научный интерес представляет расчет рейтинга и относительно всего рынка корпоративных и государственных облигационных займов с одинаковым уровнем листинга и торгующихся в одном режиме торгов для изучения наличия скидки за ликвидность и разницы в ликвидности между зелеными и «коричневыми» бондами. Составленный рейтинг зеленых облигаций способствует формализованной оценке инвестиционных характеристик бондов для инвесторов и определения пробелов на финансовых рынках для органов управления биржевой торговлей.

Обсуждение

Российский рынок зеленых облигаций имеет кластер неликвидных облигаций, особенностью которого является размещение облигаций на рынке до 2020 г., при этом наиболее ликвидные по итоговому рейтингу облигации были размещены с 2020 г. включительно. В связи с этим представляет научный интерес дополнительное изучение ликвидности зеленых облигаций на основе фактора даты начала торгов по ним. За исключением неликвидных облигаций, среднее стандартное отклонение среднедневного количества сделок по зеленым облигациям составило 73,81, при этом эмитентами двух самых ликвидных по этому показателю облигаций являются Правительство города Москвы, которое провело активную политику по информированию о выпуске зеленых бондов, и государственная корпорация «ВЭБ.РФ» – в этом случае одним из потенциальных драйверов развития зеленого финансирования способно являться расширение практики субфедеральных зеленых займов, осуществляемых в том числе через институты развития. Несмотря на то, что количество ежедневных сделок по облигациям в общем случае меньше, чем по акциям, количество среднедневных сделок более ста наблюдается только по 4 выпускам зеленых облигаций.

Отметим, что в условиях, когда показатели срочности и объема рынка ликвидности облигаций разнятся, по 10 из 11 облигациям за исключением неликвидных, сделки осуществлялись в 100% торговых днях – существует дисбаланс объемом сделок и их частотой, который возможно нивелировать в том числе и за счет расширения участия неинституциональных инвесторов в долговом зеленом финансировании.

Лидерство в итоговом рейтинге бондов эмитента ПАО «Сбербанк» позволяет выдвинуть предположение о ключевой роли финансового положения эмитента и его кредитного рейтинга в обеспечении ликвидности зеленых облигаций. Это согласовывается тезисом Febi, W., Schäfer, D., Stephan, A. о том, что кредитные рейтинги зеленых облигаций в большей степени зависят от состояния эмитента, чем от инвестиционных показателей конкретных зеленых проектов, и в таком случае непрозрачный уровень риска по зеленым облигациям является фактором неликвидности зеленых бондов [\[6\]](#).

Отметим, что при лидерстве субфедеральных облигаций по объему и частоте торгов, они уступают корпоративным облигациям по показателю оборачиваемости. Объем и частота торгов слабо коррелируют с показателями (коэффициент корреляции – 0,31) спрэда, но в целом, относительный спрэд по 8 облигациям не превышает |1%|.

Выдвинем предположение, что предложенные исследователями меры по вовлечению широкого круга лиц в инвестирование в зеленые облигации в первую очередь повысят показатель оборачиваемость облигаций, тогда как повышение предложения зеленых облигаций без предоставления государственных гарантий не окажет значимого влияния на ликвидность рынка зеленых облигаций в целом. При этом одним из методов разрешения проблемы наличия пула неликвидных облигаций способно являться предложенные Дорофеевым М. Л. инструменты портфельного инвестирования в зеленые облигации. В связи с этим видим необходимость разработки биржевого индекса сектора зеленых долговых финансовых инструментов, в том числе на Московской и Казахстанской биржах, и дополнительных критериев реализации Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации, учитывающих не только долю зеленых бондов в общем сумме облигаций, но и долю зеленых облигаций в портфелях институциональных и неинституциональных инвесторов.

Потенциально успешным видится и размещение федеральных облигационных зеленых займов в Российской Федерации (что ранее также предлагалось Балыниным И. В. [\[3\]](#)) по опыту выпуска зеленых государственных облигаций в Республике Беларусь и

освобождение физических лиц от обложения налогом на доходы физических лиц доходов от реализации и погашения зеленых облигаций в целях повышения спроса на зеленые бонды [14][15]. Важно отметить, что проблема ликвидности зеленых облигаций актуальна и в Республике Беларусь – последняя сделка по первому государственному облигационному займу состоялась более чем 2 месяца назад с даты исследования [16]. При этом, опыт предоставления уплаты эмитентами зеленых бондов листинговых сборов на льготных условиях применим и в Российской Федерации. Отметим и необходимость повышения предложений зеленых облигаций на Казахстанской фондовой бирже, в том числе и со стороны некредитных организаций – 6 из 7 зеленых облигаций были размещены банковскими организациями [17], торги по 5 из которых не осуществлялись в последние 3 месяца на дату исследования, а последние торги по зеленым облигациям эмитента АО «KEGOC» состоялись ранее более 3 месяцев даты исследования, что ставит под вопрос уровень их ликвидности и инвестиционную привлекательность [18].

Многогранность методов и принципов измерения ликвидности облигаций обуславливает необходимость использования нескольких или композитных индикаторов и показателей ликвидности с доказанной значимостью, как на российской фондовой рынке, так и в странах Евразийского экономического союза. При этом регуляторные требования к принципам привлечения зеленого финансирования и отчетности по зеленым проектам способны быть унифицированы на уровне ЕАЭС в рамках деятельности наднациональных организаций, например Международной ассоциации бирж стран СНГ (МАБ СНГ) или Центра зеленых облигаций Международного финансового центра «Астана» (МФЦА, AIFC). Кроме того, на базе МЦФА возможно проведение мероприятий по повышению осведомленности текущих и потенциальных инвесторов о принципах и механизмах зеленого долгового финансирования, являющегося на финансовых рынках стран-участниках ЕАЭС относительно новым и инновационным финансовым инструментом, что укрепит стратегическое сотрудничество стран-участников ЕАЭС в области развития зеленого финансирования и повысит спрос на зеленые облигации (рисунок – 3).

Рисунок 3 – Социально-экономические эффекты реализации авторских предложений

Источник: разработано автором.

Таким образом, повышение ликвидности зеленых облигаций и рост их рынка за счет реализации предложенных мер позволит оказать положительные эффекты на социально-экономическое развитие стран ЕАЭС.

Заключение

Повышение спроса на зеленые облигации является одним из факторов развития рынка зеленого долгового финансирования, следовательно инвестиционные характеристики зеленых бондов являются важным аспектом в вопросе привлечения на рынок новых участников, включая институциональных и розничных инвесторов, обеспечивая возможность формирования сбалансированного инвестиционного портфеля. Мы успешно изучили показатели ликвидности, составив рейтинг зеленых облигаций по уровню их ликвидности. Проблемы наличия группы неликвидных облигаций и дисбаланса между показателями срочностью и объема возможно решить за счет создания инструментов портфельного инвестирования, индекса сектора зеленых облигаций, участия в привлечении зеленого финансирования крупных эмитентов и качественного

информационного сопровождения размещения на рынке зеленых бондов, при этом повышение спроса является задачей более первостепенной, чем повышение предложения.

Материалы и результаты исследования применимы для совершенствования зеленого финансирования в странах-участниках ЕАЭС для развития внутреннего и внешнего рынка зеленых долговых инструментов.

Дальнейшие исследования ликвидности зеленых облигациями автор предлагает осуществлять на основе определения дополнительных показателей ликвидности, в том числе изучение временных интервалов между сделками с учетом изменения цены, оценки факторов ликвидности зеленых облигаций посредством регрессионного анализа с учетом их специфики, применения индексов ликвидности, рассчитываемых на фондовых рынках странах-членов ЕАЭС и анализ сделок по зеленым бондам за более продолжительный период.

Благодарности. Автор благодарит научного руководителя Балынина Игоря Викторовича, к.э.н., доцента, доцента Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации за помощь в проведении научного исследования.

Библиография

1. Балынин, И. В. (2021). Проблемы достижения национальных целей в области экологии. Финансы, (5), 56-62. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45840545>.
2. Torvanger, A., Maltais, A., & Marginean, I. (2021). Green bonds in Sweden and Norway: what are the success factors?. Journal of Cleaner Production, 324, 129177.
3. Балынин, И. В. (2013). Оценка долговой политики субъектов Приволжского федерального округа Российской Федерации в условиях несбалансированности региональных бюджетов. Theoretical & Applied Science, (12), 8. DOI: 10.15863/TAS.2013.12.8.23. URL: [http://www.t-science.org/arxivDOI/2013/12\(8\)/12\(8\)_23.html](http://www.t-science.org/arxivDOI/2013/12(8)/12(8)_23.html).
4. Тарасова, Ю. А., & Ляшко, Е. И. (2023). Влияние институциональных факторов на выпуск зеленых облигаций: экскурс в 2021 год. Финансовый журнал, 15(2), 90-102. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-2-90-102.
5. Дорофеев, М. Л. (2023). Направления развития рынка зеленых облигаций в России в условиях международных санкций. Экономика. Налоги. Право, 16(3), 46-56. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-46-56.
6. Febi, W., Schäfer, D., Stephan, A., & Sun, C. (2018). The impact of liquidity risk on the yield spread of green bonds. FinanceResearchLetters, 27, 53-59. DOI: 10.1016/j.frl.2018.02.025.
7. Гусева, И. А., & Богомолов, Я. М. (2022). Рынок «зеленых облигаций»: пять лет в поисках «гриниума». Финансовые рынки и банки, (11), 77-82. URL: https://finmarketbank.ru/archive/?ELEMENT_ID=36889.
8. Белов, А. С. (2016). Факторы, определяющие ликвидность облигаций: анализ российского рынка. Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета, (5 (101)), 107-112. URL: <https://ideas.repec.org/a/scn/032786/16883452.html>.
9. МОEX. Перечень ценных бумаг, включенных в Сектор устойчивого развития. URL: <https://www.moex.com/s3019>.
10. Чайкун А. Н. Выбор показателей для измерения ликвидности ценных бумаг. URL: <https://www.moex.com/s3019>.

[https://www.hse.ru/data/644/087/1240/Chaykun.pdf.](https://www.hse.ru/data/644/087/1240/Chaykun.pdf)

11. Быстрова, Д. А. (2017). Теоретические подходы и инструментарий оценки ликвидности финансовых активов в задачах портфельного инвестирования. Вестник Российской экономического университета им. ГВ Плеханова, (6 (96)), 71-79. DOI: 10.21686/2413-2829-2017-6-71-79.
12. Сидоров, А. А. (2019). Измерение риска рыночной ликвидности портфеля рыночных ценных бумаг. Вестник евразийской науки, 11(2), 44. URL: <https://esj.today/PDF/54ECVN219.pdf>.
13. Казахстанская фондовая биржа. Методика определения показателей ликвидности ценных бумаг. URL: https://kase.kz/files/normative_base/metodika_liquid.pdf.
14. Минфин планирует увеличить объем размещения «зеленых» облигаций. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/minfin-planiruet-uvelichit-obem-razmeshcheniya-zelenykh-obligatsiy>.
15. Министерство финансов Республики Беларусь. Зеленые облигации. URL: https://www.minfin.gov.by/ru/securities_department/green/bonds/.
16. Белорусская валютно-фондовая биржа. Справочник ценных бумаг. MFRB-B0293C. URL: <https://www.bcse.by/stock/securitydirectory/100691903/MF-LB-RUB-0293>.
17. Казахстанская фондовая биржа. ESG-облигации. URL: <https://kase.kz/ru/esg/bonds/>.
18. Казахстанская фондовая биржа. Торги. Список инструментов. KEGCb4. URL: <https://kase.kz/ru/bonds/show/KEGCb4/>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает развитие зеленого финансирования в странах ЕАЭС на основе оценки ликвидности зеленых облигаций, используемых для привлечения инвестиций в проекты улучшения экологической ситуации или минимизации наносимого природе вреда.

Методология исследования базируется на использовании методов Информационно-статистического сервера Московской Биржи по получению спецификации финансовых инструментов, истории сделок по нему за интервал дат и за последний торговый день для сбора исходных данных, последующей обработке эмпирического материала с последующим обобщением результатов анализа и их содержательной интерпретацией. Актуальность работы обусловлена сохранением ESG-повестки в странах ЕАЭС и необходимости выработки мер по развитию рынка зеленого финансирования на основе эмпирических исследований рынка зеленых бондов в странах-членов ЕАЭС, в том числе вовлечения на рынок новых участников и повышения инвестиционных характеристиках зеленых облигаций.

Научная новизна рецензируемого исследования, по мнению рецензента, состоит в сформулированных предложениях по совершенствованию зеленого финансирования в странах ЕАЭС на основе оценки ликвидности зеленых облигаций.

В статье структурно выделены следующие разделы: Введение, Методы и информационная база исследования, Результаты, Обсуждение, Заключение, Благодарности, Библиография.

В ведении обоснована актуальность и сформулирована цель исследования, отмечено, что доля выпущенных зеленых облигаций в общем объеме выпуска облигаций на

российском рынке является одним из индикаторов реализации Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 г., в этом же разделе проведен обзор научных работ по рассматриваемой теме. Авторы считают, что анализу инвестиционных характеристик зеленых облигаций в отечественной литературе уделяется внимания меньше, чем институциональным факторам развития их рынка и выдвигают изучение характеристиках «доходность-риск-ликвидность» анализируемых облигаций в число приоритетных задач. В следующем разделе подробно изложены процедуры сбора исходных данных и исследования ликвидности зеленых облигаций, используемые для этого группы показателей ликвидности: срочности, объема и транзакционных издержек, приведены формулы, использованные в вычислениях. Далее приведены результаты расчетов в аналитической таблице, а также группировки облигаций по уровням ликвидности, на основе показателей среднедневного количества сделок, частоты торгов, коэффициента оборачиваемости, относительного спреда, относительного эффективного спреда. Для получения объективной оценки ликвидности исследуемых зеленых облигаций и нивелирования недостатков каждого из используемых показателей рассчитан итоговый интегральный показатель. Результаты представлены в сводной таблице уровней ликвидности, также в статье построен рейтинг зеленых облигаций по уровню ликвидности и приведена схема социально-экономических эффектов реализации авторских предложений. Итоги работы подведены в «Заключении».

Библиографический список включает 18 источников – публикации отечественных ученых по теме статьи, а также интернет-ресурсы, на которые в тексте имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Статья отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует направлению журнала «Теоретическая и прикладная экономика», содержит элементы научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.

Теоретическая и прикладная экономика

Правильная ссылка на статью:

Синь С., Ху Ч. — Логистический канал на Дальнем Востоке как ключевой фактор развития китайско-русской торговли // Теоретическая и прикладная экономика. – 2023. – № 4. – С. 35 – 58. DOI: 10.25136/2409-8647.2023.4.54679 EDN: OHBJZL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=54679

Логистический канал на Дальнем Востоке как ключевой фактор развития китайско-русской торговли

Синь Сяодун

кандидат филологических наук

Кафедра русской культуры и регионоведения, Пекинский университет иностранных языков

100089, Китай, г. Пекин, ул. Сисанъхуаньбэйлу, 2

✉ xinxiaodong2023@yandex.ru

Ху Чжэн

Главный научный сотрудник, Институт по развитию Китая

518024, Китай, Гуандун область, г. Лоху, ул. Цзинъхуцизе, 38

✉ denisshadrin021@gmail.com

[Статья из рубрики "Управление коммуникаций"](#)

DOI:

10.25136/2409-8647.2023.4.54679

EDN:

OHBJZL

Дата направления статьи в редакцию:

09-10-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Данная статья исследует важность логистического канала на Дальнем Востоке как ключевого фактора развития китайско-русской торговли. Был проведен анализ роли этого логистического коридора в контексте китайско-российских торговых отношений и выявлено его влияние на долгосрочную перспективу сотрудничества между

двумя странами. Исследование основано на анализе статистических данных о торговле между Китаем и Россией за последние годы. Также был проведен анализ географических особенностей России и ее логистических возможностей. В статье используется метод компартивного анализа для выявления влияния логистического канала на объем и стабильность китайско-российской торговли. Статья подчеркивает, что логистический канал на Дальнем Востоке играет ключевую роль в развитии китайско-русской торговли. Она указывает на рост объемов торговли между двумя странами и их амбиции достичь более высоких показателей. Однако отмечается, что текущие географические особенности России не всегда соответствуют потребностям международной торговли, и трубопроводный транспорт не может полностью заменить другие логистические каналы для крупнотоннажных товаров. Научная новизна данной статьи заключается в том, что она выделяет важность логистического аспекта в китайско-российских торговых отношениях и призывает обратить на него больше внимания. Она также подчеркивает стратегическое значение развития логистического канала на Дальнем Востоке для устойчивого и стабильного роста китайско-российской торговли в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова:

Россия, Китай, Логистика, Дальний Восток, Порты, Международная торговля, Логистический канал, Дальневосточный логистический коридор, Портовый комплекс, Логистическая инфраструктура

Логистический коридор, соединяющий Китай и Россию на Дальнем Востоке, становится неотъемлемой частью геополитической и экономической динамики региона. Этот важный транспортный маршрут, простирающийся через разнообразные и нередко суровые природные условия, служит не только мостом между двумя великими странами, но и ключевым фактором для укрепления их экономических связей, а также расширения торговых возможностей. В этой статье мы рассмотрим значимость и перспективы развития логистического коридора Китай-Россия на Дальнем Востоке, а также его влияние на региональную и мировую динамику на основе пресс-релизов руководства двух стран, официальной статистики, а также со стороны исторического контекста. Использоваться будут методы исследования, такие как эмпирические исследования, исторический анализ, и анализ СМИ. Данная тема является актуальной и уже исследовалась во многих работах, например вопрос развития логистических транспортных центров на Дальнем Востоке поднимала Куликова В. А. [1], Российско-китайское инфраструктурное сотрудничество исследовалось Пугачевым И. Н. [2], Ремыгой В. Н. [3] и Королем Р. Г. [4], вопрос перенастройки логистических потоков в современных санкционных условиях поднимали Чуйкова О. Ю. [5] и Лузянин С. Г. [6].

Важность логистического коридора Китай-Россия

В первую очередь, следует отметить, что китайско-российские торговые отношения неразрывно связаны с функционированием логистического коридора, который является неотъемлемой основой данного сотрудничества. В 2018 году объем торговых операций между Китаем и Россией впервые превысил отметку в 100 миллиардов долларов США. В июне 2019 года Китай и Россия сформулировали цель достичь уровня в 200 миллиардов долларов США в двусторонней торговле к 2024 году. С тех пор объем двусторонней торговли между Китаем и Россией увеличивается с каждым годом с все возрастающей

скоростью. В 2019 году этот объем составил 110,757 миллиардов долларов США, что означает увеличение на 3,4% по сравнению с предыдущим годом. Даже несмотря на негативное воздействие эпидемии, в 2020 году двусторонняя торговля между Китаем и Россией достигла отметки в 107,77 миллиардов долларов США, и этот уровень былдержан в течение трех лет подряд, начиная с 2018 года. В 2021 году произошло резкое изменение тенденции китайско-российской торговли, с ростом на 35,8% по сравнению с предыдущим годом и достижением уровня в 146,887 миллиардов долларов США.

В 2022 году объем двусторонней торговли между Китаем и Россией увеличился на 29,3% по сравнению с предыдущим годом и достиг 190,272 миллиардов долларов США. Исходя из оптимизма сторон, можно ожидать, что в 2023 году китайско-российская торговля превысит отметку в 200 миллиардов долларов США. Премьер-министр Российской Федерации Михаил Мишустин, недавно посетивший Китай, выразил уверенность в том, что данная цель, поставленная главами двух государств, будет достигнута в текущем году. Данные Китайского Главного Государственного Таможенного Управления показывают, что в первом полугодии текущего года объем двусторонней торговли между Китаем и Россией достиг 114,547 миллиардов долларов США, что представляет собой рост на 40,6% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Экспорт товаров из России в Китай увеличился на 78,1%, составив 5,284 миллиарда долларов США, в то время как импорт из Китая в Россию увеличился на 19,4%, достигнув отметки в 62,263 миллиарда долларов США. Китайско-российское

Торгово-экономическое сотрудничество продолжает набирать обороты, переходя на новый этап развития, преодолевая отметку в 100 миллиардов долларов США и двигаясь к следующей цели в 200 миллиардов долларов США.

За последние десять лет наблюдается устойчивый рост товарооборота между Россией и Китаем, который увеличился с менее чем 90 миллиардов долларов в 2013 году до более чем 190,3 миллиардов долларов в 2022 году. Важно отметить, что Китай оставался в течение последних 13 лет главным торговым партнером России. Китайские компании также увеличили свои инвестиции в России, переключившись с традиционных секторов, таких как энергетика, сельское и лесное хозяйство, на отрасли обрабатывающей промышленности, такие как автомобилестроение, производство бытовой техники и пищевая промышленность.

Выгоды экономического сотрудничества

Экономическое сотрудничество между Китаем и Россией приносит выгоду обеим странам. Россия обладает богатыми запасами нефти, газа, угля, разнообразных минеральных ресурсов и сельскохозяйственной продукции, а также имеет преимущества в военной промышленности, особенно в космической и глубоководной сферах. Все это представляет интерес для Китая. С другой стороны, Китай опережает Россию в сферах машиностроения, производства электроники и цифровой экономики, а его товары легкой промышленности пользуются популярностью на российском рынке.

Таким образом, взаимодополняющееся торговое сотрудничество между Китаем и Россией оказывается взаимовыгодным для обеих стран. Эта тенденция останется ключевой в будущем и будет определять их взаимоотношения на долгосрочной перспективе.

Визит председателя КНР Си Цзиньпина в Россию в марте текущего года инициировал начало новой эпохи в сотрудничестве между Китаем и Россией. Одним из характерных признаков этого нового периода является усиленное внимание, уделяемое китайско-российским торгово-экономическим отношениям, которые перешли в фазу интенсивного

развития.

Важным аспектом сотрудничества между Китаем и Россией в области торговли и экономики является не только увеличение общего объема торговли, но и внимание к структуре торговли, разнообразию товаров и расширению сфер сотрудничества, при этом сохраняется стабильность торговли энергетическими ресурсами, которая играет роль "подушки безопасности". Анализируя структуру роста китайско-российской торговли, можно отметить, что энергетическое сотрудничество, включающее поставки нефти и газа, существенно ускоряет рост общего объема китайско-российской торговли. В 2022 году этот объем достиг более 190,2 миллиардов долларов США, что означает увеличение на 29% по сравнению с предыдущим годом.

Китайский экспорт в Россию достиг более 511,5 миллиардов юаней (примерно 76 миллиардов долларов США) и увеличился на 12%. Этот экспорт включает товары, такие как одежда, игрушки, смартфоны, бытовая техника, компьютеры и автомобили. С другой стороны, китайский импорт из России вырос на 40%, достигнув более 767 миллиардов юаней (примерно 114,035 миллиарда долларов США), что составляет около 60% от общего объема импортно-экспортной торговли между Китаем и Россией. В 2022 году ожидается, что общий объем китайско-российской торговли достигнет более 190,2 миллиардов долларов США, причем большая доля этой торговли будет связана с поставками энергетических ресурсов.

Важно отметить, что помимо энергетического сотрудничества, неэнергетическая торговля также быстро растет. Россия экспортирует сельскохозяйственную продукцию в Китай, включая зерно, на сумму около 7 миллиардов долларов. Поставки российского зерна в Китай выросли на 15%, а поставки пшеницы увеличились на 78% в 2022 году. Этот рост отражает взаимный интерес обеих стран, поскольку Россия является крупным экспортером пшеницы и имеет важное значение на рынке удобрений, а Китай – крупнейший потребитель зерна.

Тенденция к увеличению торговли и разнообразию товаров продолжает развиваться в рамках китайско-российского экономического сотрудничества. Вместе с тем, энергетическое сотрудничество остается важным элементом в общей структуре торговли между двумя странами.

По мере дальнейшего расширения и разнообразия в российско-китайской торговле, важно поддерживать стабильность в оптовой торговле энергетическими ресурсами, которая играет роль "балласта". В то же время, необходимо расширять разнообразие товаров, области сотрудничества и увеличивать общий объем экономической и торговой деятельности. Этот процесс неизбежно приведет к формированию более разнообразной и многогранной структуры торговли между Китаем и Россией, что потребует соответствующей логистической поддержки.

Трубопроводный транспорт может обеспечить эффективный логистический канал только для торговли нефтью и газом. Вместе с тем, расширение торгово-экономического сотрудничества в других областях потребует создания разнообразных логистических каналов и форм транспортировки. Железнодорожные и морские логистические маршруты и виды транспорта станут ключевыми элементами логистики для массовой торговли между Китаем и Россией.

Однако стоит отметить, что в России существуют ряд вызовов в области логистики, таких как недостаток развитых логистических коридоров, сложная транспортная инфраструктура, множество транспортных связей, большие расстояния, долгое время на

доставку и высокие транспортные расходы. Эти факторы ограничивают эффективность и эффективность логистических операций в рамках международного торгово-экономического сотрудничества.

Для долгосрочной и стабильной перспективы российско-китайской торговли важно решать проблемы и ограничения в области логистики. Слаборазвитые логистические коридоры могут ограничивать устойчивый и стабильный рост торговли между Китаем и Россией. Таким образом, усиление внимания к развитию логистики становится ключевым фактором для успешного китайско-российского торгово-экономического сотрудничества.

Географические факторы и исторический контекст

Главной географической проблемой России является ограниченность портовых ресурсов, способных принимать крупный транспортный поток судов, что критически важно для успешной международной торговли массовыми товарами. Россия, расположенная на Евразийском континенте, представляет собой самую обширную по площади страну в мире. До распада Советского Союза ее территория достигала 22,4 миллиона квадратных километров, а в настоящее время современная Россия охватывает более 17 миллионов квадратных километров. Страна простирается на восток и запад на более чем 9 тысяч километров, охватывая 11 часовых поясов. По этой причине в Китае часто употребляется фраза: "Россия - это не просто страна, это целый мир".

Исторически славяне, включая русских, обитали в Восточной Европе, которая отличается от Западной Европы своим континентальным характером и отсутствием непосредственного доступа к морям и океанам. Регион Восточной Европы, населенный русскими народами, всегда оставался внутриконтинентальным и не имел прямого доступа к морским путям торговли.

Несмотря на географическую окаймленность северным Ледовитым океаном, Тихим океаном, Балтийским морем, Черным морем и десятками других морей с общей береговой линией превышающей 37 600 километров, исторически доступ к морю был ограничен, что мешало России установить прямое морское сообщение с мировыми океанами. В этом контексте история расширения России частично является историей поиска доступа к морю и создания собственных морских портов, особенно таких, которые не подвержены обледенению.

С начала XV века Россия активно стремилась к получению морского доступа и развитию своих морских портов. В целом, история России в значительной степени связана с усилиями по нахождению морских путей и морских портов, что сделало это важным аспектом ее геополитической и экономической истории.

Знания России о морских делах имеют древние корни. Предки русских, древние славяне, начиная примерно с III века нашей эры, активно взаимодействовали с Черным, Средиземным и Каспийским морями. Тем не менее, из-за отсутствия реальных выходов к морям Россия в течение длительного периода считалась страной, не обладающей доступом к морю, и эта ситуация длительное время продолжалась, пока не была установлена связь с морем в конце XVII века. Как отмечал исследователь Чэнь Л., данное событие знаменовалось сдвигом морской стратегии России к контролю над морями, и развитие прибрежных зон. [\[7\]](#).

Уникальное географическое положение России в морском аспекте имело глубокое влияние на стратегическое развитие и безопасность страны. Русские лидеры столкнулись с неотъемлемой потребностью обеспечения страны доступом к морским путям, и до

времени Петра I Россия не имела возможности выхода к морю.

Эпоха Петра I ознаменовалась усиленной активностью в направлении обеспечения морского доступа. Петр I придавал стратегическое значение получению выходов к морям и включил это важное вопрос в свои реформы. Он осознавал, что для России настоятельно важно бороться за контроль над реками Дон, Нева и Хэйлунцзян как ключевыми путями к морям: разрывать османскую блокаду, чтобы открыть доступ устья Дона к Черному морю и, соответственно, к Средиземному морю и Индийскому океану; преодолевать шведскую блокаду, чтобы обеспечить выход устья Невы в Балтийское море и, следовательно, в Атлантический океан; а также стремиться к контролю над устьем реки Хэйлунцзян в Китае, чтобы обеспечить доступ в Охотское море и, в дальнейшей перспективе, в Тихий океан. [\[8\]](#)

Россия вела целый ряд войн с целью обретения долгожданного морского доступа. С начала XV века Россия активно стремилась к морю и мечтала о наличии собственных выходов к нему. В некотором смысле история морской мощи России является характеристикой ее периодов подъема и упадка, событиями, оказывающими важное историческое воздействие на Россию [\[9\]](#).

Борьба России за обеспечение себе выхода к морю сопровождалась значительной территориальной экспансией и была мотивирована комплексом геополитических, экономических и торговых соображений, а также стратегическим стремлением приблизиться к Европе и открыть доступ к Западным морским путям. Реки в данном контексте играли ключевую роль как важные транспортные артерии для России, и морской доступ становился необходимым для расширения внешней торговли и эффективной транспортировки российских товаров на зарубежные рынки.

Одним из главных конфликтов, продолжавшихся на протяжении многих лет, была война между Россией и Швецией, где одной из ключевых целей России было завладение торговыми правами на Балтийском море, контроль над которым на тот момент принадлежал Швеции. Это стремление открыть морской путь в Европу было долгосрочной целью Петра I и его преемников.

Петр I, в частности, перенес столицу России в Санкт-Петербург, чем обеспечил географическое сближение с Европой и создал близкие связи с Западом. Для России контроль над Черным морем и турецкими проливами стали ключевыми шагами в поиске альтернативных путей к Западу и обеспечении морского доступа к европейским рынкам.

Несмотря на обширное географическое пространство, которое составляет 17 миллионов квадратных километров, Россия обладает ограниченным числом выходов к морю. В настоящее время эти выходы включают в себя порты Санкт-Петербурга на Финском заливе в Балтийском море (включая Калинин, который является военным портом), Мурманск, Владивосток в Японском море в Тихом океане, а также Крымский полуостров на Черном море, который на данный момент задет в военном конфликте. Арктический морской путь, представляющий потенциально важный морской путь, также является очень ожидаемым и требует времени для полной реализации.

Важно отметить, что только в период Советского Союза Россия имела возможность использовать порты других стран, таких как Эстония, Латвия и Литва на Балтийском море, а также Украина и Грузия на Черном море, в качестве международных морских маршрутов для внешней торговли и участия в мировых морских перевозках. Это позволяло России легче обмениваться товарами и участвовать в глобальной морской

торговле.

В настоящее время в России существует ограниченное количество морских портов, что серьезно ограничивает способность страны поддерживать высокие темпы международной торговли. С географической точки зрения два из основных российских морских портов, Санкт-Петербург и Владивосток, находятся в северных широтах. Санкт-Петербургский порт, расположенный на самой высокой широте в Балтийском море, вынужден полагаться на ледоколы для обеспечения его функционирования в течение суровых зимних месяцев. Порт Владивосток, известный как всепогодный порт, также требует ледоколов для обеспечения работы в зимний период, и он не является незамерзающим портом, что существенно ограничивает его возможности [\[10\]](#).

Кроме того, ни один из российских портов не обладает статусом международного узлового порта, что означает отсутствие их расположения в ключевых мировых морских транспортных узлах. В результате многие китайские экспортные грузы, предназначенные для России морским путем, вынуждены отправляться в основные порты Европы, такие как Гамбург (Германия) и Роттердам (Нидерланды), а затем транзитом доставляться в порт Санкт-Петербург через Балтийское море на соответствующих судах.

Политические факторы также оказывают влияние на доступ России к морям. Многие морские маршруты ограничены геополитическими соображениями, что создает дополнительные сложности. Например, Балтийское море окружено странами бывшего Советского Союза и странами Северной Европы, некоторые из которых вступили в НАТО, что делает его похожим на внутреннее море альянса. Кроме того, проход в Атлантический океан из Северного моря через узкий пролив Оре между Швецией (желающей вступить в НАТО) и Данией (членом НАТО) также представляет сложность для России.

Средиземное море также имеет свои ограничения, поскольку для выхода в Атлантический океан российским кораблям необходимо преодолеть Гибралтарский пролив, контролируемый Великобританией и Испанией, а для выхода в Индийский океан - проход через Суэцкий канал в Египте и Баб-эль-Мандебский пролив в Красном море.

Доступ России к морским путям ограничен различными географическими, политическими и экономическими факторами, и развитие альтернативных логистических маршрутов является важной задачей для поддержания международной торговли и сотрудничества, особенно в контексте расширяющегося китайско-российского торгово-экономического сотрудничества.

Таблица 1: Преимущества и недостатки выходов России к морю

Порты	Преимущества	Недостатки
Балтийский морской путь	Он расположен близко к Европе, является экономически развитым регионом, важным наземным и водным транспортным узлом для всей России и вторым по величине городом в России.	Окружающая география сложна: гавань находится в высоких широтах, на 59-60 градусах северной широты, и зимой замерзает;
Порт Санкт-Петербург		Сложная окружающая география;

Порты выхода к		
Черному морю	Незамерзающий порт, удобный	ограниченность
Крым и другие порты	доступ;	турецкими проливами,
		Суэцким каналом и Гибралтарским проливом; малые глубины;
		Удаленность от европейской части
Дальневосточный морской путь	короткий зимний период, связь с Транссибирской железной дорогой,	России, Слабая экономическая развитость,
Порт Владивосток	узловой порт на арктических морских путях;	ограничения со стороны США, Японии и Южной Кореи;
		Порт Мурманск, крупнейший порт в Северном Ледовитом океане, отличается большой глубиной и шириной и подчиняется
Арктический морской путь	Североатлантическому теплому течению (NAWC), благодаря	Удаленность от крупных
Порт Мурманск	которому порт не замерзает круглый год, что делает его идеальным местом для стоянки судов, с меньшим количеством сбоев в работе и более короткими рейсами;	экономически развитых районов;

В рамках китайско-российской торговли доминирующим логистическим маршрутом всегда был европейский морской маршрут. Для иллюстрации данного факта можно рассмотреть представительные порты на побережье Китая и последовательность морских маршрутов. Этот маршрут начинается с прибрежных портов Китая, откуда суда выходят из Южно-Китайского моря через Малаккский пролив в Индийский океан, а затем следуют в Красное море. Далее они проходят через Суэцкий канал, чтобы войти в Средиземное море, и, наконец, преодолевают Гибралтарский пролив, чтобы достичь основных портов Европы, таких как Гамбург и Роттердам. Оттуда товары транспортируются в порт Санкт-Петербург на Балтийском море на соответствующих судах. Полная протяженность этого маршрута составляет более 20 000 километров, или около 11 000 морских миль (см. таблицу 2).

Таблица 2: Статистика расстояний между прибрежными портовыми городами Китая и российскими морскими логистическими коридорами (Прибрежные города - порт Гамбург - порт Санкт-Петербург)

	Пробег (морские мили)/(километры)	Пробег (морские мили)/(километры)	Общее расстояние (в километрах)
Первое плавание	Второе плавание 1 морская миля = 1,852 км	1 морская миля = 1,852 км	
Порт		Порт Гамбург -	

Гуанчжоу - 10048 / 18609	Порт	845/1565	20174
Порт	Санкт-		
Гамбург	Петербург		
	Порт		
Порт Нинбо	Гамбург -		
- Порт 10637 / 19700	Порт	845/1565	21265
Гамбург	Санкт-		
	Петербург		
	Порт		
Ляньюнъган	Гамбург -		
- порт 10992 / 20357	Порт	845/1565	21922
Гамбург	Санкт-		
	Петербург		
	Порт		
Порт	Гамбург -		
Шанхай - 10718 / 19850	Порт	845/1565	21415
Порт	Санкт-		
Гамбург	Петербург		
	Порт		
Порт	Гамбург -		
Циндао - 11009 / 20389	Порт	845/1565	21954
Порт	Санкт-		
Гамбург	Петербург		
	Порт		
Порт	Гамбург -		
Далянь - 11162 / 20672	Порт	845/1565	22237
Порт	Санкт-		
Гамбург	Петербург		
	Порт		
Порт	Гамбург -		
Тяньцзинь - 11304 / 20935	Порт	845/1565	22500
Порт	Санкт-		
Гамбург	Петербург		

Примечание: маршрут "Порт Гамбург - Порт Санкт-Петербург" составлен на основе суммарного пробега маршрута "Порт Гамбург - Брунсбюттель - Киль - Санкт-Петербург".

Источник: "Таблица миль крупнейших торговых морских портов мира", под редакцией Комитета стандартных измерений Министерства связи, издательство "Народный транспорт".

В настоящее время произошли значительные изменения, и ситуация на двух ключевых логистических коридорах европейского маршрута заметно изменилась. Поэтому Китай и Россия должны активно обратить внимание на влияние логистических коридоров на развитие торгово-экономического сотрудничества и принять во внимание факторы, связанные с политикой, экономикой, дипломатией, безопасностью и устойчивостью при разработке стратегических логистических коридоров между этими двумя странами.

Дальневосточный логистический коридор между Китаем и Россией

Китай и Россия, совместно имеющие протяженную границу в длину 4 374 км,

располагают второй по длине границей среди 15 соседних стран Китая, уступая только Китаю и Монголии, где граница составляет 4 710 км. Российский Дальний Восток граничит с китайскими провинциями Хэйлунцзян и Цзилинь, а также автономной областью Внутренняя Монголия, что образует общую границу длиной 4 319 км, с участком западной границы, протяженностью всего 55 км.

В российской территории Дальнего Востока находится Транссибирская железнодорожная магистраль с ее конечной точкой в порту Владивосток, который служит важным центром для логистической инфраструктуры. Порт Владивосток является центральным элементом, который объединяет порты, такие как порт Донгфанг, порт Находка, порт Зарубино, порт Славянка, порт Посыт, и другие.

Логистическая инфраструктура включает в себя нефтегазопровод Китай-Россия, который соединяет области Дальнего Востока и Китая. Этот нефтегазопровод, в дополнение к наземным и морским транспортным маршрутам, стал составной частью логистики Китай-Россия-Дальний Восток. Этот логистический маршрут имеет свои особенности, отличные от нефтегазопровода и включающие в себя общественный (автомобильный), железнодорожный (автомобильный) и водный (морской) транспорт в качестве элементов, образующих логистический коридор, с портами, играющими ключевую роль как центральные узлы. [\[11\]](#)

Таким образом, сформировалась характеристика логистики Китай-Россия-Дальний Восток, которая отличается от нефтегазопровода и включает в себя крупный логистический коридор, где порты играют важную роль в инфраструктуре и соединении общественного, железнодорожного и морского транспорта.

Китай и Россия обладают рядом дальневосточных транзитных портов, которые играют ключевую роль в их экономическом и торговом сотрудничестве. Среди этих портов можно выделить следующие:

1. Порт Суйфэнхэ: Расположен в провинции Хэйлунцзян и предоставляет сухопутное и морское сообщение с Китаем и Россией. Этот порт является узловым и центральным элементом международного транспортного коридора, соединяющего Китай, Россию, Японию, Южную Корею и Северную Корею.
2. Порт Дуннин: Этот порт расположен близ Владивостока, крупнейшего портового города на Дальнем Востоке России. Он имеет железнодорожное сообщение с остальной Россией и считается наилучшим маршрутом для сухопутного и водного транспорта между Китаем и Россией.
3. Порт Хуньчунь: Единственный сухопутный порт провинции Цзилинь, который имеет непосредственное сообщение с российскими портами, такими как Зарубино, Посыт, Славянка и другие. Этот порт играет важную роль в рамках инициативы "Один пояс, один путь" и имеет статус национального порта I класса.
4. Порт Маньчжоули и порт Маньчжурия: Расположенные во Внутренней Монголии, эти порты имеют железнодорожное соединение и являются ключевыми узлами для сухопутных и морских маршрутов между Китаем и Россией.

Эти порты и сопутствующая инфраструктура образуют относительно единый логистический комплекс, который позволяет эффективно организовать торговько-экономическое сотрудничество между Китаем и Россией. Географическое расположение и преимущества порта Суйфэнхэ делают его важным узловым пунктом для сухопутных и

морских перевозок, обеспечивая интеграцию различных видов транспорта. Такие порты, как Дуннин и Хуньчунь, предоставляют важные сухопутные маршруты для сотрудничества между Россией и Китаем. [12]

Кроме того, город Хэйхэ и город Благовещенск, находящиеся на противоположных берегах реки, имеют близкое транспортное расстояние и высокие технические характеристики, что способствует экономическому и торговому сотрудничеству между Китаем и российским Дальним Востоком.

Сухопутный логистический коридор Китай - Дальний Восток - Россия представляет собой комплексную инфраструктуру, способствующую развитию торгово-экономических отношений между Китаем и Россией. Этот коридор включает в себя следующие основные элементы:

1. Транссибирская железнодорожная магистраль: Эта железнодорожная линия, простирающаяся на протяжении 9 288 км от Москвы до Владивостока, соединяет европейскую часть России с Дальним Востоком. Скорость движения составляет около 80 км/ч, а время в пути от Москвы до Владивостока составляет семь дней и семь ночей. Эта магистраль имеет стратегическое значение и перевозит различные виды грузов. Важно отметить, что она сыграла значительную роль во времена Второй мировой войны и сегодня служит ключевым элементом сухопутного сообщения между Китаем и Россией.
2. Грузовая железнодорожная линия, соединяющая порты Дальнего Востока: В России порты Дальнего Востока имеют преимущество в виде непрерывной связи с железнодорожной инфраструктурой. Железнодорожные линии напрямую соединяют эти порты с различными портовыми терминалами, обеспечивая бесперебойное перемещение грузов между железнодорожной и морской инфраструктурами. Это улучшает эффективность и экономичность транспортировки товаров.
3. Автотранспортный коридор, соединяющий порты и гавани: Китай активно модернизирует свои порты и автомобильные магистрали, обеспечивая высокий стандарт качества и масштабов по сравнению с российской стороной. Примером является порт Суйфэньхэ, который имеет китайско-российскую зону взаимного интереса и железнодорожную приграничную торговую зону. Эти инфраструктурные возможности позволяют реализовать полноценное сухопутное железнодорожное сообщение между Китаем и Россией, что способствует более эффективным и масштабным логистическим операциям.

Таким образом, сухопутный логистический коридор Китай - Дальний Восток - Россия представляет собой сложную и согласованную систему инфраструктуры, способствующую углублению торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией, а также обеспечивающую эффективное перемещение товаров и грузов между двумя странами.

Дальневосточные порты России находятся в Северо-Восточной Азии и граничат с Японским морем. Они принадлежат к той же категории азиатских портов, что и прибрежные порты Китая, и характеризуются наличием общих сухопутных участков, схожих морских акваторий и сопутствующих маршрутов (см. Таблица 3). Прибрежные порты Китая простираются на север до порта Владивосток, а затем через Сибирскую железную дорогу соединяются с городами, расположенными вдоль российского маршрута.

Таблица 3: Расстояние между прибрежными портами Китая и портами Дальнего Востока России (в морских милях/километрах)

прибрежный порт	Порт Владивосток	Порт Находка
Порт Далянь	1047 / 1939	1043 / 1932
Порт Инкоу	1208 / 2237	1204 / 2230
Порт Тяньцзинь	1189 / 2202	1185 / 2195
Порт Циндао	1002 / 1856	998 / 1848
Порт Нинбо	1038 / 1922	1034 / 1915
Порт Шанхай	983 / 1821	979 / 3372
Порт Ляньчуньган	1017 / 1883	1013 / 1876
Порт Сямынь	1391 / 2576	1387 / 2569
Порт Гуанчжоу	1743/3228	1739 / 3221
Порт Шэньчжэнь	1688/3126	1684 / 3119

Источник: "Таблицы пробегов основных торговых портов мира", под редакцией Комитета стандартных измерений Министерства связи, Народное издательство.

Дальневосточный портовый комплекс России

Дальневосточный портовый комплекс России обладает значительной пропускной способностью и располагает значительными портовыми ресурсами, которые обладают высоким потенциалом для будущего развития и расширения, особенно в контексте использования арктических морских путей.

Центральным элементом Дальневосточного портового комплекса России является порт Владивосток. Этот порт находится в Приморском крае, который является столицей Дальнего Востока России и имеет площадь 331 квадратных километров. Он расположен на границе России, Китая и Северной Кореи и обладает прекрасными естественными гаванями с тремя сторонами, что делает его ключевым российским портом на Тихом океане. Также стоит отметить, что во Владивостоке размещено командование Тихоокеанского флота России.

Исторически Владивосток имел статус китайской территории в период династии Цин, но после подписания Айгунского договора в 1858 году и Пекинского договора в 1860 году территория к востоку от реки Уссури, включая Владивосток, была передана владение России.

Порт Владивостока замерзает на более высоких широтах в течение около 4 месяцев в году, однако благодаря использованию ледоколов навигация по нему возможна круглый год. Порт располагает 16 глубоководными причалами общей протяженностью 4200 метров и глубинами от минус 10 до минус 13 метров. Из них терминал 16 специализируется на сборке крупнотоннажных контейнеров, имея длину 370 метров, глубину 13 метров и годовую пропускную способность 90-100 тысяч контейнеров международного стандарта.

За исключением терминала 16, все остальные глубоководные причалы многоцелевые. Годовая пропускная способность порта составляет около 7 миллионов тонн, из которых 4 миллиона тонн предназначены для внутренних перевозок, а 3 миллиона тонн - для международных. В порту Владивосток специализируются на обработке тяжелых грузов, навалочных грузов и крупнотоннажных контейнеров. При этом отмечается большая необходимость дальнейшей диверсификации грузовой базы в этом порту [\[13\]](#).

Основная часть грузов перевозится по Тихоокеанскому побережью России, на восточное

арктическое побережье, а также на Сахалин и Курильские острова. Среди основных грузовых категорий преобладают нефть и уголь, продукты питания, предметы первой необходимости, строительные материалы, машины и оборудование, а также рыба и рыбопродукты, металлы, руды и многое другое. Внешнеторговые товары, в свою очередь, включают в себя экспорт угля, древесины, строительных материалов, руд, удобрений, рыбопродуктов и импорт машин и оборудования, зерновых продуктов и товаров повседневного спроса.

Портовый комплекс Дальнего Востока России является не только высокопроходимой системой, но также обладает значительными портовыми ресурсами, обладающими значительным потенциалом для будущего развития и расширения, особенно в рамках освоения арктических морских маршрутов.

Центральным элементом данного портового комплекса является порт Владивосток, который расположен в Приморском крае, столице Дальнего Востока России и крупнейшем городе этого региона, занимающем площадь 331 квадратного километра. Порт Владивосток находится на границе России, Китая и Северной Кореи, обладает естественными гаванями с трех сторон и выгодным географическим положением. Он является ключевым морским портом на Тихоокеанском побережье России и также служит местом базирования командования Тихоокеанского флота Российской Федерации. В историческом контексте, порт Владивосток ранее находился под китайской властью в эпоху династии Цин, но после подписания Айгунского договора в 1858 году и Пекинского договора в 1860 году, данная территория, включая Владивосток, была передана России.

Порт Владивостока подвержен замораживанию в зимний период, который длится около 4 месяцев. Однако благодаря использованию ледоколов навигация в порту возможна в течение всего года. Порт оборудован 16 глубоководными причалами общей протяженностью 4200 метров и глубинами, достигающими минус 10 до минус 13 метров. Терминал 16 специализируется на сборке крупнотоннажных контейнеров и имеет длину 370 метров, глубину 13 метров и годовую пропускную способность 90-100 тысяч контейнеров международного стандарта. Помимо 16-го причала, остальные глубоководные причалы предназначены для различных видов грузовых операций.

Годовая пропускная способность порта составляет приблизительно 7 миллионов тонн, из которых 4 миллиона тонн приходится на внутренние перевозки и 3 миллиона тонн - на международные. Порт Владивостока специализируется на обработке тяжелых грузов, навалочных грузов и крупнотоннажных контейнеров. Основная часть грузов перевозится по Тихоокеанскому побережью России, восточному арктическому побережью, Сахалину и Курильским островам. Главными видами грузов являются нефть, уголь, продукты питания, предметы первой необходимости, строительные материалы, машины и оборудование, а также рыба, рыбопродукты, металлы, руды и другие товары. В рамках внешней торговли порт Владивосток является ключевой точкой для экспорта угля, древесины, строительных материалов, руд, удобрений и рыбопродуктов, а также для импорта машин и оборудования, зерновых и товаров повседневного спроса.

Владивосток стал ключевым транспортным узлом Дальнего Востока России благодаря своей выдающейся гавани, которая выполняет функции транспортно-транзитной станции и обеспечивает соединение между Приморским краем России, Охотским морем, Тихим океаном и Северным Ледовитым океаном. Владивосток обладает воздушными связями с основными городами России и является конечной точкой Транссибирской железнодорожной магистрали. Он также является центром морского транспорта на

Дальнем Востоке и конечной точкой маршрута по Северному Ледовитому океану. Это положение делает его стратегически важным для международной торговли.

Морской порт Владивосток, расположенный на северо-западном берегу незамерзающей бухты Золотой Рог залива Петра Великого, представляет собой крупнейший торговый порт на тихоокеанском побережье России. Его привилегированное местоположение способствует развитию международной торговли. Основная часть экспортимемых товаров направлена в Китай, Корею и Японию, в то время как значительная часть импортированных грузов поступает из Австралии, США и Японии.

Из изложенного следует, что группа портов Дальнего Востока России с портом Владивосток в роли ключевого центра обладает значительным потенциалом для развития Китайско-Российской импортно-экспортной железнодорожной магистрали для трансграничных линейных логистических перевозок. Она также имеет потенциал стать морским железнодорожным интермодальным международным транзитным портом в Северо-Восточной Азии и транзитным портом между Китаем и Россией. Все это придает этому региону большое значение для логистики и перевозки товаров в контексте международной торговли на границе двух стран.

Китаю и России следует начать стратегическое сотрудничество по созданию дальневосточного логистического коридора. Располагает к этому несколько факторов:

Во-первых, Первоочередной задачей для Китая и России должно являться установление стратегического сотрудничества в создании логистического коридора на Дальнем Востоке. Данный проект должен рассматриваться как ключевое стратегическое взаимодействие между двумя странами.

Создание стратегических логистических коридоров предполагает высокую степень стабильности, масштабируемости и коммерческой жизнеспособности, а также эффективное управление рисками.

Дальневосточный логистический коридор обладает своими уникальными преимуществами и недостатками по сравнению с двумя другими европейскими логистическими коридорами. В числе преимуществ следует отметить его высокий уровень безопасности и надежности, а также независимость от внешних воздействий в контексте массовой перевозки товаров. Данный коридор Китай-Россия объединяет прибрежные районы и порты Китая с пограничными районами, железнодорожными станциями и гаванями на Дальнем Востоке России. Можно сказать, что это "транспортировка собственных товаров собственными средствами", и внешние факторы оказывают на нее незначительное воздействие. Однако недостатком является более высокая стоимость по сравнению с морскими перевозками и большая длина железнодорожного пути до Европейской части России. Общая длина маршрута, включая морские и наземные участки, составляет около 11 000 км. В сравнении с этим, морской маршрут до порта Санкт-Петербурга составляет более 21 700 км, а железнодорожный маршрут через порт Маньчжурии и порт Алашанькоу до Москвы - более 7 100 км и 8 600 км соответственно.

В условиях сложной и изменчивой глобальной среды создание стратегического логистического коридора между Китаем и Россией приобретает особое значение. Этот коридор должен быть стабильным и безопасным, что обеспечит интересы обеих стран в рамках международной торговли.

Во-вторых, следует отметить, что сотрудничество по логистическому коридору Китай-Россия-Дальний Восток имеет стратегическое значение как отправная точка для

дальнейшего развития партнерства между Китаем и Россией на Дальнем Востоке.

Совместное участие Китая и России в создании логистического инфраструктурного узла на Дальнем Востоке становится неотъемлемой частью стратегии развития России в этом регионе. Это особенно актуально в контексте усиления стратегической ориентации России на восток, особенно после российско-украинского конфликта. Россия активно усиливает усилия по поиску новых возможностей для сотрудничества и партнерства на востоке, возвращаясь к ранее забытым аспектам китайско-российской кооперации и ускоряя реализацию новых проектов, которые давно оставались на бумаге.

Как пример, можно привести завершение долгожданной восьмилетней сделки по строительству газопровода на Дальнем Востоке, предназначенного для прямых поставок природного газа в Китай. Этот проект, известный как "Россия-Дальний Восток-Китай", включает маршрут, начиная с города Рычинска в Приморском крае России, проходящий по реке Уссури и заканчивающийся в Хулине, китайской провинции Хэйлунцзян. После ввода газопровода в эксплуатацию Россия сможет ежегодно поставлять в Китай значительные объемы природного газа.

Другим значимым проектом является сухопутный продовольственный коридор между Китаем и Россией, который стал результатом совместной инициативы двух стран. Этот коридор создает наиболее экономичный и кратчайший логистический путь для экспорта сельскохозяйственной продукции из Сибири России в Китай. Российская сторона планирует экспорттировать через этот коридор значительные объемы продукции, и строительство соответствующей инфраструктуры, такой как Забайкальский зерновой терминал, уже находится на завершающей стадии строительства. Также этот момент отмечает Белова Э. Ш. в статье "Новое окно возможностей для Сибирских аграриев", при этом отмечая, что наращивание сельхозпроизводства в Сибири должно происходить на программной основе – речь идет о долгосрочной стратегии на уровне федерального правительства [\[14\]](#).

Также важно отметить, что в Приморском крае планируется создать международную территорию опережающего социально-экономического развития, что предоставит китайским компаниям благоприятные условия для бизнеса и инвестиций в развитие логистической, портовой, дорожной и другой инфраструктуры. Эта инициатива имеет стратегическое значение для России и выражает стремление привлечь больше китайских инвестиций в регион.

Следовательно, развитие Дальнего Востока России и его успешное продвижение на восток являются неотъемлемой частью российской стратегии. Порт Владивосток, как центральный элемент дальневосточного логистического канала, играет ключевую роль в этом стратегическом партнерстве между Китаем и Россией. Таким образом, сотрудничество в развитии Дальнего Востока должно начинаться с укрепления и развития стратегического дальневосточного логистического коридора, с объединения инфраструктурных проектов и совместных инициатив в области логистики, чтобы достичь более высокого уровня взаимодействия между двумя странами.

Ключевым фактором для успеха этого сотрудничества является формирование консенсуса между сторонами, взаимное понимание и демонстрация искренности в стремлении развивать этот стратегически важный регион, а также выбор оптимальной стратегии и координация интересов обеих сторон.

В-третьих, стоит подчеркнуть важность сотрудничества и инвестиций Китая и России в области логистической инфраструктуры на Дальнем Востоке в рамках инициативы "Один

пояс - один путь".

Сотрудничество между Китаем и Россией в области логистической инфраструктуры на Дальнем Востоке является стратегической необходимостью в свете ограниченности имеющихся логистических ресурсов по сравнению с растущими потребностями в экономическом и торговом взаимодействии между двумя странами.

Существующие логистические возможности на Дальнем Востоке оказываются недостаточными для удовлетворения потребностей в доставке и перемещении товаров, необходимых для расширения и укрепления торговых и экономических отношений между Китаем и Россией. В этом контексте, сотрудничество и вложения в развитие логистической инфраструктуры становятся важной и стратегической задачей для обеих стран.

Исследование Шеньчженского института подчеркивает ряд проблем, связанных с логистикой и инфраструктурой в контексте сотрудничества между Китаем и Россией, особенно в рамках таможенного оформления и развития портовой инфраструктуры на Дальнем Востоке.

Во-первых, наблюдается значительный неравновесный характер строительства портовых и логистических объектов на территориях обеих стран, что является следствием активной политики Китая по развитию своих портов и логистических инфраструктурных объектов. В частности, Китай активно поддерживает строительство портов и железнодорожных станций, логистических хабов и пограничных зон совместного сотрудничества. На примере Суйфэньхэ, в Китае наблюдается заметное улучшение портовой инфраструктуры, включая создание железнодорожных станций общего пользования и логистических парков, что позволяет эффективно обслуживать различные виды грузов.

Однако ситуация на российской стороне, в частности, в порту Гучжен, существенно отличается. Здесь наблюдается ограниченная пропускная способность и недостаток современных логистических ресурсов. Погрузочно-разгрузочная станция Гучжэн имеет всего одну линию для обработки контейнеров и две линии для сыпучих грузов, что сильно ограничивает ее пропускную способность. В отличие от китайских портов, российская сторона сталкивается с значительными ограничениями в мощности и пропускной способности портовых сооружений, что создает существенные проблемы в обеспечении плавного движения грузов и приводит к длительным задержкам.

Это неравенство между инфраструктурой портов и логистическими комплексами Китая и России становится одной из ключевых причин регулярных задержек и скопления грузов в портах обеих стран. Конфликт между Россией и Украиной также усугубил ситуацию, приведя к перегрузке портов на Дальнем Востоке России и увеличению транспортных издержек, что сказалось на стоимости железнодорожных перевозок и привело к повышению тарифов.

Разрешение данных проблем требует более сбалансированных инвестиций и модернизации логистической инфраструктуры на Дальнем Востоке, что способствовало бы более эффективному движению грузов и укреплению сотрудничества между Китаем и Россией в этом регионе.

Во-вторых, низкая операционная мощность порта. Проблема низкой операционной мощности портов на Дальнем Востоке оказывает серьезное воздействие на развитие региональной логистики. В группе портов Дальнего Востока России, особенно в ядре порта Владивосток, присутствует 16 портовых торговых терминалов. Однако общая длина

причалов составляет всего 4 200 метров, причем терминал № 16, который является контейнерным терминалом, имеет длину всего 370 метров и глубину 13 метров. Этот терминал способен обрабатывать всего лишь 90-100 тысяч контейнеров международного стандарта в год.

За исключением контейнерного терминала № 16, все остальные терминалы представляют собой многоцелевые терминалы с совокупной годовой пропускной способностью всего 5-6 миллионов тонн. Другие порты, такие как порт Посыть и порт Зарубино, ограничены в своей операционной мощности и специализируются на погрузке и выгрузке угля и руды. Порт Славянка, изначально судостроительный завод, в настоящее время обладает всего одним причалом для грузовой обработки.

Важно отметить, что стоимость погрузки и выгрузки в российских портах значительно выше, чем в мировой практике. Проблемы, связанные с таможенным оформлением, эффективностью и адаптацией процессов погрузки и выгрузки грузов в портах, а также недостаточная операционная мощность, являются основными препятствиями для развития Дальнего Востока. Эти проблемы требуют немедленного внимания и решения.

После российско-украинского конфликта объемы торговли между Россией и Китаем значительно возросли, что сказалось на спросе на сухопутные перевозки между двумя странами. Недостаток транспортных мощностей привел к значительным задержкам в движении грузов, особенно на российской стороне границы.

В связи с этим, предложение о расширении площади порта, где размещаются контейнеры, и строительстве терминала 17 является важным шагом для увеличения операционной мощности порта Владивосток. Также планируется приобретение дополнительной техники, включая краны, для решения проблемы нехватки оборудования и улучшения оперативности порта.

В-третьих, существует значительное различие в стандартах ширины колеи между китайскими и российскими железными дорогами, что негативно влияет на эффективность перевозок и увеличивает затраты на транспортировку товаров. Российская железная дорога традиционно использует широкие колеи, в то время как в Китае используются стандартные международные стандарты рельсов. Это создает несостыковки в трансграничных перевозках, требующие изменения стандарта колеи и перекладку рельсов на границе.

Китайская сторона проявила значительные усилия в оборудовании железнодорожных станций переключения, таких как железнодорожная станция переключения Суйфэнхэ. Здесь осуществляется переключение навалочных грузов на четыре железнодорожные линии, с возможностью смены до 8 колонн в день при непрерывной работе, и до 12 колонн при максимальной производительности. Также наличествуют контейнерные линии, способные сменить 4 колонны в день.

В сравнении с этим, российская сторона отстает в оборудовании железнодорожных станций переключения и испытывает серьезные ограничения. В порту Суйфэнхэ, находящемся всего в 16 километрах от железнодорожной станции Пограничная на российской стороне, имеется только железнодорожная станция для погрузки и разгрузки контейнеров. Максимальная пропускная способность для смены навалочных грузов составляет всего 4 поезда в месяц (30 секций), что недостаточно для удовлетворения потребностей маршрута Китай-Европа и обработки выходящих грузовых поездов. Российская Дальневосточная железная дорога также сталкивается с затруднениями в адаптации к логистическому спросу между Китаем и Россией, и недостаточной

пропускной способностью Сибирской железной дороги, что становится все более явным.

Важно подчеркнуть, что Российская железная дорога остается неотъемлемым партнером в маршруте Китай-Европа. Однако текущее состояние Сибирской железной дороги не способно адаптироваться как к собственным логистическим потребностям России, так и к потребностям китайско-российского торгового логистического канала.

В-четвертых, порт Владивосток не соответствует современным требованиям в части сбора и распределения грузов, а также нуждается в увеличении пропускной способности. Это предполагает наличие безопасных и эффективных транспортных маршрутов для перемещения грузов. Несмотря на относительно короткое расстояние между железнодорожной станцией Хуньчунь и портом Владивосток, всего 320 километров, существующие дороги, особенно дорога, соединяющая порт Владивосток и порт Славянка, имеют низкое качество, и техническое обслуживание и ремонт не успевают за износом покрытия. Эта проблема особенно актуальна в условиях сурового климата и высокой интенсивности движения, что создает значительные препятствия для надежных автомобильных перевозок. В результате трудно обеспечивать надежность и эффективность логистики и транспортировки, что ограничивает потенциал развития данной логистической системы. [\[15\]](#)

С учетом перспектив развития торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией, особенно в рамках инициативы "Пояс и путь", необходимо активно стремиться к интеграции и координации логистических коридоров на Дальнем Востоке.

Сотрудничество между Китаем и Россией в области инфраструктуры логистических коридоров на Дальнем Востоке может быть выстроено вокруг следующих ключевых направлений:

1. Поддержка совместного строительства погрузочно-разгрузочных площадок: Создание инфраструктуры, позволяющей осуществлять погрузку и выгрузку грузов в одном и том же месте, становится приоритетом. Это содействует повышению эффективности транспортировки грузов по железной дороге и снижению потерь эффективности из-за различий в ширине колеи. На долгосрочной перспективе целью является создание железнодорожных путей с одинаковой шириной колеи между портами Дальнего Востока, что снизит необходимость в перекладке рельсов и упростит логистические процессы.
2. Инвестиции в местное сотрудничество портов: Направленные на улучшение состояния дорог, ведущих к портам, инвестиции могут способствовать увеличению пропускной способности портов и развитию бизнеса, связанного с консолидацией морских грузов. Это включает в себя повышение качества и класса трасс, связывающих порты Дальнего Востока, таких как порт Суйфэнхэ - порт Владивосток, порт Дуннин - порт Владивосток и порт Хуньчунь - порт Владивосток. Улучшение инфраструктуры и повышение стандартов дорожного покрытия и безопасности позволит оптимизировать логистические потоки и повысить эффективность порта Владивосток.
3. Инвестиции в развитие дальневосточных портов: Развитие дальневосточных портов становится важным аспектом сотрудничества между Китаем и Россией. Подход к инвестиционной стратегии должен включать в себя избегание воздействия на ключевые порты России, такие как Владивостокский торговый порт, Находкинский порт и Восточный порт, а также избегание создания новых портов "с нуля". Вместо этого, акцент следует делать на развитии, реконструкции и модернизации существующих портов, таких как порт Славянка, который в настоящее время используется как судоремонтный завод. Пилотные проекты, основанные на совместных инвестициях и сотрудничестве в развитии

портовой инфраструктуры, будут играть ключевую роль в развитии логистической инфраструктуры на Дальнем Востоке и способствовать сотрудничеству между Китаем и Россией в этой области.

Эффективное использование Владивостокского портового комплекса для трансграничных перевозок товаров внутренней торговли и развитие соответствующей инфраструктуры в Хэйлунцзяне и Цзилине.

Более 160 лет назад в результате ратификации двух договоров - Айгунского и Пекинского - Китай передал России свыше 1 миллиона квадратных километров территории, включая Владивосток и реку Тумен. Этот исторический акт привел к тому, что северо-восточные провинции Хэйлунцзян и Цзилинь лишились выхода к морю, преобразуясь из прибрежных провинций во внутренние регионы. Сегодня товары, произведенные в провинциях Хэй и Цзилинь, вынуждены долгий путь к морю, исключительно на южные порты через Ляодунский полуостров, включая порты Инкоу, Далянь и Лушунь. Порт Даньдун находится слишком далеко от внутренних районов Северо-Востока, и Ляодунский полуостров, гористый и лишенный крупных рек, не предоставляет возможности для соединения прибрежных и внутренних городов. Эта ситуация делает гавань в провинции Ляонин единственным выходом к морю для трех северо-восточных провинций, что существенно ограничивает их экономическое развитие. [\[16\]](#)

С учетом текущих реформ и процесса открытия миру, отсутствие морского выхода стало значительным фактором, ограничивающим развитие экономики двух провинций, особенно северо-восточного региона. В связи с этим вопрос об обеспечении морского порта на северо-востоке стал одной из важнейших задач в рамках стратегии возрождения старых промышленных баз северо-востока Китая.

Дальневосточные порты России, расположенные близко к провинциям Хэйлунцзян и Цзилинь, предоставляют оптимальные условия для развития трансграничных перевозок с учетом их географического расположения и недавних инфраструктурных усовершенствований. Наиболее значимыми преимуществами являются близкое расстояние между портами, например, порт Суйфэнхэ находится всего в 230 км от Владивостокского торгового порта и в 290 км от Восточного порта Владивостока; порт Хуньчунь находится в 320 км от торгового порта Владивосток и в 80 км и 95 км от российских портов Зарубино и Славянка соответственно.

Порты Зарубино и Славянка в России находятся на расстоянии 80 и 95 км соответственно от Китайско-российской границы, а порт Расхин в Северной Корее находится на расстоянии 124 км. При сравнении этих расстояний по суше, расстояние от города Харбин до порта Далянь составляет около 950 км, а от города Цзямусы до порта Далянь - 1280 км, а от порта Суйфэнхэ до порта Инкоу - 1300 км. Это недвусмысленно указывает на высокие затраты на наземный транспорт и подчеркивает преимущества дальневосточных портовой группы с Владивостоком в качестве центра для развития важнейшей портовой группы Дальнего Востока.

В мае 2023 года Главное таможенное управление Китая (GAC) опубликовало официальное объявление, в котором объявило о расширении списка перевалочных портов для трансграничных перевозок товаров внутренней торговли в провинции Цзилинь. Кроме уже действующих портов, был добавлен Владивосток в России в качестве перевалочного порта для трансграничных перевозок товаров. Дополнительно, два порта - контейнерный терминал Юнчжоу и порт Цзясин Чжапу в провинции Чжэцзян -

были указаны как порты въезда для трансграничных перевозок товаров.

Это решение вызвало значительный интерес как внутри Китая, так и за рубежом. Исторически, начиная с 2007 года, провинция Хэйлунцзян получила разрешение от Главного таможенного управления на проведение пилотных трансграничных перевозок товаров внутренней торговли. Этот проект позволил провинции Хэйлунцзян использовать порт Суйфэнхэ в качестве отправной точки для трансграничных перевозок, а затем перегружать грузы в российских портах Владивосток, Дунфан и Находка, а также в портах Шанхай, Нинбо и Хуанпу в Китае.

В августе 2010 года было также опубликовано объявление, разрешающее провинции Цзилинь осуществлять вывоз товаров внутренней торговли через порт Хуньчунь-Хуанхэ, затем транзитом через порт Вончжонгри-Раджин в Северной Корее и вновь заходить в порты Шанхая и Нинбо для трансграничных перевозок товаров внутренней торговли.

С течением времени в рамках пилотных программ был разработан комплекс методов управления и операционных процедур для эффективного проведения трансграничных перевозок товаров внутренней торговли. Основной принцип заключается в максимальном использовании географического преимущества коротких расстояний между портами России и Северной Кореи, прилегающими к провинции Хэйлунцзян и северо-восточным провинциям Китая. Эти порты обеспечивают исключительные возможности для перевозки товаров между севером и югом китайского побережья через систему перевалок с использованием морских портов. [\[17\]](#)

Порт Владивосток стал ключевым выходом товаров к морю для северных районов Северо-Восточного Китая, компенсируя единственный доступ к морю через южные порты Инкоу и Далянь на Ляодунском полуострове.

Этот шаг представляет собой значимое совершенствование в области логистики, направленное на оптимизацию процессов перевозки товаров и снижение расходов в логистической цепи. Такое решение способствует активизации логистической деятельности на Северо-Востоке и служит средством поддержки экономического развития в этом регионе. Стимулирование экономической активности на Северо-Востоке имеет стратегическое значение, особенно в контексте усиления усилий по восстановлению и развитию старой промышленной базы в этом регионе.

Эта инициатива также представляет собой важное нововведение в области внутренней торговли и транспортных связей на Северо-Востоке Китая. Она обеспечивает совершенствование соответствующей политики и процессов ее внедрения, что содействует уменьшению бремени на предпринимательскую деятельность в соответствии с принципом "соответствующее внутреннее - соответствующее внешнее". Такой подход позволяет вернуться к основам политики и осуществлять прагматичное продвижение трансграничных перевозок товаров внутренней торговли. В целом, это представляет собой важное инновационное изменение в сфере перевозки отечественных товаров на Северо-Востоке.

Сотрудничество между Китаем и Россией в создании логистического коридора на Дальнем Востоке имеет множество важных аспектов, особенно в контексте развития Дальнего Востока России. Это позволяет адаптироваться к изменяющимся условиям китайско-российского торгово-экономического сотрудничества и способствует усилиям России по развитию своего Дальнего Востока. В этом контексте, регион Северо-Востока занимает ключевое положение в стратегическом сотрудничестве между двумя странами.

Создание логистического коридора в регионе Северо-Восточной Азии не только оптимизирует логистические потоки, но и предоставляет широкие стратегические возможности для России и Китая. Этот коридор становится важным элементом логистической инфраструктуры региона и способствует развитию экономических связей между странами, что имеет долгосрочное стратегическое значение. В будущем можно будет сделать контрастивное исследование сравнивающее товарооборот и важность дальнего востока в прошлом и настоящем времени. Например как Написано в статье Ефименко Н. А. [18], в 50-е годы двадцатого века Советский Союз играл главенствующую роль по отношению к Китаю, а на данный момент, расстановка сил поменялась, и взаимодействие приобрело другой характер, что было бы интересно изучить в дальнейших исследованиях. Также сравнение сухопутных путей через Монголию и через Казахстан (к примеру исследования Дубовской А. М. [19] и Вана Ц. [20]) с водными путями (как, например, исследование Дьяковой О. В. [21]).

Библиография

1. Куликова, В. А. Принципы создания мультимодальных логистических транспортных центров на Дальнем Востоке / В. А. Куликова, С. В. Проценко // Транспортное право и безопасность. – 2017. – № 9(21). – С. 29-35. – EDN ZITQXD.
2. Пугачев, И. Н. Развитие транспортно-логистического комплекса Дальневосточного региона России / И. Н. Пугачев, Р. Г. Король, Н. С. Нестерова // Транспорт Азиатско-Тихоокеанского региона. – 2022. – № 4(33). – С. 25-34. – EDN FANMES.
3. Ремыга, В. Н. Российско-китайское инфраструктурное сотрудничество // Экономические стратегии. – 2020. – Т. 22, № 3(169). – С. 66-73. – DOI 10.33917/es-3.169.2020.66-73. – EDN HPOSRD.
4. Король, Р. Г. Формирование приграничной терминально-логистической инфраструктуры для организации контрейлерных перевозок на направлении Суйфэньхэ (КНР) - Гродеково (РФ) // Известия Транссиба. – 2022. – № 1(49). – С. 43-56. – EDN EMTDNK.
5. Чуйкова, О. Ю. Перенастройка логистических потоков в современных условиях // Политранспортные системы : Материалы XII Международной научно-технической конференции. В 3-х частях, Новосибирск, 21–22 сентября 2022 года. Том Часть 3. – Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2022. – С. 243-248. – EDN ZYHTIS.
6. Лузянин, С. Г. Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные "бреки" России? // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 6. – С. 5-14. – DOI 10.31857/S032150750020426-0. – EDN AZJSGJ.
7. Чэнь Л. Исследование стратегии морской безопасности России. Пекин, 2020, - С. 12-17.
8. М. П. Пармель. Краткая история России. Наньхай. 2012. 346 с.
9. Цзян С. Историческое влияние морской мощи на подъем и падение России. Пекин, 2021, с. 7-9.
10. Гуань С. Исследование экономического развития России. Пекин: Центр исследования России Народного университета Китая., 2019. с. 348. ISBN: 978-7-5166-4538-3.
11. Ху. Ч. Развитие китайско-российского торгово-экономического сотрудничества и строительства китайско-российского логистического коридора на Дальнем Востоке // Русский журнал. под редакцией Хэйлунцзянского университета. Китай, Хэйлунцзян. – 2023. – № 5. – С. 27-43.

12. Фэн Ш., Пань С., Отношения Китая с соседними странами. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2018. С. 9-11.
13. Сергеев А. С., Чарей М. С. Транспортные узлы российского Дальнего Востока на фоне мировых тенденций развития морского транспорта // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2010. №1.
14. Веселова, Э. Ш. Новое окно возможностей для сибирских аграриев // ЭКО. – 2017. – № 1(511). – С. 58-62. – EDN XKOIXV.
15. Шэньчжэньский институт комплексных исследований развития. Специальный исследовательский отчет о трансграничных перевозках отечественных товаров в Северо-Восточном регионе. 2020.
16. Цзян И. История вопроса о китайско-российской границе и значение его решения для укрепления межгосударственных отношений России и Китая // Мир русскоговорящих стран . 2020. №3 (5).
17. Ли Л., Североазиатский экономический круг Пекин: China Finance and Economy Publishing, 2021. с. 24-28.
18. Ефименко Н.А. Российская история в зеркале политической ситуации в Китае в 50-х гг. ХХ века (на материале школьных учебников по истории) // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 3. – С. 151 - 164. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.3.40736 EDN: HCFIYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40736 (дата обращения: 9.10.23)
19. Дубовская, А. М. Международные транзитные перевозки через Казахстан / А. М. Дубовская, Д. В. Мусатов // Транспорт и логистика: актуальные проблемы стратегического развития и оперативного управления : VI международная научно-практическая конференция, Ростов-на-Дону, 04-05 февраля 2022 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2022. – С. 45-47. – EDN PUDO0V.
20. Развитие экономического коридора Китай-Монголия-Россия: приграничное измерение / Ц. Ван, А. В. Вовенда, Д. Е. Любина, Е. В. Мушленко // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11, № 5. – С. 27-33. – DOI 10.33693/2223-0092-2021-11-5-27-33. – EDN TLMMVT.
21. Дьякова, О. В. Водный путь "от чжурчжэней до русских" в бассейне реки Раздольной Южного Приморья / О. В. Дьякова // Исторический курьер. – 2022. – № 3(23). – С. 77-85. – DOI 10.31518/2618-9100-2022-3-6. – EDN AOEJMX.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Предметом исследования является логистический канал на Дальнем Востоке как ключевой фактор развития китайско-русской торговли. Содержание статьи соответствует заявленной теме.

Методология исследования базируется на изучении числовых данных, характеризующих предмет исследования. Ценно, что автор использует таблицу для структуризации полученных результатов. Было бы также интересно увидеть схемы, диаграммы и графики в виде рисунков. Это значительно бы повысило уровень положительного восприятия от ознакомления со статьей. Более того, интересным вопросом является количественная оценка целесообразности развития логистического канала на Дальнем Востоке,

особенно в контексте оценки потенциальных выгод от реализации данной инициативы. Актуальность исследования вопросов, связанных с формированием логистического канала на Дальнем Востоке в контексте развития китайско-русской торговли, не вызывает сомнения, так как это стратегический вектор социально-экономического роста Российской Федерации, особенно в условиях санкционного давления со стороны недружественных стран, преимущественно находящихся на Западе.

Научная новизна в представленном на рецензировании материале чётко не просматривается, но отдельные её элементы по тексту встречаются: например, в части определения ключевых направлений интеграции и координации логистических коридоров на Дальнем Востоке. Также достаточно интересной и дискуссионной является таблица, раскрывающая преимущества и недостатки выходов России к морю.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения научный. Структура статьи автором чётко не выстроена. При доработке статьи рекомендуется выделить блоки «Актуальность исследования», «Постановка проблемы», «Методы исследования», «Результаты исследования», «Обсуждение результатов исследования и дальнейшие направления исследования». При проведении доработки научной публикации рекомендуется уделить внимание поиску существующих проблем/ограничений и предложений по их устранению. Более того, было бы интересно оценить конкретные количественные экономические эффекты от реализации авторских рекомендаций по решению существующих проблем.

Библиография. Автором подготовлен библиографический список, состоящий из 10 источников. Следует отметить, что он оформлен не только с нарушением требований ГОСТ, но и не единообразно. Более того, отсутствуют публикации, вышедшие в 2022-2023 гг. С учётом данного факта, а также принимая во внимание небольшое количество источников, следует заключить о необходимости удвоения числа рассмотренных научных публикаций (преимущественно за счёт публикаций, вышедших в последние годы, т.к. они будут учитывать актуальную контекстную специфику).

Апелляция к оппонентам. Несмотря на сформированный список источников, какой-либо научной дискуссии в тексте найти не удалось. При проведении доработки статьи рекомендуется уделить этому внимание: обсудить выявленные проблемы и разработанные рекомендации по их решению с другими авторами научных публикаций.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом всего вышеизложенного, статья требует доработки, после проведения которой может быть рассмотрен вопрос о целесообразности опубликования научной статьи. Учитывая высокий уровень актуальности темы и при устранении замечаний, указанных в тексте рецензии, она будет полезна широкому кругу лиц: и органам государственной власти на федеральном и на региональном уровнях, особенно в субъектах Российской Федерации, относящихся к Дальневосточному федеральному округу, научно-педагогическим работникам, экспертам и аналитикам, занимающимся решением данных задач.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой публикации выступает логистический канал на Дальнем Востоке, который рассматривается авторами как ключевой фактор развития китайско-русской торговли.

Методология исследования базируется на использовании методов эмпирических исследований, исторического анализа и обобщения материалов из средств массовой

информации.

Актуальность работы авторы справедливо связывают с тем, что логистический коридор, соединяющий Китай и Россию на Дальнем Востоке, становится неотъемлемой частью геополитической и экономической динамики региона, важны транспортным маршрутом, который служит не только мостом между двумя великими странами, но и ключевым фактором для укрепления их экономических связей, а также расширения торговых возможностей.

Научная новизна рецензируемого исследования, по мнению рецензента состоит в обобщении современных представлений о логистическом канале на Дальнем Востоке и обосновании ключевых направлений сотрудничества между Китаем и Россией в области инфраструктуры логистических коридоров на Дальнем Востоке.

В тексте статьи выделены следующие разделы: Важность логистического коридора Китай-Россия, Выгоды экономического сотрудничества, Географические факторы и исторический контекст, Дальневосточный логистический коридор между Китаем и Россией, Дальневосточный портовый комплекс России, Библиография. В публикации отмечено, что китайско-российские торговые отношения неразрывно связаны с функционированием рассматриваемого логистического коридора, приведены сведения об объемах торговых операций между странами в последние годы. Авторы считают, что тенденция развития торгового сотрудничества между Китаем и Россией является взаимовыгодным для обеих стран и прогнозируют, что она будет определять их взаимоотношения в долгосрочной перспективе. Такое заключение сделано на основе исторического обзора развития российско-китайских отношений за многовековой период. В статье в таблицах рассмотрены преимущества и недостатки выходов России к морю, расстояния между прибрежными портовыми городами Китая и российскими морскими логистическими коридорами, расстояния между прибрежными портами Китая и портами Дальнего Востока России.

Библиографический список включает 21 источник – научные статьи и публикации в средствах массовой информации, интернет-ресурсы по рассматриваемой теме. На библиографические описания источников в тексте приведены адресные ссылки, что подтверждает наличие апелляции к оппонентам.

Из резервов улучшения публикации можно отметить следующие. Во-первых, в тексте логично было бы озаглавить вводную часть статьи как «Введение», а также выделить «Заключение» или «Выводы» для придания завершенности исследованию. Во-вторых, представляется, что завершить текст публикации лучше не ссылками на работы других авторов, а выводами по результатам проведенного авторами статьи исследования.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Теоретическая и прикладная экономика», содержит элементы научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию с учетом высказанных пожеланий.

Теоретическая и прикладная экономика

Правильная ссылка на статью:

Ширинкина Е.В., Волкорез А.А. — Классификация рисков в системе риск-менеджмента инновационного развития регионов России // Теоретическая и прикладная экономика. – 2023. – № 4. – С. 59 - 72. DOI: 10.25136/2409-8647.2023.4.68755 EDN: ОННРСЈ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68755

Классификация рисков в системе риск-менеджмента инновационного развития регионов России

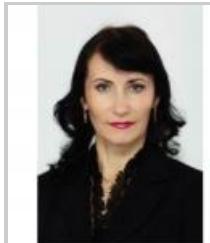
Ширинкина Елена Викторовна

кандидат экономических наук

доцент кафедры менеджмента и бизнеса Сургутского государственного университета

628412, Россия, Тюменская область, г. Сургут, ул. Ленина, 1, каб. 510

✉ shirinkina86@yandex.ru

Волкорез Алексей Александрович

аспирант, кафедра менеджмента и бизнеса, Сургутский государственный университет

628412, Россия, Тюменская область, г. Сургутский Государственный Университет,, ул. Ленина, 1

✉ shirinkina86@yandex.ru

[Статья из рубрики "Экономическая теория и история экономической мысли"](#)

DOI:

10.25136/2409-8647.2023.4.68755

EDN:

ОННРСЈ

Дата направления статьи в редакцию:

19-10-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что риск-менеджмент эффективного инновационного развития – задача, поставленная перед каждым регионом Российской Федерации, в современных условиях приобретает особое значение. С одной стороны, это связано с требованиями мирового рынка, на котором

инновация является признанным инструментом повышения конкурентоспособности, решения социально-экономических проблем общества. С другой стороны, это необходимо в связи с возрастающими перекосами ключевых показателей регионального инновационного развития страны, что требует принятия мер по сохранению устойчивого развития высокотехнологичных территорий и интенсификации отстающих с учетом отраслевой и иной специфики их функционирования. Предметом исследования является механизм риск-менеджмента на основе выявления и классификации рисков и возможностей восточных регионов России в обеспечении эффективного инновационного развития. Новизна исследования заключается в том, что авторами представлены ключевые направления совершенствования механизма риск-менеджмента инновационным пространством регионов России с учетом дифференциации регионального экономического пространства в направлении установления качественной и устойчивой системы взаимодействия между объектами и субъектами инновационного пространства на основе выделенных приоритетов. Ввиду того, что риск-менеджмент инновационного развития являются объектом исследования в отечественных диссертационных работах более 25 лет, возник вопрос: какие риски выделялись, и рекомендации по их решению предлагались авторами на протяжении этого периода. Насколько изменился (и изменился ли) набор анализируемых анализируемых рисков и вызовов. Каким образом изменилось содержание предлагаемых для активизации инновационного развития подходов и методов риск-менеджмента. Для ответа на поставленные вопросы проанализировано более 60 докторских диссертационных работ, защищенные за последние 25 лет, посвященные риск-менеджменту инновационными процессами в регионах.

Ключевые слова:

риск, классификация, риск-менеджмент, инновации, развитие, регионы, эффективность, методика, проблемы, вызовы

Введение.

Обеспечение эффективного инновационного развития – задача, поставленная перед каждым регионом Российской Федерации, в современных условиях приобретает особое значение. С одной стороны, это связано с требованиями мирового рынка, на котором инновация является признанным инструментом повышения конкурентоспособности, решения социально-экономических проблем общества. С другой стороны, это необходимо в связи с возрастающими перекосами ключевых показателей регионального инновационного развития страны, что требует принятия мер по сохранению устойчивого развития высокотехнологичных территорий и интенсификации отстающих с учетом отраслевой и иной специфики их функционирования. С третьей стороны, в условиях высокой изменчивости условий и факторов развития государства и регионов, возрастающего количества вызовов и угроз, каждая территория вынуждена решать задачу инновационного развития параллельно с разрешением текущих проблем. Вышеуказанное имеет большую глубину и остроту для регионов России, что предопределило их выбор в качестве объекта исследования.

Предметом исследования является механизм риск-менеджмента на основе выявления и классификации рисков и возможностей восточных регионов России в обеспечении эффективного инновационного развития.

Новизна исследования заключается в том, что авторами представлены ключевые направления совершенствования механизма риск-менеджмента инновационным пространством регионов России с учетом дифференциации регионального экономического пространства в направлении установления качественной и устойчивой системы взаимодействия между объектами и субъектами инновационного пространства на основе выделенных приоритетов.

Постановка проблемы.

Инновационная деятельность, эффективность которой в долгосрочной перспективе зависит от качества НИОКР, является объектом исследования значительного количества научных работ. По количеству докторов наук часто судят об уровне инновационного развития регионов. Ввиду того, что инновации являются объектом исследования в отечественных диссертационных работах более 25 лет, возник вопрос: какие проблемы выделялись, и рекомендации по их решению предлагались авторами на протяжении этого периода? Насколько изменился (и изменился ли) набор анализируемых проблем? Каким образом изменилось содержание предлагаемых для активизации инновационного развития подходов и методов?

Для ответа на поставленные вопросы проанализировано более 60 докторских диссертационных работ, защищенные за последние 25 лет, посвященные управлению инновационными процессами в регионах.

Определение специфики обозначенных в работах проблем позволило выделить те, которые, по мнению исследователей, являются ключевыми (табл. 1).

Таблица 1

Эволюция исследований в области выделения ключевых проблем инновационного развития

Автор, год опубликования работы	Ключевые проблемы
Бонюшко А.А., 1998	недостаточно разработаны теоретические и методические основы рационального регулирования и нормативного обеспечения научно-инновационной деятельности корпоративных и государственных интегрантов, взаимодействия элементов механизма создания и производства нововведений [1]
Быстров В.В., 2004	отсутствует механизма конвертации фундаментальных исследований в конкретные инновационные проекты [2]
Алексеев А.А., 2005	недоучитывается синергетический результат, образуемый совокупностью всех видов новаций, больший акцент делается на моделировании и прогнозировании поведения отдельной товарной или организационной новации. «Анализ интегральной совокупности всех новаций (в какой-либо точке мониторинга) методические не позволяет предсказать возможные функциональные изменения в рыночной позиции предприятия» [3]

Ерыгин Ю.В., 2005	недоучитывается специфика деятельности предприятий, управление их инновационным развитием, изменившаяся роль и содержание инновационной деятельности на предприятиях ОПК, когда инновации становятся решающим фактором в развитии предприятия и, следовательно, должны выйти на стратегический уровень управления корпорацией [4]
Буч О.В., 2006	отсутствует целостная системная картина всех групп процессов предприятия, включая инновационные процессы [5]
Гилязутдинова И.В., 2006	нет единого мнения по вопросу о содержании инноваций, организации инновационных процессов в разных типах хозяйственных систем, об использовании организационно-экономических факторов для активизации инновационной деятельности, о формировании инновационного типа развития хозяйственных систем; много проблем возникает в процессе интеграции инновационных систем в функционирующие системы; мало внимания уделяется взаимодействию организационно-экономических и организационно-технологических факторов в инновационных условиях, отсутствуют методические подходы к формированию институциональных структур инновационной экономики [6]
Горшенин В.П., 2006	сохраняется высокая неопределенность при внедрении инноваций, связанная с необходимостью выявления методов и механизмов воздействия на инновационную активность российских корпораций; исследования инновационного потенциала, как правило, ограничиваются уровнем корпорации, а инновационный потенциал персонала не рассматривается как самостоятельный элемент внутрикорпоративных институтов; отсутствует прикладной инструментарий оценки инновационной активности корпораций во взаимосвязи с инновационным потенциалом персонала, недостаточно разработаны и обоснованы количественные критерии и показатели инновационного потенциала персонала [7]
Егорова М.В., 2009	вопросам методологического характера в области становления и развития региональных инновационных систем не уделяется еще достаточного внимания, и на данный момент отсутствует общепринятое представление о структуре, функциях и механизмах их формирования и функционирования [8]
Демкин И.В., 2010	недостаточно уделяется внимание вопросам взаимозависимости инновационных проектов компаний, сопоставления ожидаемых потерь и

		доходности инвестиций, количественной оценке уровня инновационного риска в масштабе предприятия, организации и управления инновационным риском, взаимоувязки управления инновационным риском с денежным потоком и стоимостью портфеля инновационных проектов предприятия. Необходимость управления инновационным риском только осмысливается на предприятии [9]
Абрамов В.И., 2012		существенных революционных сдвигов в национальной инновационной системе не происходит. Отсутствует система эффективного использования национальных инвестиционных ресурсов, наблюдаются тенденции их размещения в проектах с сомнительным, не выраженным инновационным потенциалом. Существует выраженная проблема количественной оценки инновационного потенциала при экспертизе проектов [10]
Королева Е.В., 2015		вопросы методологии и практики формирования системы патентно-информационной поддержки в России на основе функционирования и развития инновационных инфраструктурных образований сетевого типа по данному направлению в настоящее время остаются практически неисследованными. Отсутствие методологического и методического базиса воплощения сетевого принципа в организацию и управление процессом патентно-информационного обеспечения инновационной деятельности [11]
Губернаторов А.М., 2016		лица и органы, принимающие управленческие решения, поступают не всегда рационально; вопросы, связанные с обоснованием критериев эффективности финансового обеспечения проектноориентированного управления инновационным развитием отраслей экономики, не получили необходимого развития; проблема разработки комплексной стратегии инновационного развития отраслей экономики, основанной на системном подходе, в целом остается не решенной; роль и возможности кластерной инициативы в реализации организационно-управленческих и технологических инноваций на уровне отдельных отраслей экономики в условиях дефицита финансовых ресурсов изучены недостаточно [12]
Костыгова Л.А., 2016		проблемы устойчивого развития кластеров, уточнения и структурирования условий и факторов устойчивого развития при высоком уровне инновационного развития на основе территориально-инновационных кластеров (ТИК). Глубоко не изучены вопросы многоуровневой структуры промышленности и ее

	влияние на кластерную политику и организацию ТИК [13]. Дедов С.В., 2019 до настоящего времени не получили исчерпывающей научной интерпретации теоретико-методологические аспекты проблемы эффективного управления инновационной деятельностью; Существующая научная дискуссия в отношении ресурсного обеспечения и его роли в обеспечении эффективности управлении инновационной деятельностью характеризуются узконаправленностью. При этом констатируется недостаточная доказательность ряда выводов представленных работ [14]
--	---

Методология и условия исследования.

Используя в качестве информационной базы исследования материалы государственных программ по экономическому и инновационному развитию регионов, проанализируем наличие ресурсных возможностей для осуществления инновационной деятельности.

Выбор для исследования данных регионов обусловлен интересом к выявлению того, каким образом построена их инновационная деятельность, поскольку, с одной стороны, в условиях неблагоприятных природно-климатических условий, удаления от высокоразвитого центра страны, решение первоочередных социально-экономических задач находится в приоритете, с другой, эти регионы также вынуждены следовать общему вектору инновационного развития России и реализовывать соответствующие проекты.

Исследование возможностей регионов восточной части России позволяет выявить значительную дифференциацию по всем ресурсным составляющим (см. рис.1).

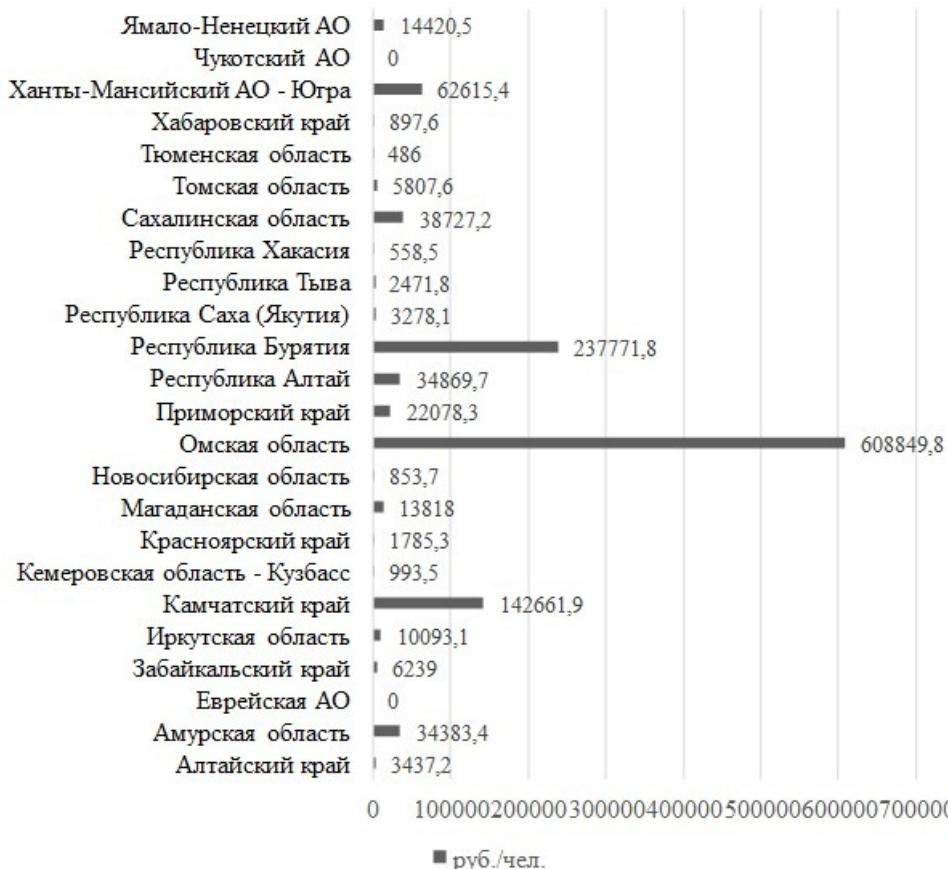

Рис. 1. Объем финансирования инновационной деятельности в расчете на 1 человека в 2022 году, руб./чел.

Таким образом, следует говорить о наличии развитой ресурсной базы инновационной деятельности регионов восточной части страны. Однако в разрезе регионов наблюдается резкая дифференциация в распределении инновационных ресурсов, что требует соответствующей корректировки для реализации эффективной инновационной политики.

Вместе с тем, каждый регион выделяет достаточно значительное количество рисков реализации государственной программы инновационного развития. Однако, можно заметить, что, говоря, как о внешних, так и внутренних рисках, первой проблемной областью является финансирование. В каждом регионе возникает опасение, что в силу определенных обстоятельств, воздействия вызовов и угроз, финансирование может прекратиться (либо, существенно уменьшиться), что повлияет на качество реализации программы. Тем не менее, в каждом регионе выделяются достаточно оптимистичные перспективы инновационного развития.

Для повышения связности инновационного пространства Восточного макрорегиона требуется установление двусторонних и многосторонних партнерских взаимоотношений между его субъектами и объектами, проведение регулярного мониторинга за ходом реализации всех соглашений, результативностью проведенных мероприятий межобъектного характера.

Требуется внедрение методов «гибкого» управления, ориентированных на повышение эффективности действующей системы управления. Кроме того, необходимо непрерывное размещение в средствах массовой информации сведений о межтерриториальном сотрудничестве, проведения различных мероприятий.

Обсуждение результатов исследования.

Обобщение взглядов на наличие текущих и набор будущих проблем инновационного развития общества, позволяет представить их следующее графическое отображение в рамках классического жизненного цикла инновации (рис. 2).

Рис. 2. Ключевые проблемы развития инноваций в рамках жизненного цикла.

Говорить о наличии некоего эволюционного процесса в изменении взглядов на проблемы инновационного развития государства, регионов, отдельных предприятий, бесспорно, можно. Так, если в начале 1990-х годов исследователи склонялись к тому, что не только методологическое, но и теоретическое описание эффективного инновационного развития, понимания пути развития общества по инновационному сценарию, отсутствует [15], то сегодня исследователи склонны акцентировать внимание на глубокой проработке отдельных элементов инновационной деятельности, идентификации и прогнозированию поведения факторов, рисков и угроз инновационной среде.

Важным для современных авторов представляется необходимость всестороннего взаимодействия различных участников инновационного процесса, поиск возможности взаимоувязать инновационные проекты различных компаний.

В числе проблем, обуславливающих низкую инновационную активность российской экономики, выделены: наличие малого числа хозяйствующих субъектов, осуществляющих в полной мере инновационную предпринимательскую деятельность, несовместимость прежней системы организации инновационной деятельности с новыми условиями хозяйствования после 90-х гг.; сложившееся за годы тоталитарного развития субъективное пренебрежение к действию экономических законов; монопольное положение большинства товаропроизводителей и отсутствие конкуренции.

Инновационный процесс, будучи одновременно продуктом и движущей силой экономического развития, с точки зрения Н.Л. Фроловой имеет возможности и ограничения, определяемые провалами рынка и вмешательством государства в регулирование инновационной сферы.

Наибольшее внимание исследователей заострено на общесистемных проблемах и вопросах первых этапов жизненного цикла инноваций. Многие указывают на отсутствие

методологии становления и развития региональных инновационных систем в целом, их точечном, локальном формировании, сложности интеграции инновационных систем в существующие хозяйствственные системы. Что касается начала жизни инноваций, то здесь исследователи солидарны в наличии большого комплекса проблем ресурсного обеспечения инновационной деятельности и эффективности управления ей, недоучета инновационного потенциала нового проекта, что часто сказывается на инвестировании в сомнительное начинание.

Что же предлагается ведущими исследователями в области инновационного развития хозяйственных систем различного уровня? Существенная вариативность предложений затрагивает:

- 1) механизм регулирования инновационной деятельности в регионе;
- 2) методологию критериальной оценки результативности инновационной деятельности в регионе и на уровне отдельного предприятия;
- 3) организационно-экономическую структуру инновационного предприятия;
- 4) направления повышения инновационного потенциала территорий, предприятий, персонала.

Проведенный анализ позволил выделить следующие предложения по разработке структурных компонентов, которые представляются наиболее актуальными в настоящее время с учетом выявленных проблем инновационного развития:

- 1) на национальном уровне:
 - концепция коллаборационного технологического контура, представляющего собой часть региональной инновационной системы, в рамках которой происходит формирование коллаборационной среды, способствующей интеграционному взаимодействию ее актантов.
- 2) на региональном уровне:
 - методологический подход управления переходами между стадиями инновационного процесса, обеспечивающий непрерывность их протекания; механизм интеграции бизнеса и высшего образования.
- 3) на уровне отраслей (предприятий):
 - новый порядок организации инфраструктуры для обеспечения инновационной деятельности промышленного сектора на основе сетевого взаимодействия; методика оценки инновационного потенциала инфраструктуры для обеспечения инновационной деятельности промышленных предприятий на основе учета потенциала территориальных систем и инновационных предприятий; архитектура построения системы управления эффективностью развития инновационной инфраструктуры;
 - методический подход к проведению мониторинга реализации проектов инновационного развития жилищно-коммунального хозяйства;
 - методика построения карты стратегических целевых ориентиров развития промышленных предприятий; процесс идентификации управленческих и финансово-инвестиционных рисков.

Принимая во внимание внушительный комплекс проблем, сохраняющихся до настоящего

времени, пул рекомендаций по развитию и повышению эффективности тех или иных аспектов инновационной деятельности в небольшой своей части ориентирован на усиление совместной деятельности участников инновационной деятельности. Таким образом, для преодоления указанного негативного положения предлагается акцентировать внимание на следующих структурных компонентах повышения инновационной активности региона (рис. 3).

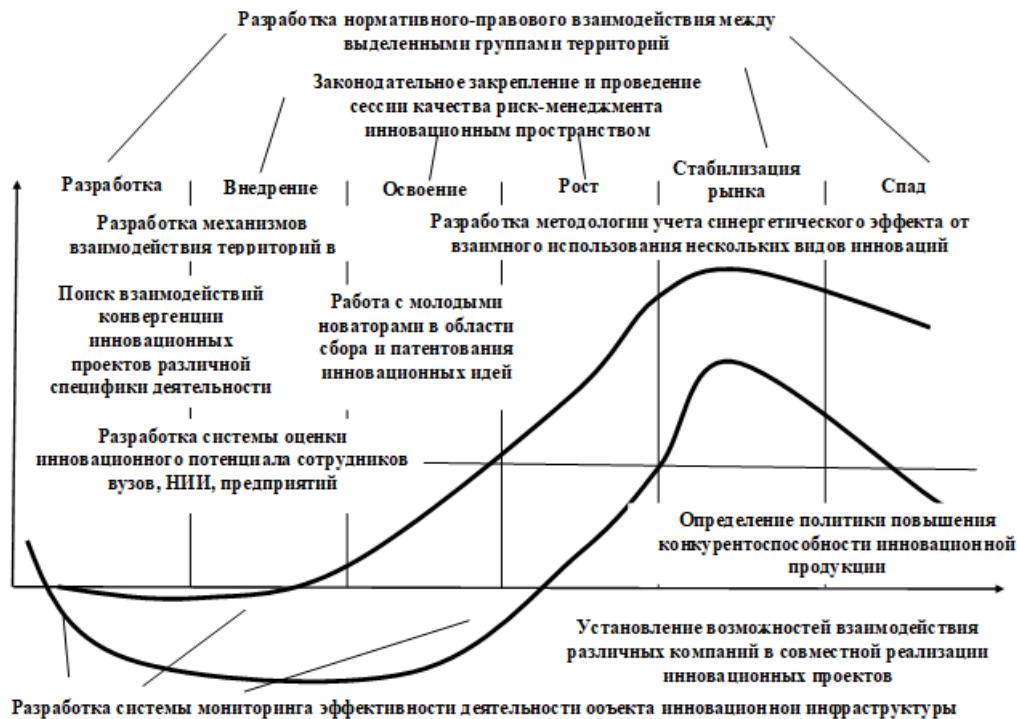

Рис. 3. Предложения по разработке структурных компонентов, позволяющие активизировать управление инновационным пространством региона.

Ведущими механизмами риск-менеджмента инновационным пространством должны явиться: мезоэкономическая коопeração, реализация проектного управления, активизация государственно-частного партнерства:

- разработка механизма реализации полного инновационного цикла в вузах территорий макрорегиона, развитие межвузовских инновационных коллaborаций;
- активизация инновационного предпринимательства;
- пространственное развитие инновационного бизнеса как основа вовлечения всего населения в инновационное развитие;
- создание кооперационных связей вузов с наукой и производством, вовлечение вузов в территориально-производственные кластеры;
- интенсификация трансфера технологий путем встраивания в цепочки добавленной стоимости креативных секторов экономики;
- внедрение системы риск-менеджмента.

Выводы и дальнейшие направления исследования.

Наличие большого количества проблем, сохраняющихся в регионах в области

инновационного развития, позволяет говорить о наличии не меньшего количества рисков, с которыми сопряжена реализация соответствующих государственных программ. Анализ рисков по регионам позволил выделить следующие ключевые:

- ухудшение экономической конъюнктуры в стране и мире;
- низкая заинтересованность участников инновационного процесса, несогласованность их действий;
- недостаточный объем финансирования;
- изменение законодательства в области инновационной (инвестиционной) деятельности.

Таким образом, каждый регион выделяет достаточно значительное количество рисков реализации государственной программы инновационного развития. Однако, можно заметить, что, говоря, как о внешних, так и внутренних рисках, первой проблемной областью является финансирование.

В каждом регионе возникает опасение, что в силу определенных обстоятельств, воздействия вызовов и угроз, финансирование может прекратиться (либо, существенно уменьшиться), что повлияет на качество реализации программы. Тем не менее, в каждом регионе выделяются достаточно оптимистичные перспективы инновационного развития.

Таким образом, следует говорить о необходимости совершенствования механизма риск-менеджмента инновационным пространством по единой линии наращивания компетенций широкой части населения в части изменения ментальности, инноваторов – по реализации всех стадий жизненного цикла инноваций, органов управления – по их адаптации к меняющимся требованиям инновационной экономики.

Библиография

1. Бонюшко А. А. Нормативное обеспечение и регулирование инновационной деятельности государственных научных центров. Дис...д-ра экон. наук: 08.00.05 – Санкт-Петербург, 1998.
2. Быстров В.В. Методологические основы формирования организационно-экономического механизма управления инновациями на конверсируемых предприятия (на примере предприятий оборонно-промышленного комплекса): автореф. дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Владивосток, 2004. – 40 с.
3. Алексеев А.А. Теория и методология управления системой инновационного развития: дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Москва, 2005. – 297 с.
4. Ерыгин Ю.В. Методология и инструментарий планирования устойчивого инновационного развития предприятий ОПК: автореф. дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Красноярск, 2007. – 406 с.
5. Буч О.В. Процессный подход к управлению системой инновационной деятельности промышленного предприятия: автореф. дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Калининград, 2006. – 46 с.
6. Гильязутдинова И.В. Методология организационно-экономического развития инновационных хозяйственных систем: дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Казань, 2009. – 352 с.
7. Горшенин В.П. Управление инновационным потенциалом персонала корпорации: автореф. дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Челябинск, 2006. – 44 с.
8. Егорова М.В. Механизмы формирования и функционирования региональной

- инновационной системы: дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Казань, 2009. – 393 с.
9. Демкин И.В. Управление инновационным риском в промышленности: методология, организация, модели: автореф. дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Москва, 2010. – 49 с.
 10. Абрамов В.И. Методология оценки инновационного потенциала: дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Самара, 2012. – 301 с.
 11. Королева Е.В. Формирование и развитие патентно-информационной поддержки инноваций: дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Санкт-Петербург, 2015. – 374 с.
 12. Губернаторов А.М. Методология и организация управления инновационным развитием отрасли: автореф. дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Москва, 2016. – 51 с.
 13. Костыгова Л.А. Формирование механизма устойчивого развития промышленности России на основе территориальных инновационных кластеров: дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – М., 2016. – 295 с.
 14. Дедов С.В. Ресурсное обеспечение эффективного управления инновационной деятельностью: теория, методология, стратегия: дис. д-р. экон. наук: 08.00.05. – Курск, 2019. – 373 с.
 15. Шелегеда Б.Г., Шарнопольская О.Н., Василишина Л.Н. Инновационные ресурсы совершенствования профессиональной подготовки менеджеров высшей квалификации // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2013. № 4 (46). С. 40-51.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Опираясь на заголовок, представляется возможным заключить о том, что статья должна быть посвящена разработке классификации рисков в системе риск-менеджмента инновационного развития регионов России. Содержание статьи частично соответствует заявленной теме, но по сути не содержит авторского блока, а базируется исключительно на систематизации и обобщении результатов исследований, проведенных другими авторами.

Методология исследования базируется на изложении общизвестных фактов и суждений. С одной стороны, положительное восприятие от ознакомления со статьей формируется за счёт наличия в ней графических объектов (таблица и рисунок). К сожалению, не используется какой-либо общенаучный или специальный методологический аппарат в части анализа данных. При проведении доработки статьи было бы также обратить внимание на построение графических объектов, содержащих результаты изучения состояния предмета исследования в структуре/динамике и т.п.

Актуальность исследования вопросов, связанных с риск-менеджментом инновационного развития российских регионов, не вызывает сомнения, т.к. это полностью отвечает национальным интересам развития Российской Федерации, а также обеспечению технологического суверенитета нашего государства. Эти задачи были поставлены Президентом России в 2018,2020,2022 гг. Соответственно, востребованность качественных научных исследований по заявленной теме не вызывает сомнения. Потенциальную читательскую аудиторию интересуют обоснованные проблемы и аргументированные пути их решения. Вопросы, связанные с осуществлением риск-

менеджмента и идентификации возможных рисков имеют особый интерес, т.к. это позволит осуществить качественное социально-экономическое, инновационное и бюджетное прогнозирование, что крайне необходимо для достижения заявленных целей и задач.

Научная новизна в представленных на рецензирование материалах отсутствует.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения можно считать научным только с позиции отсутствия просторечных высказываний и выражений. При этом ввиду отсутствия использованной научной методологии представленный на рецензирование материал является рефератом, а не научной статью. Структура статьи автором не выстроена. При доработке статьи рекомендуется выделить блоки «Введение», «Постановка проблемы», «Методология и условия исследования», «Результаты исследования», «Обсуждение результатов исследования», «Выводы и дальнейшие направления исследования». В содержательном плане статью следует наполнить обоснованными выявленными проблемами и обоснованными путями их решения. Также следует построить заявленную систему риск-менеджмента инновационного развития регионов и показать какие существуют риски? В чём суть авторской классификации? В чём ее практическая значимость? Чем она отличается от тех, что уже содержатся в научной литературе.

Библиография. Ознакомление с библиографическим списком позволяет заключить о его скучности, а также отсутствии изученности научных публикаций, вышедших после 2016 года. При этом в последние 7 лет достаточно большое количество исследований проводилось по заявленной тематике, как в России, так и за рубежом. Также при наполнении статьи результатами обработки числовых данных следует обязательно привести источники, из которых они будут заимствованы.

Апелляция к оппонентам. При наполнении статьи содержательным компонентов в части авторского подхода к классификации рисков в системе риск-менеджмента инновационного развития российских регионов, следует также обсудить полученные результаты с теми итогами, что содержатся в научных трудах отечественных и зарубежных авторов. Это позволит оказать позитивное влияние на формирование отсутствующей в текущей редакции научной новизны.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом всего вышеизложенного, заключаем о том, что статья в представленном виде не представляет какой-либо научной или практической ценности. Соответственно, не будет востребована у потенциальной читательской аудитории. При этом, проведённая доработка с учётом указанных в тексте рецензии замечаний позволит устранить данную проблему. В связи с этим статью следует не отклонять, а отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает механизм риск-менеджмента на основе выявления и классификации рисков и возможностей восточных регионов России в обеспечении эффективного инновационного развития.

Методология исследования базируется на использовании в качестве информационной базы материалов государственных программ по экономическому и инновационному развитию регионов, применении общенаучных методов исследования, визуализации полученных результатов обработки информации.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что обеспечение эффективного инновационного развития – важная задача каждого региона России.

Научная новизна работы состоит в том, что авторами представлены ключевые направления совершенствования механизма риск-менеджмента инновационным пространством регионов России с учетом дифференциации регионального экономического пространства в направлении установления качественной и устойчивой системы взаимодействия между объектами и субъектами инновационного пространства на основе выделенных приоритетов.

Структурно в статье выделены следующие разделы: Введение, Постановка проблемы, Методология и условия исследования, Обсуждение результатов исследования, Выводы и дальнейшие направления исследования, Библиография.

В статье рассмотрены докторские диссертационные работы, защищенные в различных регионах страны за последние 25 лет, посвященные управлению инновационными процессами в регионах, прослежена эволюция исследований в области выделения ключевых проблем инновационного развития. Приведены данные об объемах финансирования инновационной деятельности в расчете на 1 человека в 2022 году в разрезе регионов восточной части России, выявлена значительная дифференциацию по всем ресурсным составляющим. В работе в виде схематичных рисунков показаны ключевые проблемы развития инноваций в рамках жизненного цикла, а также внесены предложения по разработке структурных компонентов, позволяющие активизировать управление инновационным пространством региона. Наиболее актуальные предложения по разработке структурных компонентов механизма риск-менеджмента сформулированы отдельно для национального, регионального уровней, а также для уровня отраслей и предприятий. К ведущим механизмам риск-менеджмента авторы относят мезоэкономическую кооперацию, реализацию проектного управления, активизацию государственно-частного партнерства.

Библиографический список включает 15 источников – диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук, а также научная публикации по рассматриваемой теме на русском языке. На каждый литературный источник в тексте имеется адресная ссылка, подтверждающая наличие апелляции к оппонентам.

К резервам улучшения публикации можно отнести конкретизацию предложенных авторами подходов к управлению рисками инновационного развития регионов применительно к какому-либо отдельному субъекту РФ или отрасли.

Тема статьи актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, содержит элементы приращения научного знания, соответствует тематике журнала «Теоретическая и прикладная экономика», может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.

Теоретическая и прикладная экономика

Правильная ссылка на статью:

Бекряшев А.К. — Адам Смит о неопределенности и безопасности. Часть 1 // Теоретическая и прикладная экономика. – 2023. – № 4. – С. 73 - 86. DOI: 10.25136/2409-8647.2023.4.69369 EDN: OM FUAT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69369

Адам Смит о неопределенности и безопасности. Часть 1

Бекряшев Андрей Клавдиевич

кандидат экономических наук

доцент, кафедра Экономической теории и финансового права, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

644092, Россия, Омская область, г. Омск, Пр. Комарова, 7

✉ klavdievitch@mail.ru

[Статья из рубрики "Экономическая теория и история экономической мысли"](#)

DOI:

10.25136/2409-8647.2023.4.69369

EDN:

OM FUAT

Дата направления статьи в редакцию:

18-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Предметом статьи является исследование концептуальных идей Адама Смита о неопределенности и безопасности, их взаимосвязи. В части 1 статьи показано, что Смит использует несколько концепций неопределенности. Одна из них соответствует современному представлению об эпистемологической неопределенности. Смит также развивает оригинальную концепцию неоднозначности, которая, по мнению автора, наиболее конструктивно может быть осмыслена с позиций обобщенной версии принципа дополнительности Нильса Бора. Тем не менее, в системе Смита этот тип неопределенности имеет фундаментальное значение и связан с чувством симпатии. В части 2 статьи рассматривается вопрос о влиянии теологических идей на представления Смита о неопределенности. Исследуются особенности трактовки ученым неопределенности будущего. Во второй части также рассматриваются отдельные концептуальные взаимосвязи неопределенности и безопасности. В статье используются

методы концептуального анализа. Анализ применяется в презентистском и антиквариистском вариантах. Презентистский подход предполагает интерпретацию идей Смита о неопределенности в терминах современных концепций (фундаментальной и эпистемологической неопределенности и их форм). Антиквариистский подход объясняет особенности концепций Смита в контексте разделяемых им теологических, философских представлений, методологических идей. Научная новизна состоит в исследовании концептуальных идей Смита о неопределенности в контексте презентистского и антиквариистского подходов. Приведены аргументы в обоснование точки зрения, что Смит, не формулируя явно идеи дополнительности, объясняет неопределенность способом, полностью согласующимся с соответствующим принципом. Принцип дополнительности позволяет рассматривать ее в качестве эпистемологической. Но это неопределенность особого типа, в снижении которой особая роль принадлежит механизму (чувству) симпатии. Исследуется вопрос о влиянии на представления Смита о неопределенности теологических идей, доктрины Божественного Промысла Ньютона. Теоретическая система Смита строится как исключающая фундаментальную неопределенность будущего, в качестве субститута которой вводится особый тип неоднозначности. Это позволяет объяснить непредсказуемые изменения в реальной системе, сохраняя ее закрытость. Приведены аргументы, свидетельствующие о взаимосвязи в работах Смита концепций неопределенности и безопасности.

Ключевые слова:

фундаментальная неопределенность, эпистемологическая неопределенность, безопасность, принцип дополнительности, классическая экономическая теория, неоднозначность, симпатия, системное знание, контекстуальное знание, эргодический

1. Актуальность

Литература, посвященная научному творчеству Адама Смита, его философским и методологическим идеям, чрезвычайно обширна. Тем не менее, исследование его концептуальных идей, касающихся неопределенности, находится вдали от фарватера мейнстрима экономической теории и истории экономической мысли. Замечания Дж.М. Кейнса, П. Самуэльсона, Д. Норта о роли неопределенности в классической теории, безусловно, точны, однако имеют ограниченную ценность для понимания особенностей взглядов основоположника экономической науки. В специальной литературе отдельные аспекты затрагивались в контексте исследования эпистемологических, методологических, теологических идей ученого, но неопределенность не стала предметом специального рассмотрения.

Актуальность исследования экономического влияния неопределенности становится все более очевидной в последнее десятилетие, после мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. Даже в мейнстриме неопределенность сегодня все чаще начинает рассматриваться как фактор, влияющий на параметры экономической системы, имеющие критическое значение для безопасности и, прежде всего, экономической безопасности различных ее объектов-референтов. В свете исследовательского поворота к неопределенности представляется разумным обратиться к идеям мыслителей прошлого, к числу которых без сомнения принадлежит Адам Смит. Великий шотландец не только признавал значение неопределенности, но и рассматривал ее как взаимосвязанную с безопасностью. Это тем более важно, что концепция безопасности занимает не последнее место в теоретической системе Смита.

Таким образом, исследование концептуальных представлений Адама Смита о неопределенности и ее связи с безопасностью, является актуальной с точки зрения познавательной - углубления понимания его вклада в развитие экономической мысли, а также поиска практических путей обеспечения экономической безопасности современной экономической системы.

2. Литература

Статья связана с несколькими направлениями литературы. Основные работы Смита «Исследование о причинах богатства народов» (далее – *БН* [1], «Теория нравственных чувств» (далее – *ТНЧ* [2]) предлагают систематический взгляд на неопределенность и безопасность в социальной системе. «История астрономии» (далее – *Астрономия*) – работа, в которой вопросы эпистемологической неопределенности становятся предметом самостоятельного исследования. [3]

Второе важное направление литературы, с которым связана настоящая статья, посвящена исследованию социальных, этических идей Смита, его вклада в развитие научного знания. Здесь следует отметить фундаментальные работы Дж. Вайнера, [4] Д. Уинча [5, 6], и способствующие пониманию конкретно-исторического контекста современного Смиту научного дискурса.

Работы К. Хааконссена, [7] С. Флейшхакера [8] и других были ценными для понимания идей Смита на процесс познания, роль науки, структуру знания, роль последнего в создание порядка и обеспечение безопасности.

Статья опирается на литературу, посвященную концептуальным идеям Смита о безопасности, которая не очень обширна, но обладает несомненной ценностью. [8, 9, 10, 11]

Статья связана с литературой, проясняющей влияние на Смита теологических идей [12, 13], идей философов естественного права [14], богословских и методологических идей Исаака Ньютона [15]. Работы этого направления являются основой антиквариистского подхода к идеям Смита, позволяют осознать явно не формализуемый, но значимые предположения, положенные в основание его концепций.

Литература по концептуальному анализу неопределенности весьма обширна, и полезна для оценки идей мыслителей прошлого. [16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23]

Работы по методологии научного исследования, [24, 25, 26, 27, 28] истории методологии науки, особенно - классической экономической теории и собственно творчества Смита. [29, 30, 6, 5]

3. Экономисты – классики, Адам Смит и неопределенность.

Нельзя сказать, что вопрос о роли неопределенности в классической теории не получал освещения в литературе. Дж.М. Кейнс упрекал классическую теорию в игнорировании неопределенности, точнее редукции ее к точно вычисляемому риску (вероятностной форме). [18, с. 283] П. Самуэльсон определял подход классиков как фаталистический (в контексте их отношения к долгосрочному равновесию) и основанный на эргодической гипотезе (по аналогии со статистической физикой). [31, pp. 1-15.] Внимание к идеям Адама Смита о неопределенности, выглядит скромным на фоне огромной литературы,

посвященной исследованию научного творчества основоположника экономической науки. Их исследование фрагментарно. В центре внимания - лишь некоторые, хотя и, без сомнения важные аспекты. Так, М. Блауг подчеркивает приоритет Смита в постановке проблемы выбора в условиях неопределенности (фактически - риска). [\[22, с. 42-43\]](#) Исследуются неопределенность и риск как фактор привлекательности инвестиций. Отмечается отличие модели предпринимателя Смита от концепции Кантильона, исходящей из идеи неопределенности дохода предпринимателя. [\[32, р. 398\]](#)

В своей важной работе [\[7\]](#) Кнуд Хааконсен исследует проблемы знания, его типологию в работах Смита, способы и механизмы роста и их роль в формировании порядка. Эти вопросы связаны с неопределенностью, однако этот аспект оставляется за пределами исследовательского поля. Все более обширной и глубокой становится литература, посвященная теологическим предпосылкам идей Смита, влиянию идей естественного права, методологических и философских идей Исаака Ньютона. Полученные результаты представляют собой основу для антикваристского объяснения идей Смита, связанных с неопределенностью, однако в таком контексте их использования в литературе автор не обнаружил.

Таким образом, концептуальные идеи Смита о неопределенности рассматриваются «экономно» и фрагментарно. Тем не менее фрагментированное знание достигает уровня, на котором открывается возможность поставить идеи неопределенности Смита в центр специального исследования. И целесообразность этого обусловлена не только естественным интересом лучшего понимания идей великого шотландца.

Однако главная причина носит, по мнению автора, практический характер и связана с накоплением данных, свидетельствующих о взаимосвязи неопределенности и безопасности, в том числе и прежде всего – экономической безопасности. Исследование этой связи имеет давнюю историю и восходит к работам Дж.М. Кейнса. Она занимает важное место в оригинальном институционализме Дж.К. Гэлбрейта, неоинституционализме (Д. Норт), посткейнсианской традиции. Однако после мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. даже в мейнстриме неопределенность сегодня все чаще начинает рассматриваться как фактор, влияющий на параметры экономической системы, имеющие критическое значение для экономической безопасности различных объектов- референтов. [\[33\]](#)

В свете исследовательского поворота к неопределенности представляется разумным обратиться к идеям мыслителей прошлого, к числу которых без сомнения принадлежит Адам Смит. Великий шотландец не только признавал значение неопределенности, но и видел ее фундаментальную связь с безопасностью. Не менее важно и то, что стандарты построения теории, которым следовал Смит, не предполагали исключения ценностного измерения экономики, что присуще неоклассическому мейнстриму после формалистической революции. Это открывало Смиту возможности исследования безопасности, которыми он активно пользовался. Опыт таких исследований может оказаться полезным и сегодня.

При рассмотрении темы неопределенности в работах Смита, обращает на себя внимание использование ученым для ее обозначения кроме собственно *uncertainty* также других понятий. В значении, близком по смыслу, Смит использует такие понятия как беспорядок, хаос, нерегулярность, что обусловлено, по мнению автора, скорее риторическими соображениями (использование метонимии), чем намерением подчеркнуть концептуальные различия.

Концептуальная определенность используемых понятий, отражающих неопределенность, варьируется от полной ясности до аморфности и неоднозначности. Это видится не случайным и является выражением двух различных подходов, используемых Смитом при построении теоретического знания. Эти подходы могут быть обозначены как контекстуальный и концептуальный. Различие между ними соответствует различию между такими известными в философии науки подходами к построению теорий как понимающий и объясняющий. [24, с. 125-128]. В первом случае неопределенность рассматривается в контексте различных ситуаций. Однако в этом случае может оказаться затруднительным однозначно идентифицировать концепцию. Во втором случае, напротив, концепция неопределенности ясна, но контекст не может быть однозначно определен и если и имеется какая либо информация о нем, то она выполняет лишь иллюстративную функцию. Перефразируя формулировку Бора, можно сказать, что концептуальная строгость находится в обратном отношении к определенности контекста применения. Примеры подобной ситуации можно встретить и в современной литературе по исследованию неопределенности. Так, авторитетный исследователь неопределенности Николас Блум, очевидно следуя контекстуальному (понимающему) подходу, отмечает, что используемая им при моделировании и эмпирическом исследовании концепция неизбежно является аморфной, представляя собой смесь классической неопределенности Найта и риска. [33]

4. Неопределенность: контекстуальный подход.

Контекстуальный подход встречается у Смита наиболее часто. Например, в *Богатстве народов* (далее - *БН*) Смит пишет о неопределенности, неуверенности (*uncertainty*) в немедленном получении платежа по бумажным деньгам (простым векселям), обусловленной "доброй волей" их эмитента. Ситуацию можно рассматривать в терминах информационной асимметрии (морального риска). [34, р. 431, 432; 2, с. 240]. Однако, если невозможность немедленной оплаты в будущем связана с отсутствием средств у эмитента, неопределенность становится связанной с будущим и приобретает черты фундаментальной. [Там же, р. 431] Неопределенность влияния совершенствования технологий на будущую эффективность, неопределенность открытия новых месторождений (так, что "ни человеческое мастерство, ни трудолюбие не могут его обеспечить"), [34, р. 329; 2, с. 182-184] имеет черты фундаментальной.

Неопределенность рассматривается Смитом в качестве фактора, влияющего на привлекательность инвестиции, так что инвестиции во внутреннюю торговлю предпочитались инвестициям во внешнюю торговлю, а инвестиции в сельскохозяйственные угодья — вложениям во внутреннюю торговлю [31, р. 398].

Один из важнейших контекстов, где Смит обсуждает проблему неопределенности, - налогообложение. Речь идет о неопределенности налога, обусловленной толкованием налоговых чиновников. Смит отмечает, что "налог... должен быть точно определен, а не произволен. Срок уплаты, способ платежа, сумма платежа — все это должно быть ясно и определено для плательщика и для всякого иного лица". [1, с. 588] Вместе с тем, неопределенность связана и со спорными ситуациями, заинтересованностью в обогащении: Смит пишет о неопределенности как факторе, поощряющем злоупотребления и вымогательство. [1, с. 588] В этом контексте Смит рассматривает проблему неоднозначности и с точки зрения классификации Ж. Бест вторую и третью ее формы. [23, р. 3-10].

5. Неопределенность: концептуальный подход.

Презентистский (понимающий) подход предполагает, что идеи Смита, касающиеся неопределенности, оцениваются с позиций близости или соответствия каким-либо из современных, которым, однако, Сам Смит не следовал и с которыми не был знаком. Рассмотрим кратко некоторые из концепций, которые могут быть полезны в этом контексте.

5.1. Литература о типах и формах неопределенности.

Ф. Найт предложил концепцию неопределенности, которая в основном разделяется в современной литературе и рассматривается как классическая. Неопределенность - состояние, в котором отсутствует возможность получить распределение вероятностей исходов таким образом, чтобы застраховать их. Найт ясно различал собственно вероятность, основанную на частотной концепции, и вероятностную форму, которую принимает суждение о неопределенном. [\[16, с. 220-223\]](#). Развивая этот подход, П. Дэвидсон определяет истинную (неэргодичную) неопределенность как невозможность указать полный набор перспектив относительно будущего, поскольку невозможно представить полный список последствий, которые произойдут в будущем или назначить вероятности для всех последствий, потому что данных недостаточно. [\[20, р. 134\]](#)

Статья следует идею различия неопределенности двух типов: эпистемологической (неоднозначности) и фундаментальной. [\[35, р. 41\]](#) Д. Декеш следующим образом определяет различия между ними: "Неоднозначность относится к отсутствующей информации, которая может быть известна, в то время как фундаментальная неопределенность подразумевает, что некоторая информация не существует во время принятия решения, потому что будущее еще не создано". [\[19, р. 41\]](#) И.В. Розманский определяет неясность более узко, подчеркивая фактическое отсутствие потенциально доступных информации и знаний: "При неясности будущее неопределенно, но познаваемо", [\[36, с. 59\]](#) Информационная асимметрия, предполагающая наличие, но различную доступность информации, исходя из обозначенных критериев, также должна быть отнесена к эпистемологической неопределенности.

Д. Норт, следуя концепции Найта, выделяет пять уровней неопределенности в зависимости от того, какими средствами она может быть сокращена. С неясностью могут быть соотнесены первые два уровня: неопределенность, которая может быть уменьшена за счет увеличения количества информации в рамках существующего объема знаний; а также та, которую можно сократить за счет увеличения этого объема, но в рамках существующего институционального устройства), а также отчасти третий (неопределенность, которая может быть уменьшена только за счет институциональных изменений) [\[21, с. 32-33\]](#) в части, связанной с информационной асимметрией, а также ограничением вариантов возможного поведения в предположении условия эргодичности мира. В остальной части неопределенность может рассматриваться как относящаяся к фундаментальному типу.

Ж. Бест в зависимости от порождающих неопределенность факторов, различает три ее формы: техническую, спорную и интерсубъективную. [\[23, р. 3-10\]](#) Техническая неоднозначность обусловлена недостаточной или неверной информацией, спорная является продуктом конфликтов по поводу интересов или идей, интерсубъективная неоднозначность связана с использованием языковых средств и контекста для интерпретации идей и интересов.

5.2. Смит: концепции неопределенности. Презентристский подход. [28]

История астрономии выделяется среди других работ Смита в том важном отношении, что в ней ученый уделяет внимание концептуальным аспектам неопределенности. Смит вводит понятие неопределенного, как причине, вызывающей удивление. Само же неопределенное вызывается явлениями либо предметами необычными либо редкими. "Мы удивляемся, - пишет Смит, - всем необыкновенным и необычным объектам, всем редчайшим явлениям природы... всему, с чем мы прежде были либо мало, либо не знакомы". [\[3, р. 33\]](#)

Мышление человека, который не может отнести новый или необычный объект к какому либо классу или категории, Смит определяет как неопределенное или неуверенное (*uncertain and undetermined thought*) [\[3, р. 39\]](#) Это вызванное новизной состояние Смит определяет как неопределенность, или неуверенность (*uncertainty*) и тревожное любопытство. [\[3, р. 40\]](#) Это же относится к необычному характеру последовательности или порядка следования объектов друг за другом. [\[3, р. 40\]](#)

С презентристских позиций описанная выше неопределенность может быть отнесена к эпистемологическому типу, то есть неоднозначности (неясности), которая исчезает при "ясном открытии связующей цепи промежуточных событий". [\[3, р. 40\]](#) "Кто будет удивляться, - пишет Смит, - механизмам оперного театра, если однажды его допустили за кулисы? Однако в чудесах природы редко бывает так ясно обнаружить эту соединительную цепь". [\[3, р. 42\]](#)

В пользу этого вывода говорит и мысленный эксперимент, в ходе которого Смит предлагает представить, что зрелый человек со здравым суждением и развитыми когнитивными способностями перенесен на другую планету, где природа управляетя совершенно иными законами. Наблюдаемые им события в этом случае "должны были бы казаться ему в высшей степени резкими, нерегулярными и диссонирующими", так что он вскоре впал бы в состояние неуверенности и неопределенного мышления. [\[3, р. 43\]](#) Этую же идею он поясняет примером наблюдения за карточной игрой человеком, который не знаком "с природой и правилами игры; то есть с законами, регулирующими последовательность карт". [\[3, р. 44\]](#)

Далее Смит, обобщая эту идею, отмечает, что природа предстает как "хаос резких и диссонирующих явлений", как изобилующая "событиями, которые кажутся одинокими и несвязанными со всем, что происходило до них, и ... которые заставляют ... идеи сменять друг друга ... нерегулярными взлетами и вылазками; и которые, таким образом, имеют тенденцию ... вносить ... путаницу и отвлечения". [\[3, р. 45\]](#) Смит, таким образом, неоднократно подчеркивает мысль об эпистемологической природе обсуждаемой им неопределенности, о неоднозначности в ее технической форме, которая может быть снижена в результате прироста знания.

Смит вводит неопределенность в свою теоретическую систему также посредством других понятий, таких как беспорядок и нерегулярность, которые он также рассматривает на контекстуальном и концептуальном уровнях. Беспорядок и нерегулярность используются как синонимы неопределенности, либо находящиеся в причинной взаимосвязи с ней. Выше представленные идеи Смита демонстрируют также концептуальный подход к пониманию беспорядка и нерегулярности. Важно отметить, что первое из понятий непосредственно соотносится с концепцией естественного порядка. Идеи Смита,

касающиеся нерегулярности, отражают влияние концепции Божественного Промысла Исаака Ньютона, которая будет рассмотрена во второй части статьи.

Особый интерес представляет рассмотрение проблемы неопределенности в ТНЧ. Термин неопределенность (*uncertainty*) применяется в контексте проблемы соотношения точно сформулированного абстрактного правила (добродетели) и конкретных обстоятельств ее уместного применения. [2, с. 175] Смит указывает на фундаментальную проблему: абстрактная норма не определяет множества возможных реализаций в конкретных ситуациях. Казуистический подход Смитом отвергается.

Уместность или неуместность действий очевидна «только при особых обстоятельствах», "с отвлеченной и общей точки зрения, те свойства, которыми ... [порок и добродетель] вызывают в нас различные чувства, отчасти исчезают перед нашими глазами. ... в каждом отдельном случае ... как бы выделяются ... из среды прочих качеств". [2, с. 188]

Даже лучшие из этих правил, как пишет Смит, "при ближайшем рассмотрении оказываются смутными и неопределенными, допускают столько отклонений и исключений, что с трудом могут служить действительными правилами для нашего поведения" [2, с. 175]. Нет оснований ограничивать обозначенную Смитом проблему неопределенности лишь контекстом правил добродетелей, учитывая, что Смит исходит из идеи единой природы любых правил и законов, как в физическом, так и в социальном мире. [2, с. 167]

Таким образом, проблема неопределенности этого же типа должна быть характерна для ситуации отражения позитивным правом и права естественного [2, с. 328], соответствия законодательных норм законам, свойственных движению отдельных частей человеческого общества и, в частности, ситуации приверженности законодателя тому, что Смит называл "духом системы". [2, с. 230] Смит использует здесь термин *uncertainty*, однако с президентских позиций концепции Смита более релевантно понятие неоднозначности (*ambiguity*), а именно ее интерсубъективная форма. [23, р. 3-10]

Однако более глубокого понимания этой концепции неопределенности Смита возможно достичь, рассматривая ее через призму принципа дополнительности Бора, точнее, его обобщенной версии. Мысль, которую автор надеется выразить, состоит в том, что Смит, не формулируя идеи дополнительности, объясняет здесь неопределенность способом, полностью согласующимся с одноименным принципом. Однако прежде уместными представляются некоторые краткие замечания о принципе дополнительности Н. Бора и взаимосвязи дополнительности и неопределенности.

5.3. Неопределенность и принцип дополнительности.

Термин "дополнительность", - писал Бор, - подчеркивает "то обстоятельство, что в противоречащих друг другу явлениях мы имеем дело с различными, но одинаково существенными аспектами единого четко определенного комплекса сведений об объектах". [27, с. 293] Дополнительность предполагает, что представления, положенные в основу объяснений связи между данными, являются взаимоисключающими. [27, с. 287]. Взятые вместе такие явления исчерпывают всю поддающуюся определению информацию об объектах.

Важно подчеркнуть, что Нильс Бор, а позднее и учёные, работающие в сфере

гуманитарного знания, придавали принципу дополнительности общенаучное значение, не ограниченное областью квантовой механики. «Практическое применение всякого слова, - писал Бор, - находится в дополнительном отношении с попытками его строгого определения» [27, с. 398]. В отношениях дополнительности находятся, по мысли Бора, различные культуры. Идея расширенного понимания этого принципа и использования его в гуманитарных науках развивается российскими философами [24, с. 153-180; 38, с. 204].

С точки зрения цели настоящей статьи, принцип дополнительности важен и интересен тем, что предлагает особый взгляд на проблему неопределенности. В квантовой механике он непосредственно связан с соотношением неопределенностей Гейзенберга. В условиях наблюдения одной характеристики частицы (импульса), другие (координата) объективно не определены. Импульс и координата находятся в отношениях дополнительности. Точное знание одной характеристики имеет следствием неопределенность в отношении другой. В. Паули определил такую ее как принципиальную, отличную от простого незнания, которое может быть устранено или уменьшено. [38, с. 16] Таким образом, такая неопределенность принципиально отличается от неоднозначности в обычном понимании своим принципиальным, по Паули, характером. Однако, эта неопределенность также и не фундаментальна в общепринятом сегодня понимании - она не имеет отношения к будущему.

Но с этих же позиций неопределенность может рассматриваться в контексте обобщенной версии принципа дополнительности, за пределами квантовой механики. Российский философ М.А. Розов, исследуя случаи отношения абстрактной теории и ее практического применения, абстрактным и точным юридическим законом и практикой его применения, определяет их как дополнительные. "Точное описание феноменологии деятельности несовместимы с точным описанием механизма и наоборот", поскольку "отдельно взятый образец не задает четкого множества возможных реализаций". [24, с. 153] Он обращает внимание на невозможность существования правил, определяющих подходящий контекст. Как следствие, возникает потребность в посреднике, определяющем, где и как применима теория или закон. Этот посредник опирается исключительно на доступные образцы деятельности (в упомянутых Розовым случаях - инженерной и правоприменительной). [24, с. 164].

Проблема неопределенности применения в конкретном контексте абстрактной нормы добродетели, рассматриваемая Смитом в ТНЧ, может быть интерпретирована с точки зрения принципа дополнительности и соотношения неопределенностей Гейзенберга. [2, с. 175] Зная строгую формулировку содержания нормы, ничего нельзя сказать о конкретном способе ее реализации в контексте ситуации. И наоборот. В качестве "посредника" между абстрактными нормами и конкретными ситуациями в ТНЧ выступают образцы, существующие в форме пословиц и максим здравого смысла, которые, однако сами по себе не определяют уместности. Ориентиром в выборе уместных образцов является чувство симпатии. При этом наибольшая определенность может быть достигнута в применении правил справедливости, в отношении которых Смит проводит аналогию с правилами грамматики и рассматривает их как основу порядка [2, с. 177]. Здесь, предваряя специальное рассмотрение вопроса во второй части статьи, уместно отметить, что добродетель справедливости находится в системе Смита в основе индивидуальной безопасности, институциональной рыночной безопасности и способности к долгосрочному существованию. [2, с. 101] Смит в последнем случае явно не говорит о безопасности. Однако, если способность общества "существовать долго" считать синонимом способности к выживанию, что представляется обоснованным, то с точки

зрения копенгагенской школой безопасности (Барри Бьюзен), Смит использует фундаментальный критерий идентификации проблемы безопасности.

5.4. Концепция системного и контекстуального знания Кнуда Хааконссена, дополнительность и неопределенность.

Взгляд на концептуальные идеи Смита о неопределенности, представленный в статье, в некоторых важных аспектах созвучен идеям, развивающим Кнудом Хааконссеном. [7] Хааконссен отметил фундаментальное значение, которое в философии Смита имеет различие между двумя типами знания, которые он определил, соответственно, как контекстуальное и системное. Хотя он и не обращается к концепции дополнительности, данное им определение этих двух типов знания очень точно ей соответствует.

Так, контекстуальное знание, по его мнению, возникает из конкретных ситуаций, касается непосредственных обстоятельств индивидуальных действий и включает оценку целесообразности или уместности фактически предпринятого действия, оценку связи между ситуацией и действием. [7, р. 79-80]. Системное знание является реляционным и определяется как "понимание вещей, событий или людей, находящихся в каком-то функциональном отношении к большему «целому» или системе, или понимание всех элементов такой системы". [7, р. 79]

Приводимое Хааконссеном различие системного и контекстуального знания являются замечательной демонстрацией практического применения объясняющего и понимающего подходов к исследованию Смитом социальной реальности. Хааконссен, безусловно, не определяет их как дополнительные, однако практически следует логике соответствующего принципа в его обобщенно версии. [24, с. 169-177]

Причиной прироста знания любого типа, или, что эквивалентно, снижения неопределенности, является, по Смиту, состояние удивления и провиденциально встроенная в человека склонность к порядку и определенности, то есть нетolerантность к неопределенности, или неоднозначности (неясности). Подобная нетolerантность рассматривается Смитом в отношении неоднозначности. Однако механизм роста знания этих двух типов различен и Хааконссеном обсуждается понимание этих различий Смитом. [7, р. 80] Хааконссен приходит к заключению, что на системном уровне неопределенность и беспорядок стимулирует поиск новых знаний, в то время как контекстуальном уровне индивидуального поведения неопределенность и беспорядок мелкомасштабны и устраняются путем практической корректировки, в основе которого механизм симпатии - источник контекстуального знания. [7, р. 79-80]

С точки зрения автора статьи, совершенно обоснованно выделив два типа знания и описав способы его прироста (т.е. снижения неопределенности), Хааконссен определяет их уровни как диссоциированные. Вследствие этого из поля зрения выпадает проблема взаимосвязи между типами знания. Как следствие, проблема неопределенности (прироста знания) решается обособленно для каждого типа. Это означает редукцию неопределенности к ее эпистемологическому типу (неоднозначности) и игнорирование той, которая связана с описываемой Смитом проблемой соотношения двух типов знания (абстрактных правил добродетели и уместности их применения к контексте ситуации), о котором пишет Смит. Это неопределенность, обусловленная дополнительностью, которая у Хааконсена оказывается неотличимой от обычной неоднозначности на контекстуальном уровне, то есть той неопределенность, которую можно устраниć накапливая знания и информацию. Роль симпатии с точки зрения подхода, основанного

на дополнительности, - не в накоплении знания о контексте (преодолении неоднозначности), а в оценке УМЕСТНОСТИ доступных образцов деятельности для связывания контекста с абстрактным системным знанием.

Последний момент важен, поскольку означает выполнение тех требований к "удовлетворительной моральной системе", на которых настаивает Хааконссен и согласно которым последняя должна не только включать два принципиально различных типа знания, [\[8, р. 81\]](#) но при этом, оставаться системой, что предполагает объяснение взаимосвязи между уровнями знания.

Неопределенность у Смита, с одной стороны, имеет черты эпистемологической в связи с важностью знания о контексте, которое может быть иметь различную полноту. Вместе с тем, само по себе знание контекста не позволяет оценить уместность применения абстрактного знания (нормы, правила, теории). Поскольку в этом отношении неопределенность не устраняется простым приростом контекстуального знания, она отлична от неоднозначности в ее обычном понимании, поскольку является, используя данную ей В. Паули характеристику, принципиальной, то есть фундаментальной. Вместе с тем, речь идет о фундаментальности, отличной от фундаментальности неопределенности будущего в кейнсианском/найтианском смысле. Принцип дополнительности позволяет рассматривать ее в качестве эпистемологической. Но это неопределенность особого типа, в снижении которой особая роль принадлежит чувству симпатии. Способ снижения этого типа неопределенности отличен от накопления знания и информации и связан с процессом создания и отбора релевантных образцов деятельности, в котором чувство симпатии играет решающую роль. Интересно отметить, что к этой концепции близки идеи Ю. Джендлина о языке тела, мышлении вне паттернов и роли осозаемого смысла (*felt sense*) в создании особого типа знания, ориентированного на контекст ситуации. [\[39\]](#)

Можно согласиться с оценкой Хааконсена значения симпатии как принципа, объясняющего почему индивидуальное поведение является основой порядка". [\[7, с. 81\]](#) Симпатия способна обеспечить порядок в силу ее способности противодействовать этой специфической форме неоднозначности.

Предлагаемый им подход создает основу для обобщения идеи дополнительности за пределы частной проблемы уместности применения норм абстрактных добродетели и, таким образом, отражает понимание глубины и сложности теоретического мышления Смита.

Важно также отметить, что в теоретической системе Смита снижение этой неопределенности играет особую роль в обеспечении выживания общества. Смит прямо связывает долгосрочное выживание общества со следованием добродетели справедливости. [\[2, с. 101-103\]](#) Правила этой добродетели наиболее определены и сравниваются Смитом с правилами грамматики [\[2, с. 176-177\]](#) в их функции формирования порядка.

Понимание концептуальных представления Смита о неопределенности вряд ли может быть полным без учета религиозного контекста научной деятельности великого ученого. Его влияние предполагается рассмотреть во второй части статьи.

Библиография

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.

2. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
3. Smith A. Essays on philosophical subjects. Ed. by W.P.D. Wightman. Indianapolis: Liberty Fund, 1982.
4. Viner J. Essays on the Intellectual History of Economics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.
5. Winch D. Riches and Poverty: An Intellectual History of Political Economy in Britain, 1750-1834. New York: Cambridge University Press, 1996.
6. Winch D. Adam Smith's Politics: An Essay in Historiographic Revision. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
7. Haakonssen K. The Science of the Legislator. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
8. Fleischacker S. On Adam Smith's "Wealth of Nations": A Philosophical Companion. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
9. Rothschild E. The Debate on Economic and Social Security in the Late Eighteenth Century: Lessons of a Road Not Taken // Development and Change. 1996. No. 2(2). Pp. 331–351.
10. Persky J. Adam Smith's Invisible Hands // Econ. Perspectives. 1989. No. 3.Pp. 195–201.
11. Grampp W.D. What Did Smith Mean by the Invisible Hand? // Journal of Political Economy. 2000. No. 108(3). Pp. 441–465.
12. Ослингтон П. Бог и рынок: "невидимая рука" Адама Смита // Христианское чтение. 2015. № 1. С. 181–206.
13. Harrison P. Adam Smith and the History of the Invisible Hand // Journal of the History of Ideas. 2011. No. 7(1).Pp. 29–49.
14. Clark Ch. Economic Theory and Natural Philosophy. Jamaica, New York: Edward Elgar, 1992.
15. Newton I. Isaac Newton: Philosophical Writings / Ed. by A.Janiak. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
16. Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003.
17. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993.
18. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости // Истоки. Вып. 3. М.: Издательский дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2001.
19. Dequech D. Fundamental Uncertainty and Ambiguity // Eastern Economic Journal. 2000. No. 26(1).Pp.41–60.
20. Davidson P. Reality and Economic Theory // Journal of Post Keynesian Economics. 1996. No. 4(18).Pp. 491–492.
21. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Издательский дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
22. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.
23. Best J. The limits of transparency. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005.
24. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008.
25. Lawson T. Economics and Reality. London: Routledge, 1997.
26. Dow S.C., Chick V. The Meaning of Open Systems // Foundations for New Economic Thinking. UK, London: Palgrave Macmillan, 2012.Pp. 178–196.
27. Бор Н. Избр. науч. труды: в 2 т. / Ред.: И.Е. Тамм [и др.]. т. 2. М.: Наука, 1971.

28. Розов М.А. Презентизм и антиквариазм – две картины истории // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 3. С. 13–26.
29. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют / пер. с англ. Ю.В. Автономова. Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.
30. Schabas M. The Natural Origins of Economics. Chicago, London: University of Chicago Press, 2005.
31. Samuelson P. What Classical and Neoclassical Monetary Theory Really Was // The Canadian Journal of Economics. 1968. No. 1(1). Pp. 1–15.
32. Spengler J. Adam Smith and Society's Decision-makers // Essays on Adam Smith. Oxford: Clarendon Press, 1975.
33. Bloom N. Fluctuations in Uncertainty // Journal of economic perspectives. 2014. No. 28(2). Pp. 153–176.
34. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. by Edwin Cannan. Chicago: University Of Chicago Press, 1977.
35. Davidson P. Is Probability Theory Relevant for Uncertainty? A Post Keynesian Perspective // The Journal of Economic Perspectives. 1991. No. 5(1). Pp. 129–43.
36. Розманский И.В. Денежная экономика как основной "предметный мир" посткейсианской теории // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2007. т. 5. № 3. С. 58–68.
37. Розов М.А. Инженерное конструирование в научном познании // Конструктивистский подход в эпистемологии и науке о человеке. М.: Канон-плюс, 2009.
38. Паули В. Общие принципы волновой механики. М.-Л.: ОГИЗ, 1947.
39. Gendlin E.T. Thinking beyond patterns: body, language and situations // The presence of feeling in thought / Ed. by B. den Ouden, M. Moen. New York: Peter Lang, 1991. Pp. 25–151.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению методологических идей и творческого наследия Адама Смита о неопределенности, которую классик рассматривал во взаимосвязи с безопасностью.

Методология исследования базируется на изучении первоисточников, обобщении материалов научных публикаций по рассматриваемым вопросам.

Актуальность работы авторы справедливо связывают с тем, что неопределенность сегодня все чаще начинает рассматриваться как фактор, влияющий на параметры экономической системы, имеющие критическое значение для безопасности и, прежде всего, экономической безопасности различных ее подсистем, а исследование концептуальных представлений Адама Смита о неопределенности и ее связи с безопасностью, является актуальной как с познавательной точки зрения – углубления понимания его вклада в развитие экономической мысли, так и для поиска практических путей обеспечения экономической безопасности.

Научная новизна рецензируемого исследования состоит в систематизированном представлении взглядов А. Смита на неопределенность и безопасность функционирования социально-экономических систем, анализе и интерпретации взглядов

классика с учетом исторических событий за прошедшие две с половиной сотни лет.

Структурно в статье выделены следующие разделы: «Актуальность», «Литература», «Экономисты – классики, Адам Смит и неопределенность», «Неопределенность: контекстуальный подход», «Неопределенность: концептуальный подход», который включает в себя следующие четыре подраздела: «Литература о типах и формах неопределенности», «Смит: концепции неопределенности. Презентистский подход», «Неопределенность и принцип дополнительности», «Концепция системного и контекстуального знания Кнуда Хааконсена, дополнительность и неопределенность», а также «Библиография».

В публикации нашли отражение основные идеи Адама Смита о неопределенности и безопасности, изложенные в его работах «Исследование о причинах богатства народов», «Теория нравственных чувств», «История астрономии», а также обобщены работы ученых, посвященные исследованию социальных, этических идей Смита, его вклада в развитие научного знания.

Библиографический список включает 39 источников – научные публикации зарубежных и отечественных авторов по рассматриваемой теме, изданные за период с 1962 г. по 2009 г. В тексте имеются адресные ссылки на библиографические источники, что подтверждает наличие апелляции к оппонентам.

Из недостатков, нуждающихся в устранении надо отметить следующий: статья не завершается выводами или заключением – без этого она имеет незавершенный вид. Несмотря на то, что в ней представлена лишь первая часть исследования, итоги по ней всё-таки должны быть подведены, поскольку при их размещении во второй части планируемой публикации читатель будет видеть только заключительную ее половину, и выводы, сделанные по работе в целом, будут ему непонятны.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Теоретическая и прикладная экономика», отражает результаты проведенной авторами работы, содержит элементы научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию с учетом высказанного замечания.

Теоретическая и прикладная экономика

Правильная ссылка на статью:

Брянцева О.С. — Промышленное развитие в России: исследование трансформации отраслевой структуры // Теоретическая и прикладная экономика. — 2023. — № 4. — С. 87 - 104. DOI: 10.25136/2409-8647.2023.4.69017
EDN: NUADBU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69017

Промышленное развитие в России: исследование трансформации отраслевой структуры

Брянцева Ольга Сергеевна

ORCID: 0000-0003-0195-8694

кандидат экономических наук

младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН

620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, оф. 516

✉ briantseva.os@uiec.ru

[Статья из рубрики "Экономика производственных отраслей и рынков"](#)

DOI:

10.25136/2409-8647.2023.4.69017

EDN:

NUADBU

Дата направления статьи в редакцию:

17-11-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: В статье поднимаются вопросы изучения отраслевой структуры экономики РФ и трансформации отраслевой структуры промышленности. Актуальность исследования определяется необходимостью достижения и укрепления технологического суверенитета Российской Федерации в современных условиях геополитической нестабильности и санкционного давления. Проведен анализ экономической литературы, посвященной теме изучения отраслевой структуры национальной и региональной экономики в контексте промышленного развития. Исследованы подходы к выделению структурных элементов общественного производства, к формированию учетных категорий отраслевой структуры, к формулировке понятия «отраслевая структура», к классификации отраслей общественного производства в разные исторические периоды на основе справочников

ОКОНХ и ОКВЭД. Проведен анализ показателей, используемых для оценки изменений национальной и региональной отраслевой структуры, и произошедших структурных сдвигов. Сформирована и проанализирована выборка макроэкономических показателей, характеризующих структуру промышленного производства по валовой добавленной стоимости, численности занятого персонала, величине экспорта за период 1990-2022 гг. Использованы открытые статистические данные, консолидированные международной организацией ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) и Росстата. Проведены расчеты структурных сдвигов в обрабатывающей промышленности РФ. В статье показано, что в отраслевой структуре экономики РФ за период с конца XX века произошли колоссальные структурные трансформации, которые характеризуются тенденциями снижения доли добывающих и обрабатывающих производств в валовой добавленной стоимости в пользу увеличения доли торговли и сектора услуг. За рассмотренный период существенно трансформировалась отраслевая структура промышленности по валовой добавленной стоимости: возрастает удельный вес отраслей нефтепереработки, химической промышленности, металлургии, при снижении доли машиностроения и приборостроения. В отраслевой структуре занятости снижается доля высокотехнологичных отраслей промышленности, таких как машиностроение и электроника и сельского хозяйства, растет доля занятости в торговле и строительстве, в сфере транспорта и связи. В отраслевой структуре экспорта снижается доля обрабатывающих отраслей, растет доля добывающей промышленности. Показано, что на протяжении длительного времени отраслевая структура экономики РФ находится под влиянием трендов деиндустриализации.

Ключевые слова:

промышленность, промышленное развитие, отраслевая структура, отраслевая экономика, структурные сдвиги, индустриализация, структура занятости, структура экспорта, валовая добавленная стоимость, обрабатывающий сектор

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Введение

Происходящие в настоящее время геополитические трансформации оказывают мощное влияние на состояние экономики Российской Федерации, вызывая необходимость усиления ее внутренней устойчивости, повышения эффективности, укрепления безопасности и независимости от внешних воздействий. В этом отношении анализ развития отраслевой структуры экономики помогает выявить основные факторы устойчивости, определить направления дальнейшего развития, выделить векторы структурных преобразований. Непрерывность процесса трансформации отраслевой структуры признается очевидной, однако его сущность и направленность вызывает серьезные дискуссии в российских научных и политических кругах. Целью данного этапа исследования является изучение изменений, произошедших в отраслевой структуре промышленности России за последние десятилетия.

Понятие «отраслевая структура» восходит к определению экономического понятия «отрасль», поскольку термин «структура» является общенаучным и понимается как

строение, порядок, т.е. характеризует внутреннее устройство какого-либо объекта изучения. Также структура понимается как совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях. История изучения отраслевой структуры достигла больших масштабов во времена построения коммунистического строя в нашей стране, поскольку служила базой индустриализации и становления социалистического способа хозяйства.^[1] Следует отметить, что особенно важное внимание уделялось развитию машиностроения, а также подчеркивалось укрупненное разделение сферы народного хозяйства на тяжелую, легкую промышленность и крестьянское хозяйство.

Развитие методологических подходов к выделению отраслей

Теоретической основой выделения отраслей народного хозяйства служило марксистско-ленинское учение об общественном разделении труда и его формах. Маркс выделял три формы разделения труда: общее, частное и единичное. Вследствие общего разделения труда возникает разделения на крупные роды, такие как промышленность, сельское хозяйство, вследствие частного разделения труда обособляются более специализированные виды деятельности (отрасли), такие как машиностроение, ткачество, а единичное разделение труда происходит вследствие специализации производственных процессов внутри предприятия. Отрасли народного хозяйства определялись, в целях классификации, как качественно однородные группы хозяйственных единиц, характеризующиеся особыми условиями производства в системе общественного разделения труда и играющие специфическую роль в процессе расширенного воспроизводства.^[2] Народное хозяйство первично подразделялось на сферу материального производства и непроизводственную сферу. Выделение отраслей и их классификация были необходимы для достижения ряда важных целей и задач, а именно:

- 1) исчисление и учет важнейших макроэкономических показателей, таких как общественный продукт, национальный доход, уровни и темпы роста отраслей, производящих средства производства и предметы потребления, соотношения между отраслями материального производства и непроизводственной сферы;
- 2) составление балансов распределения трудовых ресурсов по сферам приложения труда;
- 3) учет и контроль развития новых отраслей с целью управления научно-техническим прогрессом и экономическим развитием;
- 4) планирование оптимальной структуры общественного воспроизводства, обеспечивающей повышение уровня благосостояния.

Нормативной базой для определения отраслей являлся справочник «Общесоюзный классификатор «Отрасли народного хозяйства» (ОКОНХ)», утвержденный Госкомстатом СССР, Госпланом СССР в 1976 году. ОКОНХ представляет собой группировки видов деятельности по отраслям, отличающимся характером функций, выполняемых ими в общей системе общественного разделения труда. К сфере материального производства относятся все виды деятельности, создающие материальные блага в форме продуктов, энергии, в форме перемещения грузов, хранения продуктов, сортировки, упаковки и других функций, являющихся продолжением производства в сфере обращения. Остальные виды деятельности, в процессе которых материальные блага не создаются,

образуют в своей совокупности непроизводственную сферу деятельности. Отрасль определяется как совокупность предприятий, производящих однородную продукцию, или совокупность учреждений, организаций, связанных с выполнением определенных общественных функций. Принципиальным моментом классификации для целей воспроизводства (которое сегодня мы бы назвали экономическим суверенитетом) было разделение на производство средств производства и предметов потребления, что обеспечивало учет и контроль выполнения закона об опережающем росте производства средств производства, по сравнению с производством средств потребления.

Справочник ОКОНХ был полностью выведен из употребления к 2003 году и на смену ему пришел новый «Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (ОКВЭД) ОК 029-2001 (утв. Постановление Госстандарта РФ от 6.11.2001 г.), обозначивший переход к новым условиям хозяйственного учета в стране, обеспечивающих потребности рыночной экономики. ОКВЭД был разработан с целью гармонизации статистического учета в РФ и международной статистики на основе рекомендаций Европейского экономического сообщества, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития, ООН и Всемирного банка. В ОКВЭД объектами классификации становятся не отрасли, а виды экономической деятельности. Поясняется, что экономическая деятельность имеет место тогда, когда ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье, материалы, энергия, информационные ресурсы) объединяются в производственный процесс, имеющий целью производство продукции (оказание услуг). Экономическая деятельность характеризуется затратами на производство, процессом производства и выпуском продукции (оказанием услуг).

Принципиальным в этом подходе к классификации было обособление статистического учета по видам экономической деятельности, а не по видам основной производимой продукции или услуг, упразднение понятия отрасль в классификаторе, изменение формулировок, когда на смену промышленности пришел класс обрабатывающих производств. Классификация видов деятельности по разделам, подразделам и классам, производится на основе трехсекторной модели экономики, которая была исследована в трудах Фишера А. [3] и Кларка К. [4], где первичным сектором являются добывающие производства и сельское хозяйство, вторичный сектор представляет собой обрабатывающие производства и строительство, а третичным сектором предстает сфера услуг в своем широком смысле. Преобладание в экономике третичного сектора в развитых странах, как известно, знаменует переход к постиндустриальной экономике. В задачи классификации по ОКВЭД входит осуществление государственного статистического наблюдения и проведение международных сопоставлений на основе статистической информации.

В 2014 году был введен в действие справочник ОКВЭД-2 («Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2)». (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст). Нововведения ОКВЭД во второй редакции коснулись распределения видов экономической деятельности внутри классов и групп, появления дополнительных признаков классификации, таких как «сфера деятельности», «процесс производства», «используемое сырье и материалы», откорректированы вопросы деятельности Центрального банка. Появились новые подразделы в разделе «Обрабатывающая промышленность», включающие подразделы 21 (Производство лекарственных средств) и 26 (Производство компьютеров, электронных и оптических изделий). Важным нововведением было формирование нового раздела J, отвечающий требованиям учета информационной экономики: «деятельность в области информации и

связи». Таким образом, с введением ОКВЭД такие классификационные категории как «отрасль» и «промышленность» официально перестали использоваться для целей учета. Однако из экономической и нормативной практики они никуда не исчезли.

Отметим, что ОКВЭД является базой для расчетов системы национальных счетов, которая приведена в соответствие с «Международной стандартной отраслевой классификацией всех видов экономической деятельности» (МСОК) и представляет собой систему отраслевой классификации Организации Объединенных Наций. В четвертой редакции МСОК понятие отрасли все же присутствует и соответствует в англоязычной версии термину «industry». Здесь указывается, что набор статистических единиц, попадающих в одну классификационную категорию МСОК, часто называется отраслью, например, «мебельная отрасль», которая обозначает все единицы, включенные в подраздел 31 МСОК (Производство мебели), или «строительная отрасль», к которой относятся все единицы, включенные в раздел F МСОК (Строительство). Отрасль в МСОК определяется как совокупность всех производственных единиц, осуществляющих преимущественно одинаковый или сходный вид производительной деятельности. МСОК выстроена на концептуальной основе, ориентированной на производство или сферу предложения. Учетными единицами МСОК, как правило, выступают «предприятия», институциональные единицы, выступающие в роли производителя товаров и услуг.

В экономической литературе трактовки понятия «отрасль» весьма разнородны в зависимости от автора и его подхода [5-10]. Тем не менее, при определении отрасли авторами выделяются следующие основополагающие признаки: общность экономического назначения производимого продукта (услуги), однородность потребляемых сырья и материалов, единство профессионального состава кадров, схожесть технической базы и технологических процессов. Резникова Н.П., Лукин И.И. при исследовании сферы информационно-компьютерных технологий, предлагают свое определение: «отрасль – обособленная социально-экономическая система, которая выделяется (именуется) людьми в определенных условиях (определенной сфере) их деятельности с целью решения задач управления с учетом потребностей и возможностей национальной экономики и отдельных ее подсистем, которая обладает определенными признаками и структурой, включая рыночную, выражаемыми внутренние связи и единство составляющих ее элементов» [11]. Также полагая, что «понятие «отрасли» является очень важным при анализе факторов и движущих сил развития экономики страны, отдельных регионов, сфер деятельности и организаций». К.К. Кумехов в своей работе [12] отмечает, что в плановой советской экономике отраслевая структура рассматривалась, как одна из центральных категорий управления и планирования. В то время, как с переходом на ОКВЭД в рыночной экономике фокус внимания с отрасли смещается к совершенной конкуренции рынка, которая рассматривается как эксклюзивный центр управления и влияние государства ослабевает. [13]

Таким образом, в контексте современной нормативной базы, отраслевую структуру следует рассматривать как внутреннее строение экономической системы, которое определяет ее специфику, характеризующееся соотношением осуществляемых ею видов экономической деятельности и исследуемое в целях решения управлеченческих задач. В широком смысле отраслевая структура экономики характеризует уровень индустриального и технического развития страны (региона), специализацию и место страны (регионов) на различных уровнях разделении труда (мировом, национальном, региональном), уровень производительности труда, степень экономической самостоятельности страны (региона), скорость промышленного развития, уровень

общественного развития. [\[14\]](#) Отраслевая структура подвержена влиянию многих факторов; прежде всего, это научно-технический прогресс, который приводит к появлению новых и завершению жизненного цикла старых отраслей, а также наличие сырьевой базы природных ресурсов, проведение государственной экономической политики, традиционная национальная специализация, уровень развития общественного благосостояния и национальной культуры.

Материалы и методы исследования

Построение методического подхода к исследованию отраслевой структуры, естественным образом, определяется целью, для достижения которой он создается. Исследование отраслевой структуры, к примеру, может проводится с целью определения способов максимизации национального богатства, повышения эффективности экономической системы, роста валовой добавленной стоимости, обеспечения устойчивости национальной экономики, ускорения экономического роста, повышения конкурентоспособности или выбор стратегии перспективного роста в будущем. Можно выделить два основных направления исследования отраслевой структуры в соответствии с поставленными целями: изучение динамики и факторов устойчивости и, с другой стороны, динамики и факторов изменчивости, а также методов управления этими процессами. Следует отметить, что сложившаяся в том или ином регионе на какой-то момент времени отраслевая структура, в определенной степени, отражает именно устойчивое состояние экономической системы, в то время как структурные сдвиги отражают изменение ее устойчивого равновесного состояния. В таком случае, управление структурными сдвигами в желаемом направлении, насколько оно представляется возможным, определит, как методы исследования отраслевой структуры, так и методы воздействия на динамику изменений отраслевой структуры.

При исследовании отраслевой структуры экономики традиционно используются общеизвестные показатели удельного веса отрасли, соотношения крупнейших отраслей между собой и соотношения темпов роста отрасли относительно более крупных категорий, которые рассчитываются на основе временных рядов динамики. Исследуется соотношение отраслей в разрезе трех секторов производства, сфер деятельности, территориально-производственных комплексов, развития инфраструктуры и т.д. В свою очередь, при исследовании специализации отраслевой структуры регионов используются коэффициенты локализации производства, отраслевой специализации, подушевого производства, региональной товарности (по вывозу и ввозу) и товарообмена. Существуют также альтернативные подходы к исследованию отраслевой структуры на основе модификации коэффициента отраслевой специализации [\[15\]](#), расчета индекса региональной специализированности [\[16\]](#).

Исследованию методов измерения и оценки структурных сдвигов в российской экономике посвящены работы Спасской О.В. [\[17\]](#), [\[18\]](#), Бессонова В.А. [\[19\]](#), Красильникова О.Ю. [\[20\]](#), [\[21\]](#), Сухарева О.С. [\[22\]](#), Лякина А.Н. [\[23\]](#), Перстневой Н.П. [\[24\]](#), Акбердиной В.В. [\[25\]](#), а также значительное количество научных публикаций других авторов. Так, в работе Спасской О.В. [\[18\]](#) разработан подход к оценке структурных сдвигов на основе векторного метода: измерение углового расстояния между векторами изменения структур. Выявлено наличие взаимосвязи между интенсивностью структурных сдвигов и темпами изменения объемов производства, что подтверждено на основе корреляционного анализа, также показано наличие связи между динамикой производственных ресурсов (занятости и основных производственных фондов) и

изменениями отраслевой структуры экономики. При этом, показано, что низкая интенсивность структурных сдвигов сопровождается низкими темпами экономического роста, в свою очередь, высокая интенсивность сдвигов отраслевой структуры соответствует периодам повышенных темпов или резких спадов экономического роста.

Для оценки структурных сдвигов исследователями часто используются статистические показатели, разработанные следующими учеными: Л.С. Казинец, К. Гатев, А. Салаи, В. Рябцев. [26],[27],[28],[29] Формулы для расчета показателей структурных сдвигов приведены в таблице 1. Индекс структурных сдвигов В. Рябцева используется большинством исследователей, поскольку имеет градацию оценки меры существенности структурных различий и может применяться для любых статистических совокупностей. При этом, цепные индексы структурных сдвигов отражают динамику интенсивности структурных изменений, т.е. позволяют оценить в каком из периодов анализируемая структура подвергалась более существенному изменению, а в каком менее. В свою очередь, базисные индексы структурных сдвигов характеризуют поступательность или стихийность изменений исследуемого объекта.

Таблица 1 – Показатели оценки структурных сдвигов

Автор, показатель	Формула расчета	Характеристика
Казинец Л.С. Квадратический коэффициент абсолютных структурных сдвигов	$K_{\text{сабс}} = \sqrt{\frac{\sum(d_{it} - d_{it-1})^2}{n}}$	Показывает среднее квадратическое отклонение удельных весов сравниваемых совокупностей друг от друга
	$K_{\text{с отн}} = \sqrt{\sum \frac{(d_{it} - d_{it-1})^2}{d_{it-1}}}$	Показывает средний относительный прирост удельного веса отдельных частей совокупности
Гатев К. Обобщающий коэффициент структурных сдвигов	$K_{\text{с об}} = \sqrt{\frac{\sum(d_{it} - d_{it-1})^2}{\sum(d_{it}^2 + d_{it-1}^2)}}$	Показывает интенсивность изменений удельного веса групп в сравниваемых совокупностях; $0 < K_{\text{с инт}} < 1$
Рябцев В. Интегральный коэффициент структурных сдвигов	$K_{\text{с инт}} = \sqrt{\frac{\sum(d_{it} - d_{it-1})^2}{\sum(d_{it} + d_{it-1})^2}}$	Показывает меру существенности различий двух структур, имеет шкалу градаций; $0 < K_{\text{с инт}} < 1$
<i>dit, dit-1</i> – удельный вес отдельных элементов <i>i</i> в структуре, <i>t</i> – момент времени, <i>n</i> – число сравниваемых элементов совокупности (число градаций)		

Комплексное исследование отраслевой структуры промышленности России, по нашему мнению, следует выстроить следующим образом. Провести горизонтальное исследование отраслевой структуры национальной экономики, исследовать соотношение и динамику

структурных изменений по трем секторам: добывающего, обрабатывающего, сектора услуг, оценить базовые и цепные структурные сдвиги, исследовать отраслевую организацию сектора обрабатывающего промышленности. Исследование отраслевой структуры следует проводить, используя наиболее информативные показатели макроэкономики: структура валовой добавленной стоимости, объем производства отрасли, структура численности занятого персонала, структура экспорта товаров и услуг по видам экономической деятельности. В качестве объектов проводимого исследования отраслевой структуры использовались данные Федеральной службы государственной статистики за период 2000-2022 гг., общие данные статистического отдела ООН по промышленному развитию за период 1990-2021 гг.

Результаты проведенного исследования

За рассматриваемый период в значительной мере изменилась отраслевая структура валовой добавленной стоимости РФ (рис. 1). Основными тенденциями является значительное снижение доли сельского хозяйства с 16,5% в 1990 г. до 4,2% в 2021, добывающей промышленности и энергетики с 40,4% до 29,3%, обрабатывающей промышленности с 27,1% до 16,3%.

Рис. 1. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости РФ, в %. *Источник:* составлено автором по данным портала статистических данных ЮНИДО, URL:<https://stat.unido.org/SDG/RUS>.

Также за рассматриваемый период снижалась доля строительства с 10% до 7,6%. В то же время наблюдается значительный рост сектора торговли, гостиниц и общественного питания с 6,6% в 1990 г. до 16,2% в 2021 г., колоссальный рост сектора услуг с 16,2% до 35,4%. Указанные тенденции отражают структурные перестройки российской экономики, которые происходили после распада СССР, а также изменения в государственной экономической и международной политике РФ. Графическая интерпретация динамики отраслевой структуры показывает, что первичные структурные сдвиги происходили в экономике в период 1991-1992 гг. и до 1995 года. На этот период пришелся первоначальный спад доли промышленного производства и сельского

хозяйства, строительства и сектора государственных услуг в добавленной стоимости при пиковом росте торговли.

В 1995 году доля торговли в структуре добавленной стоимости превысила долю обрабатывающей промышленности. До 2002-2003 шло углубление проявившихся тенденций, в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости доля сектора услуг превысила долю добывающей промышленности. С 2008 года доля сектора услуг является преобладающей в структуре валовой добавленной стоимости экономики РФ. К 2021 году в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости преобладает сектор услуг (35,4%) и добывающая промышленность (29,3%), на третьем месте обрабатывающая промышленность (16,3%) и торговля (16,2%), минимальную долю имеет сельское хозяйство (4,2%). Таким образом, экономические и политические трансформации, произошедшие за рассматриваемый период, привели к кардинальному изменению отраслевой структуры валовой добавленной стоимости РФ.

На рисунке 2 представлена динамика семи укрупненных отраслей обрабатывающей промышленности, которые создают от 82% в 2003 г. до 74% в 2022 г. валовой добавленной стоимости РФ.

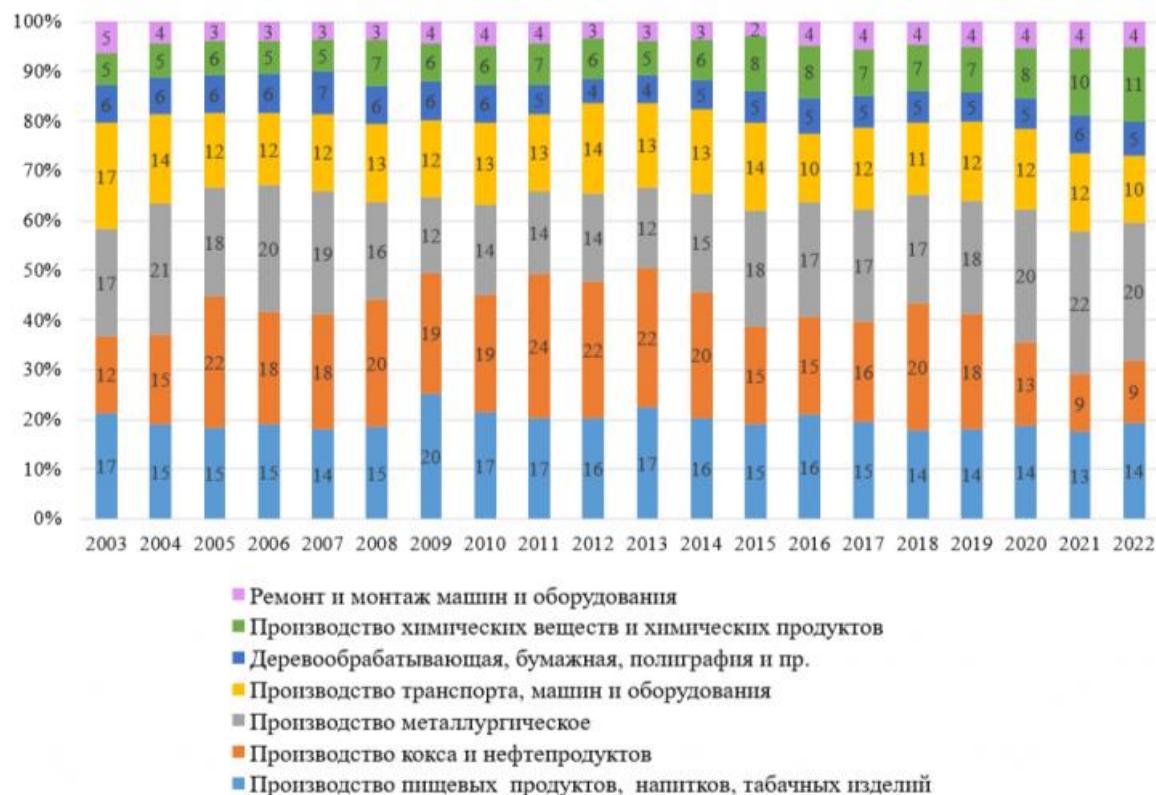

Рис. 2. Динамика отраслевой структуры валовой добавленной стоимости РФ, %.
Источник: составлено автором по данным СНС, Федеральная служба государственной статистики, URL: [<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>].

В 2003 году более 60% в структуре добавленной стоимости произведено в следующих отраслях: производство пищевых продуктов (17%), металлургия (17%), машиностроительное и приборостроительное производство (17%), производство кокса и нефтепродуктов (12%). За два прошедшие десятилетия «расширилась» доля в структуре металлургического производства с 17% в 2003 до 20% в 2022 и химического производства с 5% до 11%. «Сжатие» доли в структуре претерпели производство пищевых продуктов (с 17% до 14%), производство кокса и нефтепродуктов с 12% до 9%, производство автотранспортных средств, машин и оборудования с 17% до 10%.

На рисунке 3 представлена отраслевая структура занятости в основных укрупненных секторах экономики РФ.

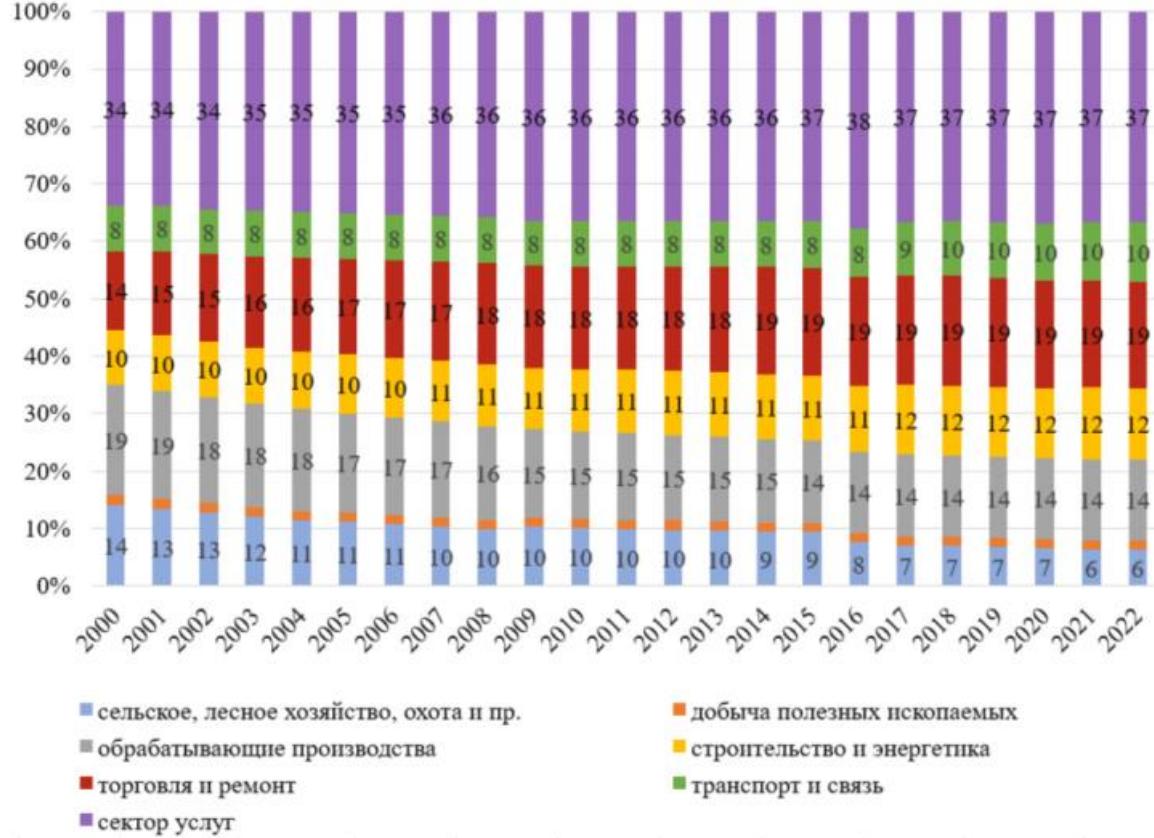

Рис. 3. Динамика отраслевой структуры занятости РФ, в %. *(Источник: рассчитано автором по данным ЕМИСС, URL:<https://www.fedstat.ru/indicator/58994>.*

За рассматриваемый период сокращается доля в структуре занятости в обрабатывающих производствах с 19% в 2000 г. до 14% в 2022 г. и в сельском хозяйстве с 14% до 6%. Возрастает доля в структуре занятости строительной отрасли и энергетике с 10% в 2000 г. до 12%, в отраслях транспорта и связи с 8% до 10%, в торговле с 14% до 19%, секторе услуг с 34% до 37%.

В отраслевой структуре занятости обрабатывающей промышленности наблюдаются следующие тенденции (рис. 4).

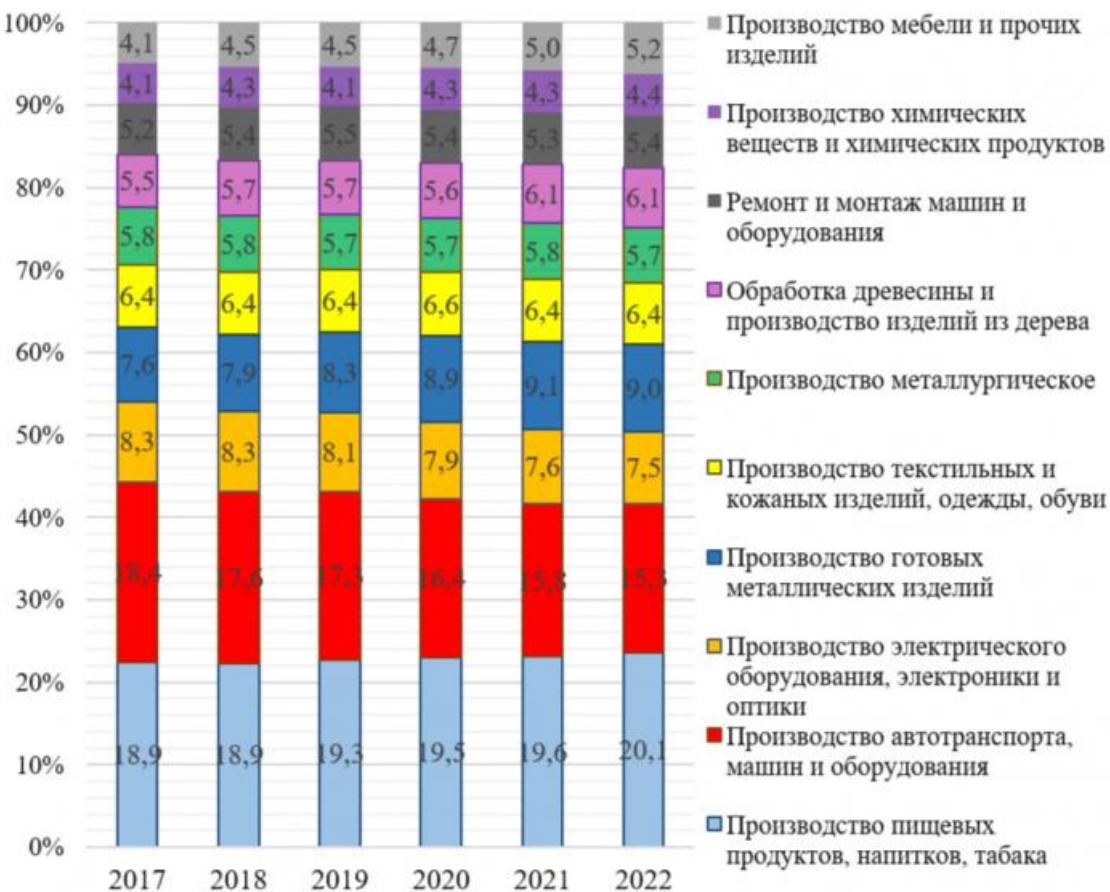

Рис. 4. Отраслевая структура занятости в обрабатывающей промышленности РФ, %.

Источник: рассчитано автором по данным ЕМИСС, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994>.

В четырех крупнейших отраслях сконцентрировано более 58% занятого персонала: пищевой, машиностроительной, в производстве электрооборудования и готовых металлических изделий. За период с 2017 по 2022 гг. увеличилась доля в отраслевой структуре занятости в пищевой промышленности с 18,9% до 20,1%, в производстве готовых металлических изделий с 7,6% до 9%, деревообрабатывающей и бумажной промышленности с 5,5% до 6,1% и производстве мебели и прочих изделий с 4,1% до 5,2%. Возросла доля занятости химического производства с 4,1% до 4,4%. В значительной мере сокращается доля занятости в производстве транспорта, машин и оборудования с 18,4% до 15,3%, а также в производстве электрического и электронного оборудования с 8,3% до 7,5%. Доля в структуре занятости металлургического производства (5,7-5,8%), деятельности по ремонту и монтажу оборудования (5,2-5,4%) изменилась несущественно.

Динамика отраслевой структуры экспорта приведена на рисунке 5. Более 77% экспортных поступлений экономики России генерируется четырьмя основными секторами производства:

- добыча полезных ископаемых: 23-36%;
- производство кокса и нефтепродуктов: 22-35%;
- металлургия и производство готовых металлических изделий: 12-23%.

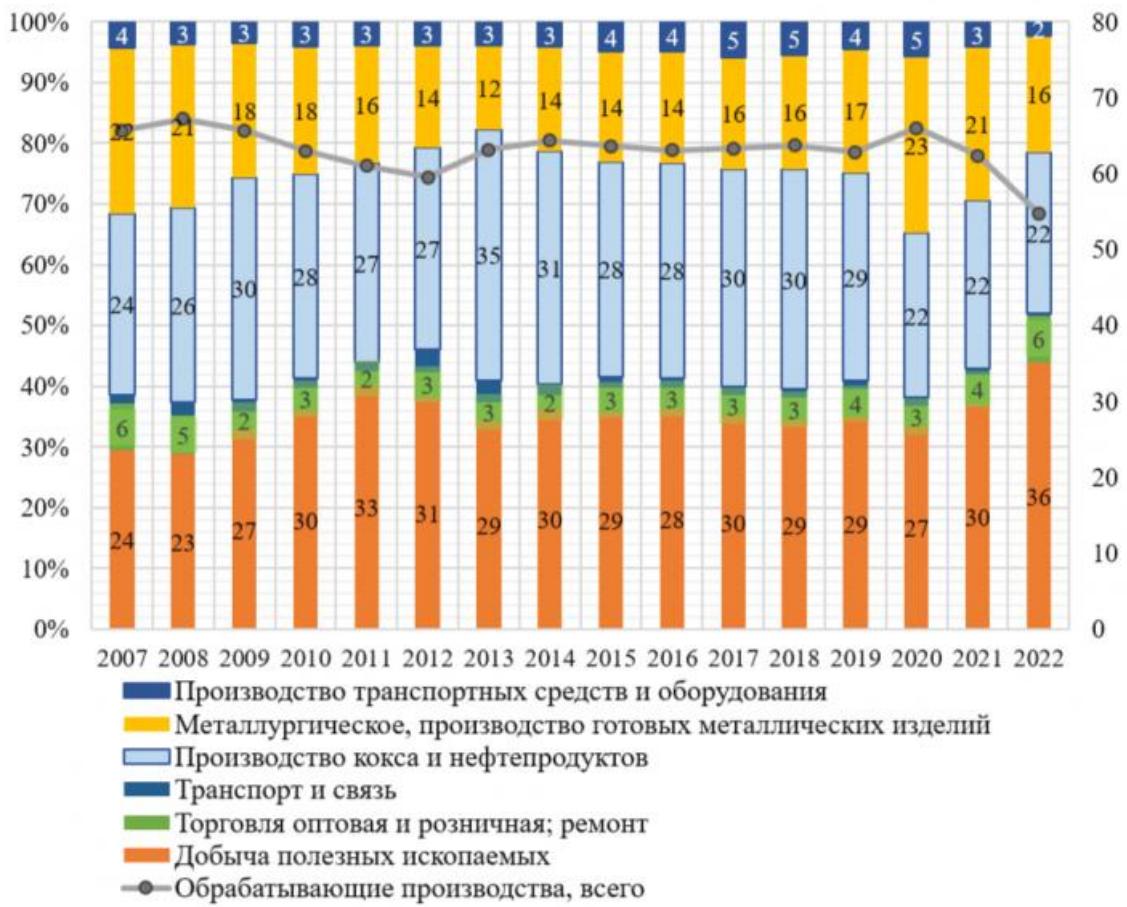

Рис. 5. Отраслевая структура экспорта РФ, в %. Источник: расчеты авторов по данным ЕМИСС, URL:<https://www.fedstat.ru/indicator/58575>.

За рассматриваемый период сократилась доля в структуре экспорта металлургического производства с 22% в 2007 г. до 16% в 2022 г., производства кокса и нефтепродуктов с 24% до 22%. Доля в отраслевой структуре экспорта в целом по обрабатывающей промышленности сократилась с 67% в 2007 г. до 55% в 2022 г., что вызвано складывающейся геополитической обстановкой и санкционной политикой в отношении российской продукции на международных рынках. В то же время, это способствовало заметному росту в отраслевой структуре доли добычи полезных ископаемых, которая возросла с 24% в 2007 году до 36% в 2022 г. Доля машиностроительного производства в структуре экспорта невелика (3-5%), за рассматриваемый период она также сократилась с 4% в 2003 г. до 2% в 2022 г.

В таблице 2 представлены основные расчётные цепные и базисные (последний столбец) показатели структурных сдвигов отраслевой структуры по валовой добавленной стоимости, занятости и объему экспорта. По данным таблицы можно сделать вывод, что наиболее значительные перемены коснулись отраслевой структуры валовой добавленной стоимости: базисный коэффициент абсолютных структурных сдвигов составил 3,189, при этом средний относительный прирост удельного веса составил 4,89%, а значение интегрального индекса (по В. Рябцеву) составило 0,718, что говорит о том, что изменения в структуре совокупности значительны и близки к максимальным значениям. Это подтверждает выводы об изменении отраслевой структуры валовой добавленной стоимости в пользу снижения доли добывающего и промышленности сектора в экономике при возрастании доли сектора услуг в экономике РФ за рассматриваемый период.

Таблица 2.

Показатели структурных сдвигов экономики РФ 2008-2022.

Показатель	2008	2012	2016	2020	2021	2022	2022/2003
По валовой добавленной стоимости							
К с абс	1,386	0,821	1,200	1,546	1,428	0,751	3,189
К с отн	1,541	1,037	1,732	1,436	1,682	0,881	4,895
К с об	0,106	0,061	0,095	0,121	0,113	0,060	0,250
К с инт	0,075	0,043	0,067	0,086	0,080	0,042	0,718
По занятости							
К с абс	0,202	0,140	0,632	0,141	0,132	0,085	2,353
К с отн	0,243	0,180	0,859	0,178	0,181	0,128	2,750
К с об	0,017	0,012	0,052	0,012	0,011	0,007	0,193
К инт	0,012	0,008	0,037	0,008	0,008	0,005	0,137
По экспорту							
К с абс	0,961	0,819	0,394	2,227	1,093	1,918	3,251
К с отн	1,787	2,276	1,138	3,263	1,678	2,407	8,515
К с об	0,072	0,057	0,029	0,160	0,080	0,134	0,230
К с инт	0,051	0,040	0,020	0,114	0,056	0,095	0,165

Анализ структурных сдвигов по объему экспорта РФ показывает, что в отраслевой структуре отмечается наиболее высокий процент отклонения удельных весов 3,251%, коэффициент относительного прироста составляет 8,5%, при этом, значение интегрального индекса говорит о тождественности структуры при более высоких колебаниях ее элементов: 0,165. Наиболее устойчивой из рассматриваемых оказалась отраслевая структура занятости, поскольку базисные коэффициенты абсолютных и относительных структурных сдвигов составили 2,35 и 2,75 соответственно, обобщающий коэффициент структурного сдвига равен 0,19, а интегральный коэффициент близок к минимальному значению, что говорит о несущественном изменении структуры.

Дискуссия

В исследовании структурных изменений в экономике России в период 1990 по 2000 гг. Спасской О.В.[\[22\]](#) показано, что «изменение структуры произведенного ВВП происходило не столько за счет опережающего роста выпуска отраслей третичной сферы, сколько за счет сокращения выпуска высокотехнологичной продукции первичной и вторичной сфер, что свидетельствует о негативных изменениях в экономике, характерных для слаборазвитых стран, поскольку, как показывает мировой опыт, именно производство наукоемкой продукции с высокой степенью обработки является тем фундаментом, на котором строится благополучие и поступательное развитие ведущих стран мира». Это коррелирует с работой Родрика Д.[\[30\]](#), где показано, что для развивающихся стран характерен феномен «преждевременной деиндустриализации», т.е. увеличение в отраслевой структуре доли сектора услуг при отсутствии развитой обрабатывающей промышленности, которое происходит за счет расширения свободной торговли промышленными товарами с развитыми странами.[\[31\]](#) Как показано Харагучи Н., на современном этапе несмотря на проявляющиеся тенденции растущей цифровой трансформации, роста потребления, неопределенности и резких скачков на рынках природных ресурсов, ключевая роль обрабатывающей промышленности в развитых странах осталась прежней [\[32\]](#).

В работе Бессонова В.А. показано, что значительная часть структурных сдвигов в

российской экономике 1990-2010 гг. была обусловлена унаследованными структурными диспропорциями советской плановой системы: ее закрытостью, ресурсоемкостью и низкой конкурентоспособностью конечной продукции, которые стали основными ослабляющими факторами последующих неизбежных трансформаций при переходе к рыночной экономике.^[19] В 1990 г. в советской экономике основная часть валовой добавленной стоимости (84,0%) создавалась в добывающей промышленности (40,4%), обрабатывающей промышленности (27,1%) и сельском хозяйстве (16,5%). К 2003 году суммарная доля этих секторов в добавленной стоимости РФ сократилась до 49,4%, за счет роста секторов торговли, транспортировки и хранения с 16,8 до 33,1%. Также можно утверждать, что высокий удельный вес сектора услуг в отраслевой структуре отражает не столько степень их развития, сколько государственное стимулирование публичного сектора. ^[33] Смещение преимуществ в обрабатывающей промышленности не следует трактовать как однозначно негативную тенденцию, поскольку предприятия отраслей специализации России на международных рынках, таких как добыча нефти и газа, metallurgическое и химическое производство, за последние десятилетия, располагая значительными валютными ресурсами, осуществляли модернизацию производства, обновляли основные производственные фонды, осваивали новые технологические процессы, повышали степень переработки, что отразилось в росте добавленной стоимости по этим отраслевым направлениям, таким как нефтепереработка и металлообработка, производство химических веществ. Негативной тенденцией в этой сфере является ослабление отечественного производства средств производства: машиностроения, прежде всего, станкостроения и приборостроения, электроники, поскольку оборудование обновлялось, в основном, за счет импорта. Таким образом, проведенное исследование скорее подтверждает тезисы о протекающих процессах постепенной деиндустриализации в российской экономике. Рост сектора услуг при снижении доли промышленности в создании национального продукта может быть охарактеризован также переходом к постиндустриальному типу общественного устройства.

Заключение

Таким образом, в заключение проведенного исследования, отметим, что рассмотрение отраслевой структуры следует проводить в контексте процесса общественного развития и понимать, как внутреннее специфическое строение экономической системы, которое характеризуется соотношением осуществляемых видов экономической деятельности. Отраслевая структура промышленности в общем виде характеризует уровень индустриального развития страны и региона и определяет их место в общественном разделении труда. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что за рассматриваемый период произошли фундаментальные изменения отраслевой структуры РФ по валовой добавленной стоимости, возрастает удельный вес отраслей нефтепереработки, химической промышленности, металлургии, при снижении доли машиностроения и приборостроения. В отраслевой структуре занятости снижается доля высокотехнологичных отраслей промышленности, таких как машиностроение и электроника и сельского хозяйства, растет доля занятости в торговле и строительстве, в сфере транспорта и связи. В отраслевой структуре экспорта снижается доля обрабатывающих отраслей, растет доля добывающей промышленности. За рассмотренный период произошли значительные структурные сдвиги в валовой добавленной стоимости, где значение интегрального коэффициента структурных сдвигов составил 0,718, при средних колебаниях структурных элементов 4,895. Структурные сдвиги в занятости и экспорте менее значительны. Изменения, происходящие в отраслевой структуре российской экономики можно охарактеризовать как тенденции

деиндустриализации и переход к постиндустриальному обществу.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Библиография

1. Исторический материализм. / Константинов Ф. В., Глазерман Г. Е., Гак Г. М., Каммари М. Д., Хрустов Ф. Д., Юдин П. Ф. – М., Государственное издательство политической литературы. 1950. – 747 с.
2. «Отрасли народного хозяйства». / Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] Т. 19. / гл. ред. Прохоров А. М. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1978.
3. Fisher A. G. B. Production, primary, secondary and tertiary. // Economic Record. № 15.1. 1939. – с. 24-38;
4. Clark C. The Conditions of Economic Progress. London: Macmillan, 1940. – 720 с.
5. Большой экономический словарь. / Под ред. Азрилияна А. Н., – М.: Институт новой экономики, 1997. – 1472 с.
6. Пасс К., Лоуз Б., Дэвис Л. Словарь по экономике. / Пер. с англ. под ред. Ватника П. А. – С-Пб.: Экон. шк., 1998. – 750 с.
7. Экономика. Толковый словарь. / под общ. ред. д.э.н. Осадчей И. М. – М.: "ИНФРА-М", 2000. – 848 с.
8. Горшенева О. В. Словарь терминов и понятий по региональной экономике. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2011. – 122 с.
9. Рычихина Н. С. Отрасль как экономическая и правовая категория: современные тенденции. // Современные научноемкие технологии. Региональное приложение. 2013. №4 (36). – с. 103-106.
10. Ширапов Ц. Д. Понятие, сущность и содержание отрасли и отраслевой структуры экономики региона. // Вестник бурятского государственного университета. 2015. № 2(2). – с. 59-67.
11. Резникова Н. П., Лукин И. И. К вопросу об определении понятия «отрасль». // Журнал «T-Comm – Телекоммуникации и Транспорт». 2012. №12. Стр. 79-81.
12. Кумехов К. К. Концепция отраслевой структуры в современной теории экономики. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. 43 (280). – с. 38-43.
13. Леонов С. Н., Леонова Т. В. Методические вопросы оценки информационной базы регионального управления при переходе с ОКОНХ на ОКВЭД. // Пространственная экономика. 2007. № 4. Стр. 123-132.
14. Петров А. Н. Анализ процесса отраслевой реструктуризации национальной экономики. // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 7. Стр. 21-35.
15. Белоглазова С. А. Выявление хозяйственной специализации регионов ЮФО в контексте кластеризации: развитие методики и актуальные результаты // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Том 8. № 11А. С. 148-157.
16. Коростышевская Е. М., Гамидуллаева Л. А., Мямлин А. П. К вопросу о количественном измерении территориального разделения труда // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2021. № 1. С. 5-20.
17. Спасская О. В. Макроэкономические методы исследования и измерения структурных изменений. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования

- РАН. 2003. № 1. Стр. 20-35.
18. Спасская О. В. Анализ структурных изменений в экономике России за период 1990-2000 гг.: динамика, основные тенденции и межстрановые сопоставления. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2004. № 2. Стр. 112-133.
19. Бессонов В. А. О трансформационных структурных сдвигах в российской экономике. // Экономика переходного периода: Сборник избранных работ 1999-2002. – М.: Дело, 2003, стр. Стр. 597-637.
20. Красильников О. Ю. Структурные сдвиги в экономике. – Саратов: Из-во Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. 2001. 164 стр.
21. Красильников О. Ю. Проблемы структурных преобразований в экономике. // Экономист. 2005. № 8. Стр. 52-58.
22. Сухарев О. С. Структурный анализ экономики. – М.: Финансы и статистика. 2012. – 216 с. ISBN 978-5-279-03526-7.
23. Лякин А. Н. Структурные сдвиги в российской экономике: потенциал деловых циклов исчерпан. // ЭКО. 2020. № 7. Стр. 8-28.
24. Перстенева Н. П. Критерии классификации показателей структурных различий и сдвигов // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 3. – С. 478-482.
25. Акбердина В. В. Структурные изменения в экономике Свердловской области: Проблемы, тенденции развития. // Экономика региона. 2008. № 2. Стр. 149-161.
26. Строева Г. Н., Горелова А. Д. Оценка сдвигов и различий в занятости населения субъектов ДФО. // Вестник ТОГУ. 2018 № 2 (49). Стр. 63-72.
27. Трифонов Ю. В., Веселова Н. В. Использование комплексного подхода исследования структурных сдвигов в анализе нефтяной отрасли России. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4 (40). Стр. 45-52;
28. Трифонов Ю. В., Веселова Н. В. Методологические подходы к анализу структуры экономики на региональном уровне. // Вопросы статистики. 2015. № 2. Стр. 37-49.
29. Шелегеда Б. Г., Корнев М. Н., Погоржельская Н. В. Концептуальное обоснование исследования структурного развития экономических систем. // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2018. Том 17. № 3. С. 386-405. DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.3.017.
30. Rodrik D. Premature deindustrialization. // Journal of Economic Growth. 2016. № 21. P. 1-33. DOI: 10.1007/s10887-015-9122-3.
31. Hicks D., Structural change and industrial classification. // Structural Change and Economic Dynamics. 2011. DOI:10.1016 / j.strueco.2011.03.001
32. Haraguchi N. What factors drive successful industrialization? Evidence and implications for developing countries. // Struct. Change Econ. Dyn. 2018. DOI: 10.1016/j.strueco. 2018.11.002 0954-349X.
33. Потапцева Е. В., Брянцева О. С. Промышленное развитие в России: движение в цифровую экономику. // Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством» [Ивэкофин]. 2022. № 04(54). С.53-62. DOI: 10.6060/ivecofin.2022544.62

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Реценziруемая статья посвящена исследованию трансформации отраслевой структуры промышленного развития в России.

Методология исследования базируется на обобщении подходов к выделению отраслей народного хозяйства, применении двух основных направления исследования отраслевой структуры: во-первых, изучении динамики и факторов устойчивости и, во-вторых, динамики и факторов изменчивости, а также методов управления этими процессами.

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью усиления ее внутренней устойчивости отечественной экономики, повышения эффективности, укрепления безопасности и независимости от внешних воздействий и полагают, что в этом отношении анализ развития отраслевой структуры экономики помогает выявить основные факторы устойчивости, определить направления дальнейшего развития, выделить векторы структурных преобразований.

Научная новизна рецензируемого исследования состоит в выявленных изменениях, произошедших в отраслевой структуре промышленности России за последние десятилетия.

Структурно в статье выделены следующие разделы: Введение, Развитие методологических подходов к выделению отраслей, Материалы и методы исследования, Результаты проведенного исследования, Дискуссия, Заключение, Благодарности, Библиография.

В процессе рассмотрения методологических подходов к выделению отраслей, авторами сформулированы цели и задачи, для которых осуществляется локализация и классификация отраслей: исчисление и учет важнейших макроэкономических показателей; составление балансов распределения трудовых ресурсов по сферам приложения труда; учет и контроль развития новых отраслей с целью управления научно-техническим прогрессом и экономическим развитием; планирование оптимальной структуры общественного воспроизводства, обеспечивающей повышение уровня благосостояния. В публикации освещены показатели оценки структурных сдвигов, проведен анализ отраслевой структуры валовой добавленной стоимости в нашей стране за период с 1990 г. по 2021 г.; изучены динамика отраслевой структуры валовой добавленной стоимости за последние двадцать лет, динамика отраслевой структуры занятости; отраслевая структура занятости в обрабатывающей промышленности; отраслевая структура экспорта; показатели структурных сдвигов экономики за 2008-2022 гг. Тест статьи иллюстрирован двумя таблицами и пятью рисунками. По результатам исследования сделаны выводы о том, что за рассматриваемый период произошли фундаментальные изменения отраслевой структуры РФ по валовой добавленной стоимости: возрастает удельный вес отраслей нефтепереработки, химической промышленности, металлургии при снижении доли машиностроения и приборостроения; в отраслевой структуре занятости снижается доля сельского хозяйства, высокотехнологичных отраслей промышленности (машиностроения и электроники), растет доля занятости в торговле и строительстве, в сфере транспорта и связи. В отраслевой структуре экспорта снижается доля обрабатывающих отраслей, растет доля добывающей промышленности. Происходящие в отраслевой структуре российской экономики тенденции авторы считают признаками деиндустриализации и перехода к постиндустриальному обществу.

Библиографический список включает 33 источника – публикации российских и зарубежных авторов по теме статьи, изданные с 1939 г. по 2021 г. В тексте имеются адресные ссылки на библиографические источники, что подтверждает наличие апелляции к оппонентам.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Теоретическая и прикладная экономика», может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.

Теоретическая и прикладная экономика*Правильная ссылка на статью:*

Ельшин Л.А., Мингазова Ю.Г., Савушкин М.В., Мингулов А.М. — Селективные подходы к определению механизмов реализации политики импортозамещения на региональном уровне // Теоретическая и прикладная экономика. – 2023. – № 4. – С. 105 - 123. DOI: 10.25136/2409-8647.2023.4.68748 EDN: OKSBAD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68748

Селективные подходы к определению механизмов реализации политики импортозамещения на региональном уровне

Ельшин Леонид Алексеевич

доктор экономических наук

директор, Центр стратегических оценок и прогнозов, Казанский федеральный университет, заведующий отделом, ГБУ "Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан", профессор кафедры экономики, УВО "Университет управления "ТИСБИ"

420139, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Островского, 23/1

 Leonid.Elshin@tatar.ru

Мингазова Юлия Георгиевна

кандидат экономических наук

научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

420008, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Карла Маркса, 23/6

 C.p@tatar.ru

Савушкин Максим Владимирович

кандидат экономических наук

доцент, кафедра экономики, Учреждение высшего образования "Университет управления "ТИСБИ"

420111, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари, 13

 savushkinmv@mail.ru

Мингулов Алмаз Минвазыхович

проректор по хозяйственной деятельности, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

420008, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

 C.p@tatar.ru

[Статья из рубрики "Экономика регионов"](#)

DOI:

10.25136/2409-8647.2023.4.68748

EDN:

OKSBAD

Дата направления статьи в редакцию:

19-10-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является система экономических отношений, формирующихся в рамках внешнеторговых связей со странами дальнего зарубежья, определяющие уровень импортозависимости регионов РФ. В качестве объекта исследования выступают субъекты Приволжского федерального округа России. Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как структурные параметры поставок в субъекты ПФО товаров из-за рубежа; обоснование их критического уровня в разрезе исследуемых товарных групп и страновой дифференциации; разработка предложений, направленных на формирование селективных и адаптивных под региональные особенности мер реализации политики импортозамещения. Особое внимание уделяется вопросам обоснования доктрины о необходимости селективной региональной стратегии реализации политики импортозамещения в условиях санкционного давления, предусматривающую необходимость отказа от фронтальных мер государственной поддержки в сфере проявляющихся пертурбаций внешних межкооперационных связей. Основным выводом проведенного исследования является необходимость реализации селективной стратегии адаптации национальной экономики к локализации импорта товаров и услуг на основе идентификации региональных особенностей импортозависимости в разрезе ключевых товарных групп. Особым вкладом авторов в исследование темы является идентификация возможных угроз устойчивого развития региональных экономических систем в условиях санкционных атак с учетом структурного анализа поставок импорта из недружественных стран. Выявлены, на основе обзора, систематизации и анализа данных Федеральной таможенной службы, ключевые параметры критического импорта для регионов ПФО и предложена концепция реализации адаптивной политики импортозамещения.

Ключевые слова:

импортозависимость, регион, Приволжский федеральный округ, санкционное давление, товарные группы, структурный анализ, устойчивое развитие, политика импортозамещения, адаптационные механизмы, Государственное управление

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и при финансовой поддержке Кабинета Министров Республики Татарстан в рамках научного проекта № 23-28-10123, [https://rscf.ru/project/23-28-10123/»](https://rscf.ru/project/23-28-10123/))

Введение.

Обострившееся санкционное давление на экономику России в 2022 году с новой силой актуализировало вопрос о поиске оптимальных решений, направленных на локализацию

рисков экономического развития в условиях ограничения транснациональных цепочек поставок. В этой связи сегодня, в пространстве научных исследований, все чаще стали появляться работы в этой сфере. При этом следует отметить, что они не ограничиваются российским «контуром», данное направление активно прорабатывается и за рубежом. Особую актуальность они получили, в основном, как было упомянуто выше, в рамках санкционных атак на национальную экономическую систему образца 2022 года, а также в условиях развернувшейся в 2019-2020 гг. пандемии коронавируса, повлекшей за собой серьезные ограничения в сфере внешнеэкономических связей.

Среди современных российских исследователей, активно исследующих данную проблематику необходимо выделить труды Шавтиковой Л.М., Гериева М.М., Сеитова А.Б., Левченко А.В., Боташева Т.А.[\[1\]](#), Полторадневой Н. Л., В. И. Разумова[\[2\]](#), Лявиной М. Ю. [\[3\]](#), Воротникова И. Л., Муравьевог М. В.[\[4\]](#), Строева В. В., Чуева С. В., Тихонова А. И. [\[5\]](#), Изутовой О. В.[\[6\]](#), Ивановой Л. В., Самойлова А. В.[\[7\]](#), Парфиненко Т. В., Суворова Л. А. [\[8\]](#) и др.

Не менее активную позицию в сфере поиска оптимальных решений обеспечения устойчивого развития экономических систем в условиях системных преобразований, выраженных, в частности, в ограничении внешнеторговых связей, занимают и современные зарубежные ученые. К ним необходимо отнести Kwon J. [\[9\]](#), Mukherjee S. [\[10\]](#), de la Poza E., Barykin S.E. [\[11, 12\]](#), He L., Cheng Y., Su X. [\[13\]](#), 14. Lassala C., Apetrei A., Sapena J. [\[14\]](#) и др.

Материал и методы исследования

Следует констатировать, что абсолютное большинство исследований, посвященных вопросам импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета национальных экономических систем в условиях локализации транснациональных торговых связей, сосредотачивают внимание на макроуровне. Между тем региональный уровень исследования не менее важен с точки зрения поиска оптимальных решений в сфере «настройки» адаптационной, эффективной политики замещения поставок товаров и услуг из-за рубежа. Учитывая достаточно дифференцированный структурный каркас внешнеторговых связей регионов, особенности их адаптации к пертурбациям в сфере локализации импорта на макроуровне будут иметь в определенной степени уникальный характер. В этой связи представляется крайне важным в системе построения методологии исследования устойчивого развития экономических систем в условиях ограничения поставок импорта товаров и услуг ориентироваться на мезоисследовательский уровень. Данный исследовательский «фокус» позволит не только идентифицировать наиболее уязвимые позиции субъектов РФ в разрезе импортируемых товарных групп, но и определить возможные угрозы их регионального развития с учетом формирующейся внешнеполитической конъюнктуры. Руководствуясь данной доктриной исследования, далее, на примере субъектов Приволжского федерального округа, представлены оценка и анализ тенденций в сфере внешнеторговых связей регионов, что формирует основу для выработки механизмов государственного управления, направленных на снижение рисков их устойчивого развития в условиях новой реальности.

Результаты и их обсуждение

Прежде чем остановится на вопросах зависимости исследуемых субъектов РФ от импорта товаров конечного и промежуточного потребления целесообразно провести общий

анализ внешних экономических связей на макроуровне. По данным таможенной статистики внешнеторговый оборот Российской Федерации за 2021 год составил 785 млрд. долларов США и по сравнению с 2020 годом увеличился на 38,2%. При этом экспорт увеличился на 46,1% и составил 491 млрд. 580 млн. долларов США, импорт увеличился на 26,8% до 293 млрд. 420 млн. долларов США (Рисунок 1).

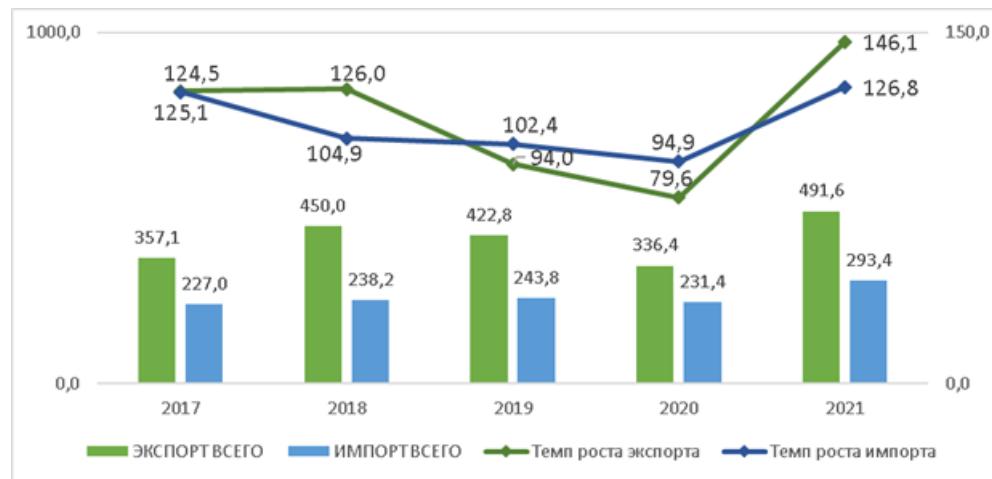

Рисунок 1. Динамика экспорта и импорта Российской Федерации (млрд.долл.) Источник: по данным [\[21\]](#)

Сальдо торгового баланса Российской Федерации за 2021 год, как и в предыдущие годы, сложилось положительное и составило 198 млрд. 160 млн. долларов США. Так за период с 2017 по 2021 годы экспорт рос опережающими импорт темпами – 172% против 161% (Таблица 1).

Таблица 1 - Товарооборот Российской Федерации (млрд.долл. США)

	2017				2021			
	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
Всего	357,1	227,0	584,0	130,1	491,6	293,4	785,0	198,2
Страны СНГ	309,3	202,5	511,8	106,8	427,0	262,1	689,1	164,9
Страны дальнего зарубежья	47,8	24,5	72,3	23,3	64,6	31,3	95,9	33,2

Источник: по данным [\[21\]](#)

Основными торговыми партнерами Российской Федерации были страны дальнего зарубежья, их доля в товарообороте в 2021 году составила 87,8%, в том числе в экспорте – 86,9%, в импорте – 89,3%. Для сравнения аналогичные значения в 2017 году составляли 87,6%, 86,6% и 89,2%, соответственно

Крупнейшие торговые партнеры регионов Российской Федерации в 2021 году стали при экспорте: Китай (13,8%); Нидерланды (8,6%); Германия (6,0%); Турция (5,4%); Беларусь (4,6%); Соединенное Королевство (4,5%); Италия (3,9%); Казахстан (3,8%); Соединенные Штаты (3,6%); Республика Корея Польша (по 3,4%, соответственно); Япония (2,2%); Франция и Финляндия (по 2,0%, соответственно); Индия (1,9%); Бельгия (1,8%); Украина (1,7%); Бразилия и Узбекистан (по 1,1%, соответственно); Словакия (1,0%).

При импорте - Китай (24,8%); Германия (9,3%); Соединенные Штаты (5,8%); Беларусь (5,3%); Республика Корея (4,4%); Франция (4,2%); Италия (4,1%); Япония (3,1%); Казахстан (2,4%); Турция (2,2%); Польша (2,0%); Вьетнам (1,7%); Соединенное Королевство, Индия и Нидерланды (по 1,5%, соответственно); Украина (1,4%); Чехия, Финляндия и Испания (по 1,2%, соответственно); Швейцария (1,1%). На недружественные страны в 2021 году приходилось чуть более половины объема импорта округа – 51,3% (Таблица 2).

Таблица 2 - Торговля Российской Федерации с недружественными странами в 2021 году

	Доля не друже ственных стран в объеме им порта,%	Объем импорта из недруже ственных стран, млн.долл.	Объем импорта из недруже ственных стран, в % к итогу	Доля не друже ственных стран в объеме эксп орта,%	Объем экспорта из не друже ственных стран, млн.долл.	Объем экспорта из не друже ственных стран, в % к итогу	Отно шение эксп орта к им порту,%
Российская Федерация	51,3	150588,9	100	55,8	274522,8	100	182,3
Приволжский федеральный округ	56,7	9789,2	6,5	49,3	21810,4	7,9	222,8
Республика Татарстан	65,1	3560,5	2,4	76,1	9183,3	3,3	257,9

Источник: по данным [\[21\]](#)

Около половины импортной продукции, поставляемой в Российскую Федерацию, составляют машины, оборудование и транспортные средства (группы ТНВЭД 84-90; от 46 до 49% в 2017-2021 гг.), около 18% приходится на продукцию химической промышленности, каучук (группы ТНВЭД 28-40; от 17 до 19% в 2017-2021 гг.), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (группы ТНВЭД 01-24) занимали от 11,6 до 12,8% в рассматриваемый период, металлы и изделия из них (группы ТНВЭД 72-83) – от 6,8 до 7,3%; текстиль, текстильные изделия и обувь (группы ТНВЭД 50-67) – от 5,8 до 6,3% (Рисунок 2).

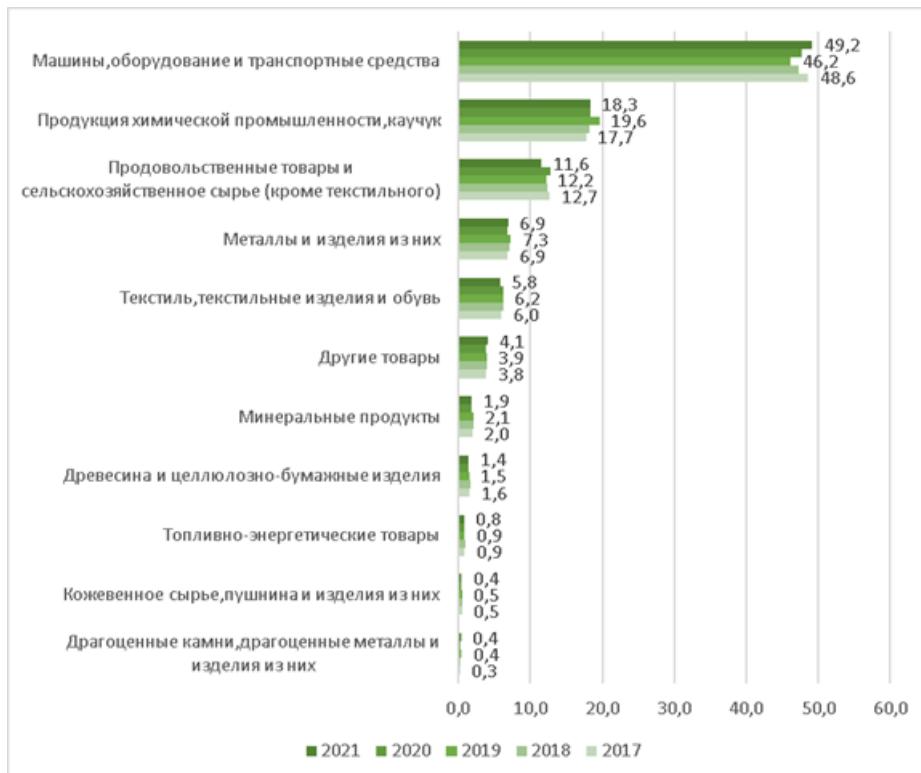

Рисунок 2 - Структура импорта Российской Федерации (в % к итогу)

Источник: по данным [21]

Реализованный экспресс-анализ позволяет сделать вывод о том, что высокая неоднородность зависимости национальной экономики РФ от импорта отдельных товарных групп требует соответствующего внимания со стороны органов государственной власти и формирует необходимость разработки адаптивных и селективных механизмов стимулирования импортозамещения. При этом крайне важным вопросом является идентификация товарной импортозависимости на уровне регионов, учитывая степень их интеграции в систему внешнеторговых связей и критичности поставок из-за рубежа той или иной продукции. Как ранее уже было отмечено, реализация типовых для всех импортозависимых субъектов РФ универсальных решений заведомо имеет уязвимость и ограничена. Нужна «тонкая» настройка мер государственной поддержки с учетом наиболее уязвимых позиций, характеризующихся зависимостью экономики региона от товарных групп импорта с наибольшей долей в поставках в регион. При этом в качестве приоритетов государственной поддержки должны быть товарные группы, поставляемые из так называемых недружественных стран, на долю которых, как показывает анализ, приходилось в Российской Федерации порядка 50% по итогам 2021 года.

Учитывая данный вывод представляется целесообразным сконцентрировать исследовательский «фокус» на региональном уровне, где в качестве объекта исследования будут выступать субъекты Приволжского федерального округа. А в качестве ключевого предмета исследования – особенности формирования внешнеэкономических отношений регионов ПФО с так называемыми недружественными странами.

По данным таможенной статистики внешнеторговый оборот Приволжского федерального округа за 2021 год составил 61 млрд. 499 млн. долларов США и по сравнению с 2020 годом увеличился на 37%. При этом экспорт увеличился на 42,4% и составил 44 млрд.

245 млн. долларов США, импорт увеличился на 24,7% до 17 млрд. 254 млн. долларов США (Рисунок 3).

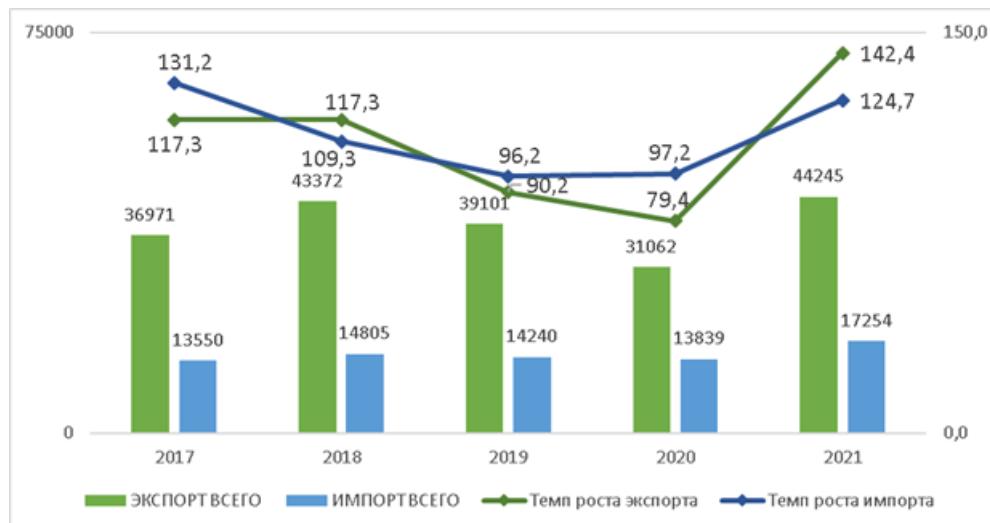

Рисунок 3 - Динамика экспорта и импорта Приволжского федерального округа (млн.долл.)

Источник: по данным [21]

Сальдо торгового баланса Приволжского федерального округа за 2021 год, как и в предыдущие годы, сложилось положительное и составило 26 млрд. 991 млн. долларов США. В тоже время следует отметить, что за период с 2017 по 2021 годы импорт рос опережающими экспорт темпами – 167% против 140%.

Около трети всего товарооборота Приволжского федерального округа приходится на Республику Татарстан - 28,5% по итогам 2021 года. Второе, третье и четвертое места занимают Нижегородская область, Пермский край и Самарская область со значениями в диапазоне от 13 до 16%. Таким образом, более 70% товарооборота округа формируют 4 региона из 14 (Рисунок 4).

Рисунок 4 - Доля субъекта в товарообороте Приволжского федерального округа в 2021

году

Источник: по данным [21]

Торговыми партнерами Приволжского федерального округа за 2021 год являлись 195 стран, в том числе 117 стран при экспорте и 166 стран при импорте

Основными торговыми партнерами были страны дальнего зарубежья, их доля в товарообороте составила 81%, в том числе в экспорте – 78%, в импорте – 89% (Рисунок 5, Таблица 3). Для сравнения аналогичные значения в 2017 году составляли 79%, 76% и 86%, соответственно.

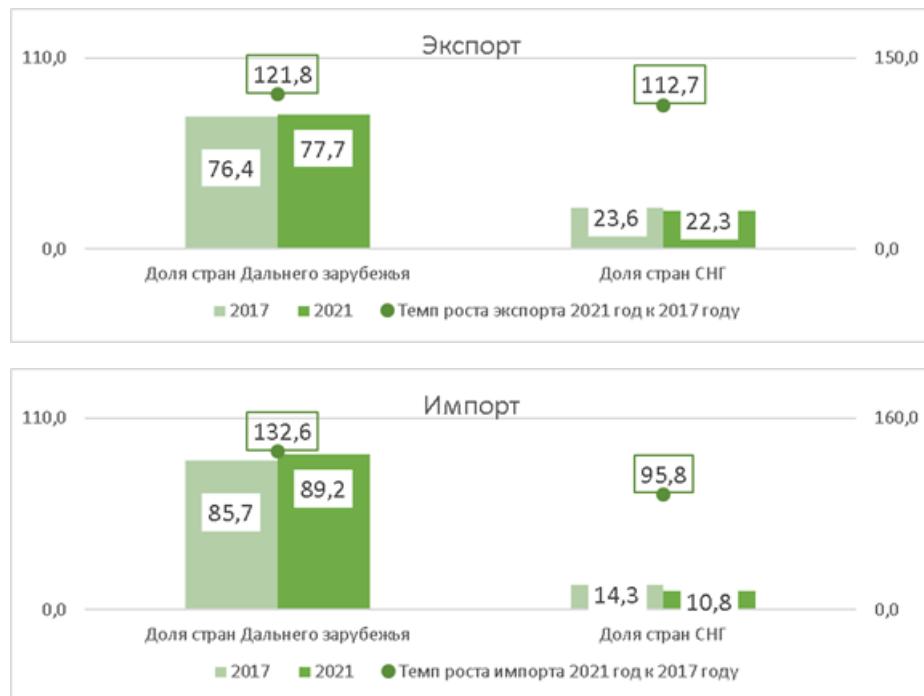

Рисунок 5 - Структура внешней торговли Приволжского федерального округа по странам (в % к итогу)

Источник: по данным [21]

Наиболее зависимыми от импорта в 2021 году являлись Ульяновская область, в которой 55% от внешнеторгового оборота приходилось на импорт, Чувашская Республика – 52% и Пензенская область – 50%. Наименьший удельный вес импорта во внешнем торговом обороте отмечался в Пермском крае – 9,6%, Оренбургской области – 10,1% и Республике Башкортостан – 19,5% (Рисунок 6).

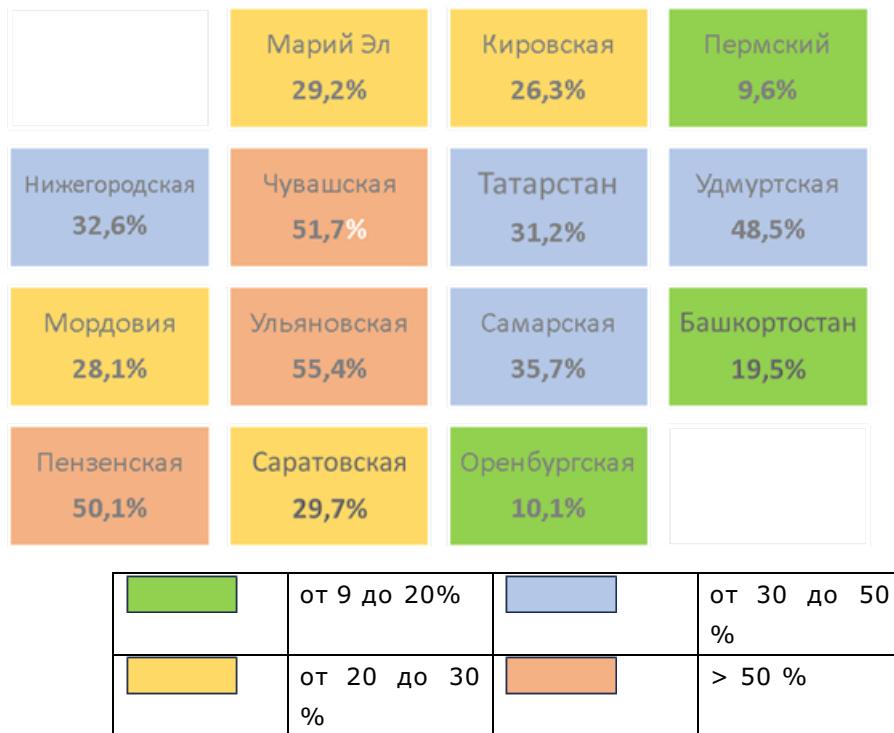

Рисунок 6 - Доля субъекта в товарообороте Приволжского федерального округа в 2021 году.

Источник: по данным [\[21\]](#)

Таблица 3- Товарооборот Приволжского федерального округа (млн. долл. США)

	2017				2021			
	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
Всего	36970,9	13550,0	50520,9	23420,9	44245,3	17253,6	61498,9	26991,7
Страны СНГ	8737,3	1940,8	10678,1	6796,5	9846,3	1859,0	11705,3	7987,3
Страны дальнего зарубежья	28233,6	11609,2	39842,8	16624,5	34399,0	15394,6	49793,7	19004,4

Источник: по данным [\[21\]](#)

При этом, если рассмотреть товарооборот со странами дальнего зарубежья, то импортрос опережающими по сравнению с экспортом темпами. Так за период с 2017 по 2021 годы экспорт со странами дальнего зарубежья увеличился на 40%, то импорт – на 74%. При этом сальдо торгового баланса остается положительным

Основной объем импорта Приволжского федерального округа из стран дальнего зарубежья по итогам 2021 года приходился на три региона – Республику Татарстан, Нижегородскую и Самарскую области – всего около 70% (Таблица 4).

В объеме импорта округа из стран СНГ преобладающую часть составляли те же регионы плюс Республика Башкортостан – всего около 65%.

Таблица 4 - Структура импорта Приволжского федерального округа в разрезе регионов в 2021 году

	Люля в объеме	Люля в объеме
--	---------------	---------------

	доля в объеме импорта ПФО из стран ДЗ, %	доля в объеме импорта ПФО из стран СНГ, %
Объем импорта ПФО	100	100
Республика Татарстан	33,3	18,5
Нижегородская область	18,5	19,0
Самарская область	16,7	16,1
Саратовская область	5,7	4,1
Пермский край	4,6	7,4
Республика Башкортостан	4,5	11,3
Ульяновская область	4,4	2,5
Удмуртская Республика	3,3	2,9
Кировская область	2,7	2,2
Пензенская область	1,9	3,5
Чувашская Республика	1,7	2,8
Оренбургская область	1,0	7,9
Республика Марий Эл	0,8	0,6
Республика Мордовия	0,8	1,3

Источник: по данным [\[21\]](#)

Важно отметить, что уровень импортозависимости в регионах Приволжского федерального округа носил устойчивую тенденцию поступательного роста на протяжении последних анализируемых пяти лет (Таблица 5).

Таблица 5 - Структура товарооборота Приволжского федерального округа

	Доля экспорта в товарообороте, %		Доля импорта в товарообороте, %	
	2017	2021	2017	2021
Всего	73,2	71,9	26,8	28,1
Страны СНГ	81,8	84,1	18,2	15,9
Страны дальнего зарубежья	70,9	69,1	29,1	30,9

Источник: по данным [\[21\]](#)

На Республику Татарстан приходилось 36% всего объема импорта и 42% объема экспорта округа с недружественными странами. Недружественные страны занимали подавляющую часть торгового оборота Республики Татарстан – 65% в объеме импорта и 76% в объеме экспорта региона. Менее всего зависимой от импорта с недружественными странами была Оренбургская область – 23,9% в объеме импорта области (Рисунок 7).

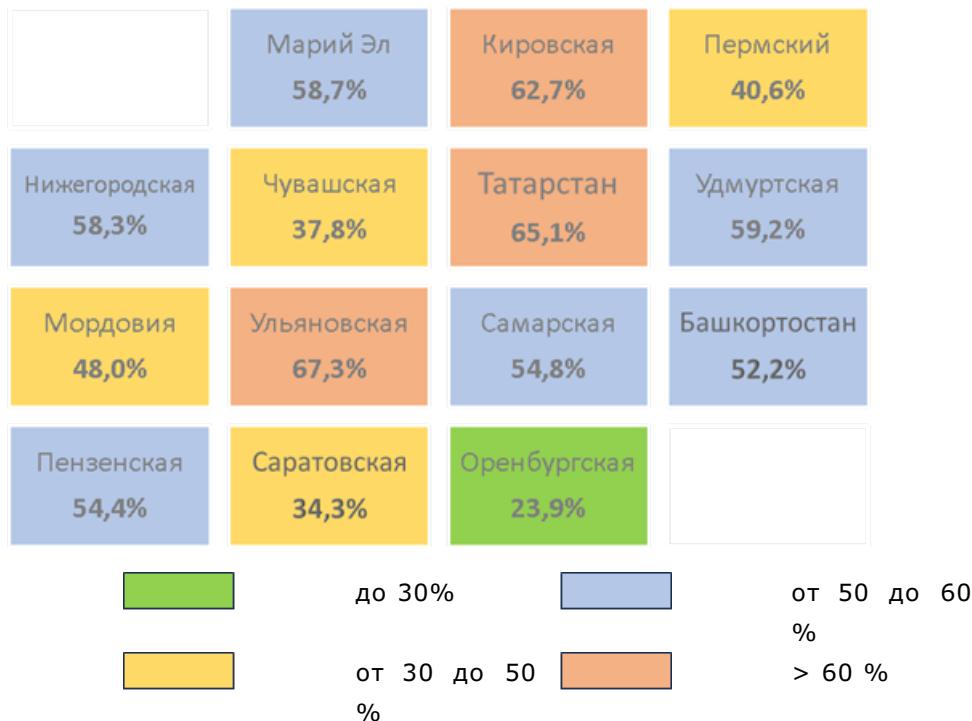

Рисунок 7 - Доля недружественных стран в объеме импорта регионов Приволжского федерального округа в 2021 году, %

Источник: по данным [21]

В более подробном формате информация, раскрывающая особенности распределения импорта из недружественных стран в разрезе регионов ПФО представлена в таблице 6.

Таблица 6 - Торговля регионов Приволжского федерального округа с недружественными странами в 2021 году

	Доля недружественных стран в объеме импорта, %	Объем импорта из недружественных стран, млн.долл.	Объем импорта из недружественных стран, в % к итогу	Доля недружественных стран в объеме экспорта, %	Объем экспорта из недружественных стран, млн.долл.	Объем экспорта из недружественных стран, в % к итогу	Отношение экспорта к импорту, %
ПФО	56,7	9789,2	100,0	49,3	21810,4	100,0	222,8
Республика Татарстан	65,1	3560,5	36,4	76,1	9183,3	42,1	257,9
Кировская область	62,7	281,5	2,9	61,9	779,1	3,6	276,8
Пермский край	40,6	343,4	3,5	49,6	3941,5	18,1	1147,8
Республика Мордовия	48,0	70,6	0,7	41,4	155,4	0,7	220,0
Нижегородская область	58,3	1867,6	19,1	39,9	2647,0	12,1	141,7
Республика Башкортостан	52,2	470,2	4,8	37,5	1392,0	6,4	296,0
Оренбургская							

Уральский область	23,9	70,5	0,7	37,5	984,6	4,5	1396,2
Пензенская область	54,4	195,5	2,0	36,6	131,1	0,6	67,1
Самарская область	54,8	1576,0	16,1	31,4	1625,0	7,5	103,1
Ульяновская область	67,3	490,4	5,0	29,9	175,2	0,8	35,7
Республика Марий Эл	58,7	78,8	0,8	28,3	92,0	0,4	116,8
Саратовская область	34,3	328,0	3,4	23,4	528,4	2,4	161,1
Чувашская республика	37,8	121,7	1,2	22,1	66,6	0,3	54,7
Удмуртская республика	59,2	334,6	3,4	18,2	109,3	0,5	32,7

Источник: по данным [\[21\]](#)

Более половины импортной продукции, поставляемой в регионы Приволжского федерального округа, составляют машины, оборудование и транспортные средства (группы ТНВЭД 84-90; от 53 до 55% в 2017-2021 гг.), около 22% приходится на продукцию химической промышленности, каучук (группы ТНВЭД 28-40; от 20 до 22% в 2017-2021 гг.), металлы и изделия из них (группы ТНВЭД 72-83) занимали от 9,3 до 11% в 2017-2021 гг., продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (группы ТНВЭД 01-24) – от 5,1 до 7,4% в 2017-2021 гг. (Рисунок 8)

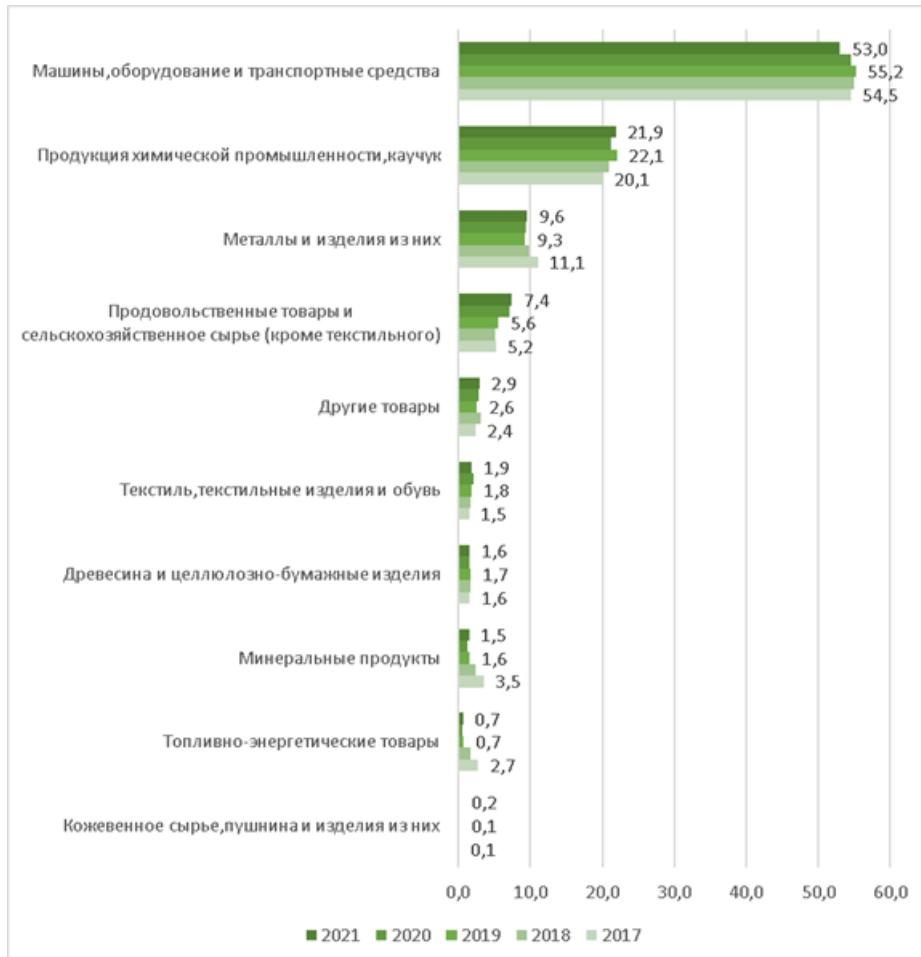

Рисунок 8 - Структура импорта Приволжского федерального округа (в % к итогу)

Источник: по данным [21]

Если рассмотреть в разрезе регионов удельный вес в импорте ключевых групп ТНВЭД, то машины, оборудование и транспортные средства (группы ТНВЭД 84-90) составляют подавляющую часть импорта в таких регионах Приволжского федерального округа, как Республика Татарстан (более 70% от общего объема импорта по итогам 2021 года) и Удмуртская Республика. В наименьшей степени от данной товарной номенклатуры зависят такие регионы, как Чувашская республика Кировская область (29 и 28 процентов соответственно в общем объеме продукции, импортируемой в регион) (Рисунок 9).

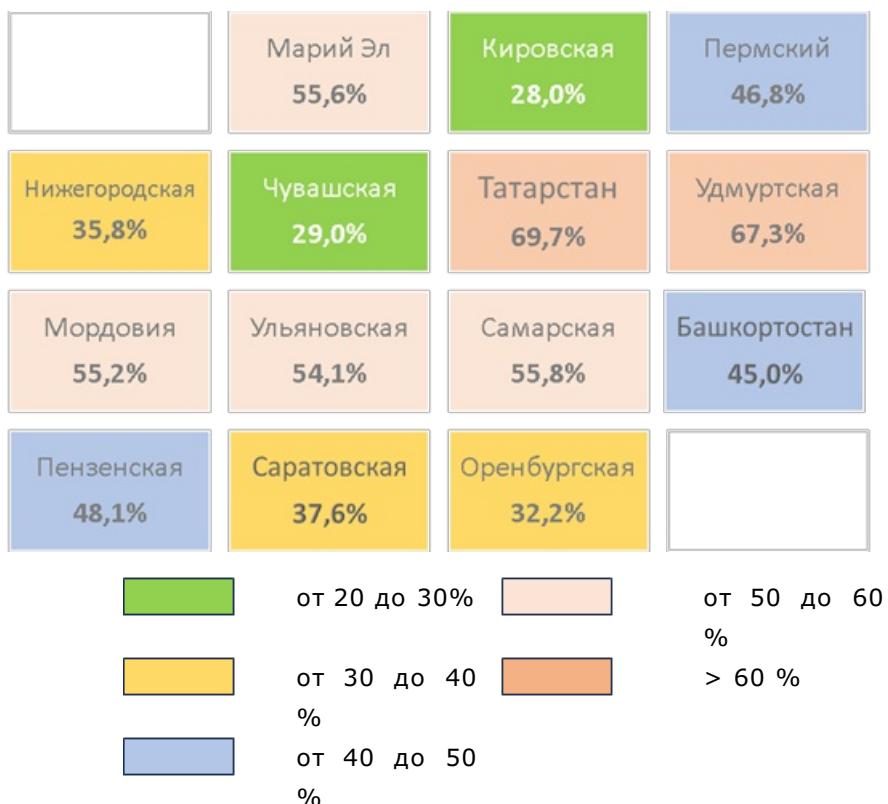

Рисунок 9 - Удельный вес групп ТНВЭД 84-90 «Машины, оборудование и транспортные средства» в объеме импорта региона в 2021 году

Источник: по данным [21]

По уровню импортозависимости от поставок из-за рубежа продукции химической промышленности в 2021 году, лидирующие позиции приходились на такие субъекты ПФО, как Кировская и Чувашская область (более 50% от общего объема импорта, поставляемого в регион) (Рисунок 16).

Рисунок 10 - Удельный вес групп ТНВЭД 28-40 «Продукция химической промышленности» в объеме импорта региона в 2021 году

Источник: по данным [\[21\]](#)

Если рассмотреть группы ТНВЭД 72-83 «Металлы и изделия из них», то здесь регионы округа разделились на два блока: 6 регионов с долей от 13 до 18% в объеме импорта указанных групп и 8 регионов с долей от 5 до 8,5% (Рисунок 11).

Рисунок 11 - Удельный вес групп ТНВЭД 72-83 «Металлы и изделия из них» в объеме импорта региона в 2021 году

Источник: по данным [\[21\]](#)

Выводы.

Результаты проведенного анализа демонстрируют весьма разнородную в региональном разрезе зависимость регионов Приволжского федерального округа от поставок импорта из недружественных стран, что предопределяет такие же дифференцированные риски их устойчивого развития в условиях санкционной локализации транснациональных цепочек поставок. Данная дифференциация предопределяет необходимость реализации адаптационных и в своем роде уникальных, селективных стратегий и механизмов адаптации регионов к рискам сокращения внешнеторговых связей. Единая система подходов выработки решений, направленных на сглаживание возможных рисков сокращения импорта из недружественных стран в РФ несет в себе угрозу неэффективной адаптации регионов к происходящим системным преобразованиям.

На первый взгляд, опираясь на данные проведенного анализа, может показаться, что важнейшей, если не сказать, ключевой проблемой в системе организации внешнеторговых связей российской экономики и ее регионов до 2022 года является высокая зависимость от поставок машин и оборудования, продукции химической промышленности. Совершенно логично, казалось бы, сконцентрировать основные усилия на локализации данного вида импортозависимости и сформировать соответствующий набор программных решений, что, собственно говоря, и реализуется сегодня в рамках проведения социально-экономической политики в России. Однако фронтальная ориентация политики на единый тренд и ориентир в сфере импортозамещения может привести к неэффективной, в региональном разрезе, адаптации субъектов РФ к происходящим изменениям. Другими словами, необходимо учитывать региональный профиль импортозависимости и формировать соответствующий пул региональных механизмов адаптации к угрозам локализации транснациональных поставок. В противном случае будут проявляться угрозы ослабления эффективности мер государственного регулирования в рассматриваемой сфере. Применение типовых, универсальных решений для региональных систем заведомо будет предопределять риски усиления дисбалансов в их социально-экономическом развитии.

Представленные, на примере регионов Приволжского федерального округа, оценки структурной импортозависимости, как раз и формируют фундаментальные основы для выбора селективных мер проведения политики импортозамещения на государственном уровне и определяют ключевые направления ее реализации.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и при финансовой поддержке Кабинета Министров Республики Татарстан в рамках научного проекта № 23-28-10123, [https://rscf.ru/project/23-28-10123/»](https://rscf.ru/project/23-28-10123/))

Библиография

1. Импортозамещение и её роль в экономике России, импортозамещение программного обеспечения / Л. М. Шавтикова, М. М. Гериев, А. Б. Сеитов [и др.] // Финансовая экономика. – 2022. – № 9. – С. 134-136.
2. Полтораднева, Н. Л. О научном обеспечении импортозамещения в национальной безопасности России / Н. Л. Полтораднева, В. И. Разумов // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 1-2. – С. 235-256. – DOI 10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-235-256.
3. Лявина, М. Ю. Формирование экспортного продовольственного потенциала как важнейший этап стратегии агропродовольственного импортозамещения // Глобальный научный потенциал. – 2020. – № 1(106). – С. 130-132.
4. Воротников, И. Л. Национальные продовольственные балансы и их роль в реализации политики импортозамещения / И. Л. Воротников, М. В. Муравьева // Научное обозрение: теория и практика. – 2020. – Т. 10, № 11(79). – С. 2610-2626. –

DOI: 10.35679/2226-0226-2020-10-11-2610-2626.

5. Строев, В. В. Развитие механизмов неоиндустриального импортозамещения в условиях международного санкционного давления / В. В. Строев, С. В. Чуев, А. И. Тихонов // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 2-2. – С. 284-293. – DOI 10.17513/vaael.2727.
6. Изутова, О. В. Импортозамещение-это не переклеивание наклеек / О. В. Изутова // Журнал Бюджет. – 2022. – № 11(239). – С. 26-29.
7. Иванова, Л. В. Проблемы импортозамещения в нефтеперерабатывающей промышленности России в условиях санкционного давления / Л. В. Иванова, А. В. Самойлов // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2023. – № 1(37). – С. 11-16.
8. Парфиненко, Т. В. Устойчивое развитие предприятий: концептуальный подход в условиях импортозамещения / Т. В. Парфиненко, Л. А. Суворова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 3(473). – С. 193-204.
9. Kwon J. (2010) Import Substitution at the Regional Level: Application in the United States. Atlanta: Federal Reserve Bank of Atlanta. Режим доступа: http://www.frbatlanta.org/documents/news/conferences/10smallbusiness_kwon.pdf, дата обращения 17.05.2016.
10. Mukherjee S. Revisiting the Debate over Import-substituting versus Export-led Industrialization // Trade and Development Review, 2012. – I. 1. – V. 5. – P. 64-76.
11. De la Poza E., Barykin S.E. Global challenges of digital transformation of markets // Global Challenges of Digital Transformation of Markets. "Economic Issues, Problems and Perspectives" New York, 2021. P. 1-626.
12. De La Poza, E. Preface / E. De La Poza, S. E. Barykin // Global Challenges of Digital Transformation of Markets. – New York: Nova Science Publishers, Inc., 2022. – P. xi.
13. He L., Cheng Y., Su X. (2020). Research on the Sustainability of the Enterprise Business Ecosystem from the Perspective of Boundary: The China Case. Sustainability, 12, 6435. DOI: 10.3390/su12166435.
14. Lassala C., Apetrei A. and Sapena J. Sustainability Matter and Financial Performance of Companies. Sustainability, 9 (9), 1498 (2017). DOI: 10.3390/su9091498
15. Ermakova Ya.M., Larin S.N., Khrustalev E.Y. (2022) Identification of competitive advantages in the implementation of sectoral import substitution strategies. Proceedings of the International University Scientific Forum "Practice Oriented Science: UAE – RUSSIA – INDIA", Part 1 (June 17, 2022. UAE), 42-48.
16. Hoang D., Breugelmans E. (2023). "Sorry, the product you ordered is out of stock": Effects of substitution policy in online grocery retailing. Journal of Retailing, vol. 99, is. 1, 26-45. DOI: 10.1016/j.jretai.2022.06.006
17. Irwin D.A. (2021). The rise and fall of import substitution. World Development, 139, 24-39. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105306
18. Karuppiah K., Sankaranarayanan B. (2023). An integrated multi-criteria decision-making approach for evaluating e-waste mitigation strategies. Journal Pre-proof, 110420, 65-79. DOI: 10.1016/j.asoc.2023.110420
19. Koren M., Perlman Y., Shnaiderman M. (2022). Inventory Management Model for Stockout Based Substitutable Products. IFAC-PapersOnLine, 55, is. 10, 613-618. DOI: 10.1016/j.ifacol.2022.09.467
20. Prebisch R. (1950) The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems. Economic Commission for Latin America. Lake Success, NY: United Nations

Department of Economic Affairs, 15

21. Федеральная таможенная служба. Справочные и аналитические материалы. URL:
<https://customs.gov.ru/statistic> (Дата обращения: 25.09.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье являются селективные подходы к определению механизмов реализации политики импортозамещения на региональном уровне.

Методология исследования базируется на обработке данных таможенной статистики, визуализации полученных в результате их анализа результатов, обобщении научных публикаций зарубежных и отечественных ученых по рассматриваемой в статье проблематике.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что обострившееся санкционное давление на экономику России выдвигает в число первоочередных решение вопросов импортозамещения и поиска оптимальных решений, направленных на локализацию рисков экономического развития в условиях ограничения транснациональных цепочек поставок.

Научная новизна работы, по мнению рецензента состоит в выводе о необходимости учета регионального профиля импортозависимости и формирования соответствующего пула региональных механизмов адаптации к угрозам локализации транснациональных поставок.

В статье рассмотрены динамика товарооборота РФ со странами СНГ и дальнего зарубежья, объемы торговли нашей страны, Приволжского федерального округа и Республики Татарстан с недружественными странами, показано, что в 2021 г. доля недружественных стран в объеме экспорта Татарстана составляла 76,1 %, а импорта – 65,1 %. В ходе анализа импорта отражены основные товарные группы импорта Российской Федерации, показана доля субъектов в товарообороте Приволжского федерального округа, количество торговых партнеров-стран ближнего и дальнего зарубежья этого округа, структура импорта округа в разрезе регионов.

Библиографический список включает 20 источников – научные публикации по рассматриваемой теме на английском и русском языках, кроме этого перед библиографическим списком приведены 19 интернет-ресурсов, непосредственно использованных в качестве исходных материалов исследования.

Из резервов улучшения статьи следует отметить следующие. Во-первых, текст публикации не структурирован надлежащим образом: в нем не выделены такие общепринятые в современных научных публикациях разделы как: Введение, Материал и методы исследования, Результаты и их обсуждение, Выводы или Заключение. Во-вторых, источники, на которые даны ссылки в тексте статьи, представляется необходимым поместить в раздел «Библиография», а также привести ссылки на каждый источник в списке литературы или же сократить его. В-третьих, из 18 рисунков и 6 таблиц, которыми иллюстрирована публикация, необходимо оставить лишь самые важные, сконцентрировав внимание читателей на той информации, которая соответствует выводам рецензируемого научного исследования.

Тема статьи актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, содержит элементы приращения научного знания, соответствует тематике журнала «Теоретическая и прикладная экономика», может вызвать интерес у читателей,

но нуждается в доработке с учетом высказанных замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Исходя из названия, исследование должно быть посвящено селективным подходам к определению механизмов реализации политики импортозамещения на региональном уровне.

Методология исследования базируется на анализ и синтезе числовых данных, характеризующих предмет исследования. Ценно, что в тексте статьи присутствуют многочисленные графические объекты. При этом на ряде рисунков структурные элементы графически не связаны между собой.

Актуальность исследования вопросов, связанных с реализацией политики импортозамещения на региональном уровне, не вызывает сомнения. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, данная тема имеет полное сопряжение с национальными целями развития Российской Федерации, а также курсом на обеспечение технологического суверенитета нашего государства.

Научная новизна в представленных на рецензирование материалах присутствует. Она связана с формированием представлений о структуре экспорта и импорта в субъектах Российской Федерации Приволжского федерального округа. Достаточно интересным представляется вывод о том, что «ключевой проблемой в системе организации внешнеторговых связей российской экономики и ее регионов до 2022 года является высокая зависимость от поставок машин и оборудования, продукции химической промышленности». Было бы интересно указать потенциальных заинтересованных лиц в использовании представленных материалов.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения научный. Структура статьи выстроена, способствует наполнению качественным содержанием в рамках раскрытия заявленной темы. Ознакомление с содержанием позволило сделать вывод о том, автор достаточно много уделил внимание анализу числовых данных, характеризующих предмет исследования. При этом, также было бы интересно обратить внимание на факторы, повлиявшие на такие результаты. Отдельно следует отметить, что сокращение «РФ» для научных текстов не является допустимым, следует писать полностью. В Конституции Российской Федерации допускается 2 наименования: либо Россия, либо Российская Федерация, какой-либо иной вариант не содержится. Также следует отметить, что субъекты не у округа, а у Российской Федерации: субъекты Российской Федерации Приволжского федерального округа, а не субъекты Приволжского федерального округа.

Библиография. Библиографический список сформирован из 21 источника. Ценно, что в нём содержатся отечественные и зарубежные издания, а также ресурсы, содержащие числовые данные, использованные при написании статьи.

Апелляция к оппонентам. Несмотря на наличие списка литературы и небольшой обзор содержания заявленных источников, какой-либо научной дискуссии не было выстроено. При доработке статьи было бы интересно сравнить полученные автором результаты с

теми, что содержатся в трудах других авторов.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом всего вышеизложенного заключаем о том, что статья требует незначительных редакционных уточнений по тексту, после проведения которых может быть опубликована. Учитывая большое количество вычислений, анализ числовых данных, а также графических объектов, актуальность выбранной темы исследования, статья будет востребована у потенциальной читательской аудитории, особенно при условии уточнения содержания по указанным в тексте рецензии замечаниям.

Англоязычные метаданные

Urban agglomerations: functioning and methodological principles of development

Suvorova Arina

PhD in Economics

Senior Research Associate, Financial University under the Government of the Russian Federation

125468, Russia, Moscow, Moscow, Leningradsky ave., 49, -

 suvorova.av@uiec.ru

Abstract. Currently, the development of urban agglomerations is recognized as one of the key prerequisites for accelerating the economic growth of large-scale economic systems. The study is devoted to the conceptual foundations of this process. The author considers the logic of the organization and development of agglomerations; identifies the features of the functioning of agglomerations in modern conditions; studies the principles that should underlie their development. The work is based on the use of data from the Federal State Statistics Service, and its methodological base includes general scientific methods of theoretical and empirical cognition. It is shown that a significant aspect of the functioning of the agglomeration is the close relationship between its elements. The importance of this aspect is also proved by the results of the analysis of the functioning of the Yekaterinburg urban agglomeration, which is characterized by the redistribution of functionality between its constituent municipalities. The suburbs increase their importance as a place to live in and work, while the central parts of the agglomeration retain the role of a service center. As a result of the study methodological principles of agglomerations development are formulated: a differentiated approach to determining landmarks, mechanisms and institutions of transformation processes, institutionalization of the object, the systemic nature of space transformation, the absence of barriers of interaction between elements, the availability of a resource basis for development. The results obtained can be used in the activities of public authorities that determine and implement regional policy.

Keywords: regional policy, principles of agglomeration development, territorial structure, Ekaterinburg urban agglomeration, clustering of cities, economic growth, agglomeration development of the territory, spatial development, system of municipalities, agglomeration

References (transliterated)

1. Kolomak E. A. Prostranstvennoe razvitiie Rossii v XXI v. // Prostranstvennaya ekonomika. 2019. T. 15. № 4. S. 85-106. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106
2. Shirov A. A., Mikheeva N. N., Gusev M. S., Savchishina K. E. Makroekonomiceskaya stabilizatsiya i prostranstvennoe razvitiie ekonomiki // Problemy prognozirovaniya. 2019. № 5 (176). S. 3-15.
3. Leksin V. N. Prostranstvennoe razvitiie i ego transportnoe obespechenie v gosudarstvennoi politike Rossii // Vostochnaya analitika. 2019. № 2. S. 48-59.
4. Prolubnikov A. V. Spetsifika prostranstvennogo razvitiya sovremennoi rossiiskoi ekonomiki kak faktor regional'noi politiki // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2020. № 3 (123). S. 54-60.
5. Fang C., Yu D. Urban agglomeration: An evolving concept of an emerging phenomenon

- // Landscape and Urban Planning. 2017. Vol. 162. Pp. 126-136. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2017.02.014
6. Weber A. Standort der Industrien. Tübingen, 1922. 268 p.
 7. Lesh A. Prostranstvennaya organizatsiya khozyaistva. M.: Nauka, 2007. 663 c.
 8. Lampard E. The history of cities in the economically advanced areas // Economic Development and Cultural Change. 1955. Vol. 3(2). Pp. 81-136.
 9. Hoover E. M., Giarratani F. An Introduction to Regional Economics. WVU Research Repository, 1999 URL: <https://researchrepository.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=rri-web-book>
 10. Richardson H. W. City Size and National Spatial Strategies in Developing Countries. Washington: World Bank Staff Working Paper no. 252, 1977.
 11. Krugman P., Venables A. Globalization and the inequality of nations // Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110(4). Pp. 857-880.
 12. Romer P. Increasing returns and new developments in the theory of growth // National Bureau of Economic Research Working Paper Series. 1989. 3098. DOI: 10.3386/w3098
 13. Ellison G., Glaser E. Geographic concentration in U. S. manufacturing firms: a dartboard approach // Journal of Political Economy. 1997. Vol. 107. Pp. 889-927.
 14. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy. Cities, Regions, and International Trade. Cambridge: MIT-Press, 1999, 367 p.
 15. Lappo G. M. Razvitiye gorodskikh aglomeratsii v SSSR. M.: Nauka, 1978. 152 s.
 16. Pertsik E. N. Goroda mira: Geografiya mirovoi urbanizatsii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. 89 s.
 17. Animitsa E. G., Vlasova N. Yu. Gradovedenie. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ekon. un-ta, 2008. 417 s.
 18. Gorodkov A. V., Fedosova S. I. Osnovy territorial'no-prostranstvennogo razvitiya gorodov. Bryansk: Bryanskaya gosudarstvennaya inzhenerno-tehnologicheskaya akademiya, 2009. 326 s.
 19. Leven Ch. Determinants of the size and spatial forms of urban areas // Papers in Regional Science. 1969. Vol. 22(1). Rp. 7-28.
 20. Parshuto E. V. Zarubezhnyi opyt formirovaniya i razvitiya gorodskikh aglomeratsii // Ekonomika i upravlenie: analiz tendentsii i perspektiv razvitiya. 2014. № 15. S. 44-51.
 21. Animitsa E. G., Vlasova N. Yu. Evolyutsiya razvitiya i issledovaniya Ekaterinburgskoi gorodskoi aglomeratsii // Geourbanistika i gradostroitel'stvo: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya. M.: Geograficheskii fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova, 2021. S. 126-140.
 22. Voroshilov N. V. Razvitiye gorodskikh aglomeratsii na territorii Evropeiskogo Severa Rossii // Federalizm. 2021. № 26(4). S. 54-74. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-4-54-74
 23. Monastyrskaya M. E., Peslyak O. A. Metodika opredeleniya granits gorodskikh aglomeratsii // Vestnik BGTU im. V. G. Shukhova. 2019. № 2. S. 111-121. DOI: 10.12737/article_5c73fc21703586.16507052
 24. Dutta, I., Das, A. Exploring the dynamics of spatial inequality through the development of sub-city typologies in English Bazar Urban Agglomeration and its peri urban areas // GeoJournal. 2018. Vol. 84. Pp. 829-849. DOI: 10.1007/s10708-018-9895-y
 25. Suvorova A. V. Strukturnye osobennosti ekonomiki munitsipal'nykh obrazovanii: otsekha i interpretatsiya // Ekonomika i upravlenie. 2023. № 29(9). S. 1094-1108. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-9-1094-1108

26. Merkur'ev V. V., Myagkov E. V. Razvitiye aglomeratsii: etapy, otechestvennye i zarubezhnye praktiki // Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2022. № 3(71). DOI: 10.24412/1999-2645-2022-371-8. URL: <https://eee-region.ru/article/7108/>
27. Minaev N. N., Volchkova I. V. Metodologicheskie osnovy upravleniya formirovaniem i razvitiem aglomeratsii // Problemy sovremennoi ekonomiki. 2014. № 1(49). S. 162-165.
28. Antonyuk V. S., Kozina M. V., Vansovich E. R., Sigatova N.A. Formirovanie i razvitiye gorodskikh aglomeratsii: teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovanii // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment. 2021. T. 15. № 2. S. 7-19. DOI: 10.14529/em210201
29. Kuznetsov N. I. Osobennosti metodik otsenki aglomeratsionnogo razvitiya v Rossii // Federalizm. 2020. № 2. S. 190-197. DOI: 10.21686/ 2073-1051-2020-2-190-197
30. Olifir D. I. Rol' metodologii prostranstvennoi organizatsii gorodov Sankt-Peterburgskoi aglomeratsii v regional'nom razvitii // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2021. T. 19. № 5(488). S. 925-942. DOI: 10.24891/re.19.5.925
31. Eremeev E. I. Teoretiko-metodologicheskie aspekty razvitiya territorial'nykh aglomeratsii // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 2. S. 352-356.

The development of green finance in the EAEU countries based on the assessment of the liquidity of green bonds

Kovalev Vladislav Alekseevich

Student, Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation

125167, Russia, Moscow, Leningradsky Avenue, 49/2

✉ kovalevdocs@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the liquidity of green bonds in the countries of the Eurasian Economic Union as an important investment characteristic of a financial instrument for non-institutional investors and the development of green finance in the EAEU countries. The author analyzes the liquidity of green bonds traded on the Moscow Stock Exchange in the context of groups of liquidity indicators: urgency (time), volume and transaction costs proposed by domestic and foreign authors and whose application has been experimentally tested in the scientific literature. The factors influencing the liquidity of green bonds, the interrelation of liquidity indicators are considered, the main tools for stimulating supply and demand for green bonds in the EAEU countries and their applicability in the Russian Federation are highlighted. The paper provides grouping and rating of green bonds by liquidity levels. To calculate the liquidity levels, data is collected using the methods of the Moscow Exchange Information and Statistical Server on the specification of financial instruments, the history of transactions on it for the date interval and for the last trading day. The main conclusions of the study are as follows: the Russian green bond market has a cluster of illiquid bonds, the feature of which is the placement of bonds on the market until 2020. Stimulating demand for green bonds is possible by expanding the practice of sub-federal green loans, including through development institutions, together with an active policy of informing about the issue of green bonds. The imbalance in the volume of transactions and their frequency can be offset, among other things, by increasing the participation of non-institutional investors in debt green financing. Potentially successful is the placement of federal green bond loans in the Russian Federation based on the experience of issuing green government bonds in the

Republic of Belarus and the exemption of individuals from taxation on personal income from the sale and repayment of green bonds in order to increase demand for green bonds. Increasing the liquidity of green bonds and the growth of their market volume through the implementation of the proposed measures will allow for positive effects on the socio-economic development of the EAEU countries: on the environmental situation, the sector of collective investments and the welfare of citizens.

Keywords: rating of green bonds, turnover, investment characteristics, The EAEU, sustainable development, financial market, liquidity indicators, green financing, green bonds, spread

References (transliterated)

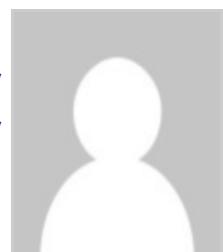
1. Balynin, I. V. (2021). Problemy dostizheniya natsional'nykh tselei v oblasti ekologii. Finansy, (5), 56-62. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45840545>.
2. Torvanger, A., Maltais, A., & Marginean, I. (2021). Green bonds in Sweden and Norway: what are the success factors?. Journal of Cleaner Production, 324, 129177.
3. Balynin, I. V. (2013). Otsenka dolgovoi politiki sub"ektov Privolzhskogo federal'nogo okruga Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh nesbalansirovannosti regional'nykh byudzhetov. Theoretical & Applied Science, (12), 8. DOI: 10.15863/TAS.2013.12.8.23. URL: [http://www.t-science.org/arxivDOI/2013/12\(8\)/12\(8\)_23.html](http://www.t-science.org/arxivDOI/2013/12(8)/12(8)_23.html).
4. Tarasova, Yu. A., & Lyashko, E. I. (2023). Vliyanie institutsional'nykh faktorov na vypusk zelenykh obligatsii: ekskurs v 2021 god. Finansovyj zhurnal, 15(2), 90-102. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-2-90-102.
5. Dorofeev, M. L. (2023). Napravleniya razvitiya rynka zelenykh obligatsii v Rossii v usloviyakh mezhdunarodnykh sanktsii. Ekonomika. Nalogi. Pravo, 16(3), 46-56. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-46-56.
6. Febi, W., Schäfer, D., Stephan, A., & Sun, C. (2018). The impact of liquidity risk on the yield spread of green bonds. FinanceResearchLetters, 27, 53-59. DOI: 10.1016/j.frl.2018.02.025.
7. Guseva, I. A., & Bogomolov, Ya. M. (2022). Rynok «zelenykh obligatsii»: pyat' let v poiskakh «grinuma». Finansovye rynki i banki, (11), 77-82. URL: https://finmarketbank.ru/archive/?ELEMENT_ID=36889.
8. Belov, A. S. (2016). Faktory, opredelyayushchie likvidnost' obligatsii: analiz rossiiskogo rynka. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, (5 (101)), 107-112. URL: <https://ideas.repec.org/a/scn/032786/16883452.html>.
9. MOEX. Perechen' tsennykh bumag, vkluchennykh v Sektor ustoichivogo razvitiya. URL: <https://www.moex.com/s3019>.
10. Chaikun A. N. Vybor pokazatelei dlya izmereniya likvidnosti tsennykh bumag. URL: <https://www.hse.ru/data/644/087/1240/Chaykun.pdf>.
11. Bystrova, D. A. (2017). Teoreticheskie podkhody i instrumentarii otsenki likvidnosti finansovykh aktivov v zadachakh portfel'nogo investirovaniya. Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. GV Plekhanova, (6 (96)), 71-79. DOI: 10.21686/2413-2829-2017-6-71-79.
12. Sidorov, A. A. (2019). Izmerenie riska rynochnoi likvidnosti portfelya rynochnykh tsennykh bumag. Vestnik evraziiskoi nauki, 11(2), 44. URL: <https://esj.today/PDF/54ECVN219.pdf>.
13. Kazakhstanskaya fondovaya birzha. Metodika opredeleniya pokazatelei likvidnosti

- tsennykh bumag. URL: https://kase.kz/files/normative_base/metodika_liquid.pdf.
14. Minfin planiruet uvelichit' ob'em razmeshcheniya «zelenykh» obligatsii. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/minfin-planiruet-uvelichit-obem-razmeshcheniya-zelenykh-obligatsiy>.
 15. Ministerstvo finansov Respubliki Belarus'. Zelenye obligatsii. URL: https://www.minfin.gov.by/ru/securities_department/green/bonds/.
 16. Belorusskaya valyutno-fondovaya birzha. Spravochnik tsennykh bumag. MFRB-B0293C. URL: <https://www.bcse.by/stock/securitydirectory/100691903/MF-LB-RUB-0293>.
 17. Kazakhstanskaya fondovaya birzha. ESG-obligatsii. URL: <https://kase.kz/ru/esg/bonds/>.
 18. Kazakhstanskaya fondovaya birzha. Torgi. Spisok instrumentov. KEGCb4. URL: <https://kase.kz/ru/bonds/show/KEGCb4/>.

The logistics channel in the Russian Far East as a key factor in the development of Chinese-Russian trade.

Xin Xiaodong

PhD in Philology

Department of Russian Culture and Regional Studies, Beijing Foreign Studies University

100089, China, Beijing, 2 Xisanhuanbailu str.

✉ xinxiaodong2023@yandex.ru

Hu Zheng

Chief researcher, China Development Institute

38 Jinhuijie Street, Luohu City, Guangdong Region, 518024, China

✉ denisshadrin021@gmail.com

Abstract. This article explores the significance of the logistics channel in the Russian Far East as a key factor in the development of Sino-Russian trade. The authors analyze the role of this logistics corridor in the context of China-Russia trade relations and identify its impact on the long-term cooperation between the two countries.

The study is based on an analysis of statistical data on trade between China and Russia in recent years. The authors also conduct an analysis of Russia's geographical features and its logistics capabilities. Comparative analysis methods are used in the article to assess the influence of the logistics channel on the volume and stability of Sino-Russian trade.

The article emphasizes that the logistics channel in the Russian Far East plays a pivotal role in the development of China-Russia trade. It highlights the growth in trade volumes between the two countries and their ambitions to achieve higher levels. However, the author also notes that Russia's current geographical features do not always align with the needs of international trade, and pipeline transport cannot fully replace other logistics channels for bulk commodities.

The scientific novelty of this article lies in its recognition of the importance of the logistics aspect in China-Russia trade relations and its call for greater attention to this factor. It also underscores the strategic significance of developing the logistics channel in the Russian Far East for the sustainable and stable growth of Sino-Russian trade in the long term.

Keywords: Logistics infrastructure, Port complex, Far Eastern Logistics Corridor, Logistics channel, Ports, International trade, Far East, Logistics, China, Russia

References (transliterated)

1. Kulikova, V. A. Printsipy sozdaniya mul'timodal'nykh logisticheskikh transportnykh tsentrov na Dal'nem Vostoke / V. A. Kulikova, S. V. Protsenko // Transportnoe pravo i bezopasnost'. – 2017. – № 9(21). – S. 29-35. – EDN ZITQXD.
2. Pugachev, I. N. Razvitie transportno-logisticheskogo kompleksa Dal'nevostochnogo regiona Rossii / I. N. Pugachev, R. G. Korol', N. S. Nesterova // Transport Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. – 2022. – № 4(33). – S. 25-34. – EDN FANMES.
3. Remyga, V. N. Rossiisko-kitaiskoe infrastrukturnoe sotrudничество // Ekonomicheskie strategii. – 2020. – T. 22, № 3(169). – S. 66-73. – DOI 10.33917/es-3.169.2020.66-73. – EDN HPOSRD.
4. Korol', R. G. Formirovanie prigranichnoi terminal'no-logisticheskoi infrastruktury dlya organizatsii kontreilernykh perevozok na napravlenii Suifen'khe (KNR) - Grodekovo (RF) // Izvestiya Transsiba. – 2022. – № 1(49). – S. 43-56. – EDN EMTDNK.
5. Chuikova, O. Yu. Perenastroika logisticheskikh potokov v sovremennykh usloviyakh // Politransportnye sistemy : Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-tehnicheskoi konferentsii. V 3-kh chastyakh, Novosibirsk, 21-22 sentyabrya 2022 goda. Tom Chast' 3. – Novosibirsk: Sibirskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya, 2022. – S. 243-248. – EDN ZYHTIS.
6. Luzyanin, S. G. Dal'nevostochnoe izmerenie rossiiskogo poverota na Vostok. Zakroet li Kitai sanktsionnye "breshi" Rossii? // Aziya i Afrika segodnya. – 2022. – № 6. – S. 5-14. – DOI 10.31857/S032150750020426-0. – EDN AZJSGJ.
7. Chen' L. Issledovanie strategii morskoi bezopasnosti Rossii. Pekin, 2020, - S. 12-17.
8. M. P. Parmel'. Kratkaya istoriya Rossii. Nan'hai. 2012. 346 s.
9. Tszyan S. Istoricheskoe vliyanie morskoi moshchi na pod'em i padenie Rossii. Pekin, 2021, s. 7-9.
10. Guan' S. Issledovanie ekonomiceskogo razvitiya Rossii. Pekin: Tsentr issledovaniya Rossii Narodnogo universiteta Kitaya., 2019. s. 348. ISBN: 978-7-5166-4538-3.
11. Khu. Ch. Razvitie kitaisko-russkogo torgovo-ekonomiceskogo sotrudnichestva i stroitel'stva kitaisko-russkogo logisticheskogo koridora na Dal'nem Vostoke // Russkii zhurnal. pod redaktsiei Kheiluntszyanskogo universiteta. Kitai, Kheiluntszyan. – 2023. – № 5. – C. 27-43.
12. Fen Sh., Pan' S., Otnosheniya Kitaya s sosednimi stranami. Shankhai: Shankhaiskoe narodnoe izdatel'stvo, 2018. S. 9-11.
13. Sergeev A. S., Charei M. S. Transportnye uzly rossiiskogo Dal'nego Vostoka na fone mirovykh tendentsii razvitiya morskogo transporta // Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo. 2010. №1.
14. Veselova, E. Sh. Novoe okno vozmozhnosti dlya sibirsckikh agrariev // EKO. – 2017. – № 1(511). – S. 58-62. – EDN XKOIXV.
15. Shen'chzen'skii institut kompleksnykh issledovanii razvitiya. Spetsial'nyi issledovatel'skii otchet o transgranichnykh perevozkakh otechestvennykh tovarov v Severo-Vostochnom regione. 2020.
16. Tszyan I. Iстория вопроса о китаиско-российской гранитсе и значение его решения для укрепления международных отношений России и Китая // Mir russkogovoryashchikh stran . 2020. №3 (5).

17. Li L., Severoaziatskii ekonomicheskii krug Pekin: China Finance and Economy Publishing, 2021. s. 24-28.
18. Efimenko N.A. Rossiiskaya istoriya v zerkale politicheskoi situatsii v Kitae v 50-kh gg. XX veka (na materiale shkol'nykh uchebnikov po istorii) // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. – 2023. – № 3. – S. 151 - 164. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.3.40736 EDN: HCFIYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40736 (data obrashcheniya: 9.10.23)
19. Dubovskaya, A. M. Mezhdunarodnye tranzitnye perevozki cherez Kazakhstan / A. M. Dubovskaya, D. V. Musatov // Transport i logistika: aktual'nye problemy strategicheskogo razvitiya i operativnogo upravleniya : VI mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Rostov-na-Donu, 04-05 fevralya 2022 goda. – Rostov-na-Donu: Rostovskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya, 2022. – S. 45-47. – EDN PUDOVOV.
20. Razvitie ekonomiceskogo koridora Kitai-Mongoliya-Rossiya: prigranichnoe izmerenie / Ts. Van, A. V. Vovenda, D. E. Lyubina, E. V. Mushenko // Sotsial'no-politicheskie nauki. – 2021. – T. 11, № 5. – S. 27-33. – DOI 10.33693/2223-0092-2021-11-5-27-33. – EDN TLMVMT.
21. D'yakova, O. V. Vodnyi put' "ot chzhurzhzhenei do russkikh" v basseine reki Razdol'noi Yuzhnogo Primor'ya / O. V. D'yakova // Istoricheskii kur'er. – 2022. – № 3(23). – S. 77-85. – DOI 10.31518/2618-9100-2022-3-6. – EDN AOEJMX.

Classification of risks in the risk management system of innovative development of Russian regions

Shirinkina Elena Viktorovna

PhD in Economics

Associate professor, Department of Management and Business, Surgut State University

628412, Russia, Tyumenskaya oblast', g. Surgut, ul. Lenina, 1, kab. 510

✉ shirinkina86@yandex.ru

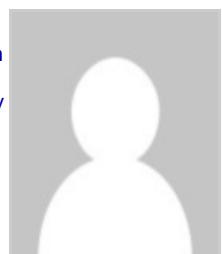

Volkerez Aleksei Aleksandrovich

Postgraduate student, Department of Management and Business, Surgut State University

628412, Russia, Tyumen region, Surgut State University, Lenin str. 1

✉ shirinkina86@yandex.ru

Abstract. The relevance of this study is due to the fact that risk management is a task assigned to each region of the Russian Federation, which is of particular importance in modern conditions. On the one hand, this is due to the requirements of the global market, where innovation is a recognized tool for improving competitiveness, solving socio-economic problems of society. On the other hand, this is necessary due to the increasing distortions of key indicators of regional innovative development of the country, which requires taking measures to preserve the sustainable development of highly innovative territories and the intensification of laggards, taking into account the sectoral and other specifics of their functioning. The subject of the study is the mechanism of risk management based on the identification and classification of risks and opportunities of the eastern regions of Russia in ensuring effective innovative development. The novelty of the research lies in the fact that

the authors present the key directions for improving the risk management mechanism of the innovation space of the regions of Russia, taking into account the differentiation of the regional economic space in the direction of establishing a high-quality and sustainable system of interaction between objects and subjects of the innovation space based on the identified priorities. Due to the fact that risk management of innovative development has been the object of research in domestic dissertations for more than 25 years, the question arose: what risks were identified, and recommendations for their solution were offered by the authors during this period? How much has the set of analyzed risks and challenges changed (and has it changed)? How has the content of the approaches and methods of risk management proposed for the activation of innovative development changed? To answer these questions, more than 60 doctoral dissertations, defended over the past 25 years, devoted to risk management of innovative processes in the regions, were analyzed.

Keywords: Problems, challenges, methodology, efficiency, regions, risk management, classification, development, innovation, risk

References (transliterated)

1. Bonyushko A. A. Normativnoe obespechenie i regulirovanie innovatsionnoi deyatel'nosti gosudarstvennykh nauchnykh tsentrov. Dis...d-ra ekon. nauk: 08.00.05 – Sankt-Peterburg, 1998.
2. Bystrov V.V. Metodologicheskie osnovy formirovaniya organizatsionno-ekonomicheskogo mekhanizma upravleniya innovatsiyami na konversiuemykh predpriyatiya (na primere predpriyatiy oborонno-promyshlennogo kompleksa): avtoref. dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Vladivostok, 2004. – 40 s.
3. Alekseev A.A. Teoriya i metodologiya upravleniya sistemoi innovatsionnogo razvitiya: dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Moskva, 2005. – 297 s.
4. Erygin Yu.V. Metodologiya i instrumentarii planirovaniya ustochivogo innovatsionnogo razvitiya predpriyatiy OPK: avtoref. dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Krasnoyarsk, 2007. – 406 s.
5. Buch O.V. Protsessnyi podkhod k upravleniyu sistemoi innovatsionnoi deyatel'nosti promyshlennogo predpriyatiya: avtoref. dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Kaliningrad, 2006. – 46 s.
6. Gilyazutdinova I.V. Metodologiya organizatsionno-ekonomicheskogo razvitiya innovatsionnykh khozyaistvennykh sistem: dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Kazan', 2009. – 352 s.
7. Gorshenin V.P. Upravlenie innovatsionnym potentsialom personala korporatsii: avtoref. dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Chelyabinsk, 2006. – 44 s.
8. Egorova M.V. Mekhanizmy formirovaniya i funktsionirovaniya regional'noi innovatsionnoi sistemy: dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Kazan', 2009. – 393 s.
9. Demkin I.V. Upravlenie innovatsionnym riskom v promyshlennosti: metodologiya, organizatsiya, modeli: avtoref. dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Moskva, 2010. – 49 s.
10. Abramov V.I. Metodologiya otsenki innovatsionnogo potentsiala: dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Samara, 2012. – 301 s.
11. Koroleva E.V. Formirovanie i razvitiye patentno-informatsionnoi podderzhki innovatsii: dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Sankt-Peterburg, 2015. – 374 s.
12. Gubernatorov A.M. Metodologiya i organizatsiya upravleniya innovatsionnym razvitiem otrasli: avtoref. dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Moskva, 2016. – 51 s.
13. Kostygova L.A. Formirovanie mekhanizma ustochivogo razvitiya promyshlennosti

Rossii na osnove territorial'nykh innovatsionnykh kластеров: dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – M., 2016. – 295 s.

14. Dedov S.V. Resursnoe obespechenie effektivnogo upravleniya innovatsionnoi deyatel'nost'yu: teoriya, metodologiya, strategiya: dis. d-r. ekon. nauk: 08.00.05. – Kursk, 2019. – 373 s.
15. Shelegeda B.G., Sharnopol'skaya O.N., Vasilishina L.N. Innovatsionnye resursy sovershenstvovaniya professional'noi podgotovki menedzherov vysshei kvalifikatsii // Nauchnye trudy Donetskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: ekonomicheskaya. 2013. № 4 (46). S. 40-51.

Adam Smith on uncertainty and security. Part 1.

Bekryashev Andrey

PhD in Economics

Associate professor, Department of Economic Theory and Financial Law, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

644092, Russia, Omsk region, Omsk, Komarova Ave., 7

 klavdievitch@mail.ru

Abstract. The subject of the article is the study of Adam Smith's conceptual ideas about uncertainty and security and their relationship. Methods of conceptual analysis are used in two versions. The presentist approach aims to interpret Smith's ideas about uncertainty in terms of modern concepts (fundamental and epistemological uncertainty and their forms). The antiquarian approach aims to explain the features of Smith's concepts in the context of the theological, philosophical ideas and methodological ideas he shared. The analysis is used in presentist and antiquarian variants. The first part of the article shows that Smith uses several concepts of uncertainty. One of them corresponds to the modern idea of epistemic uncertainty. Smith also develops an original concept of ambiguity, which, in the author's opinion, can be most constructively understood from the standpoint of a generalized version of Niels Bohr's principle of complementarity. However, in Smith's system this type of uncertainty is of fundamental importance and is associated with the feeling of sympathy. The third part of the article examines the influence of theological ideas on Smith's ideas about uncertainty. The peculiarities of scientists' interpretation of the uncertainty of the future are explored. The second part also examines selected conceptual relationships between uncertainty and security. In Smith's theoretical system, the reduction of uncertainty plays a special role in ensuring the long-term survival of society (ensuring security - in the presentist interpretation). Smith associates it with following the rules of the virtue of justice, which have the greatest certainty and, functioning like the rules of grammar, perform the function of creating order.

Keywords: system knowledge, sympathy, ambiguity, classical economic theory, complementarity principle, security, epistemological uncertainty, fundamental uncertainty, contextual knowledge, ergodic

References (transliterated)

1. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomiceskoi literatury, 1962.

2. Smit A. Teoriya nравственных чувств. М.: Республика, 1997.
3. Smith A. Essays on philosophical subjects. Ed. by W.P.D. Wightman. Indianapolis: Liberty Fund, 1982.
4. Viner J. Essays on the Intellectual History of Economics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.
5. Winch D. Riches and Poverty: An Intellectual History of Political Economy in Britain, 1750-1834. New York: Cambridge University Press, 1996.
6. Winch D. Adam Smith's Politics: An Essay in Historiographic Revision. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
7. Haakonssen K. The Science of the Legislator. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
8. Fleischacker S. On Adam Smith's "Wealth of Nations": A Philosophical Companion. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
9. Rothschild E. The Debate on Economic and Social Security in the Late Eighteenth Century: Lessons of a Road Not Taken // Development and Change. 1996. No. 2(2). Rr. 331–351.
10. Persky J. Adam Smith's Invisible Hands // Econ. Perspectives. 1989. No. 3.Rr. 195–201.
11. Grampp W.D. What Did Smith Mean by the Invisible Hand? // Journal of Political Economy. 2000. No. 108(3). Rr. 441–465.
12. Oslington P. Bog i rynok: "nevidimaya ruka" Adama Smita // Khristianskoe chtenie. 2015. № 1. S. 181–206.
13. Harrison P. Adam Smith and the History of the Invisible Hand // Journal of the History of Ideas. 2011. No. 7(1).Rr. 29–49.
14. Clark Ch. Economic Theory and Natural Philosophy. Jamaica, New York: Edward Elgar, 1992.
15. Newton I. Isaac Newton: Philosophical Writings / Ed. by A.Janiak. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
16. Nait F. Risk, neopredelennost' i pribyl'. M.: Delo, 2003.
17. Keins Dzh. M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Ekonomika, 1993.
18. Keins Dzh. M. Obshchaya teoriya zanyatosti // Istoki. Vyp. 3. M.: Izdatel'skii dom Gos. Un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2001.
19. Dequech D. Fundamental Uncertainty and Ambiguity // Eastern Economic Journal. 2000. No. 26(1).Rr.41–60.
20. Davidson P. Reality and Economic Theory // Journal of Post Keynesian Economics. 1996. No. 4(18).Rr. 491–492.
21. Nort D. Ponimanie protsessa ekonomiceskikh izmenenii / per. s angl. K. Martynova, N. Edel'mana. M.: Izdatel'skii dom Gos. Un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2010.
22. Blaug M. Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive. M.: Delo Ltd, 1994.
23. Best J. The limits of transparency. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005.
24. Rozov M.A. Teoriya sotsial'nykh estafet i problemy epistemologii. M.: Novyi khronograf, 2008.
25. Lawson T. Economics and Reality. London: Routledge, 1997.
26. Dow S.C., Chick V. The Meaning of Open Systems // Foundations for New Economic Thinking. UK, London: Palgrave Macmillan, 2012.Pp. 178–196.
27. Bor N. Izbr. nauch. trudy: v 2 t. / Red.: I.E. Tamm [i dr.]. t. 2. M.: Nauka, 1971.
28. Rozov M.A. Prezentizm i antikvarizm – dve kartiny istorii // Voprosy istorii

- estestvoznaniya i tekhniki. 1994. № 3. S. 13–26.
29. Blaug M. Metodologiya ekonomiceskoi nauki, ili kak ekonomisty ob"yasnyayut / per. s angl. Yu.V. Avtonomova. Nauch. red. i vstup. st. V.S. Avtonomova. M.: NP «Zhurnal Voprosy ekonomiki», 2004.
 30. Schabas M. The Natural Origins of Economics. Chicago, London: University of Chicago Press, 2005.
 31. Samuelson P. What Classical and Neoclassical Monetary Theory Really Was // The Canadian Journal of Economics. 1968. No. 1(1). Rr. 1–15.
 32. Spengler J. Adam Smith and Society's Decision-makers // Essays on Adam Smith. Oxford: Clarendon Press, 1975.
 33. Bloom N. Fluctuations in Uncertainty // Journal of economic perspectives. 2014. No. 28(2). Rr. 153–176.
 34. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. by Edwin Cannan. Chicago: University Of Chicago Press, 1977.
 35. Davidson P. Is Probability Theory Relevant for Uncertainty? A Post Keynesian Perspective // The Journal of Economic Perspectives. 1991. No. 5(1). Rr. 129–43.
 36. Rozmainskii I.V. Denezhnaya ekonomika kak osnovnoi "predmetnyi mir" postkeinsianskoi teorii // Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gos. un-ta. 2007. t. 5. № 3. S. 58–68.
 37. Rozov M.A. Inzhenernoe konstruirovaniye v nauchnom poznaniye // Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i nauke o cheloveke. M.: Kanon-Plus, 2009.
 38. Pauli V. Obshchie printsipy volnovoi mekhaniki. M.-L.: OGIZ, 1947.
 39. Gendlin E.T. Thinking beyond patterns: body, language and situations // The presence of feeling in thought / Ed. by B. den Ouden, M. Moen. New York: Peter Lang, 1991. Rp. 25–151.

Industrial development in Russia: the study of sectoral structure

Bryantseva Olga Sergeevna

PhD in Economics

Junior Research Assistant, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

29 Moskovskaya str., office 516, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, 620014, Russia

 bryantseva.os@uiec.ru

Abstract. The article deals with the issues of studying the sectoral structure of the economy of the Russian Federation and the transformation of the sectoral structure of industry. A sample of macroeconomic indicators characterizing the structure of industrial production by gross value added, the number of employed personnel, the value of exports for the period 1990–2022 was formed and analyzed. Open statistical data consolidated by the UN International Organization for Industrial Development (UNIDO) and Rosstat were used. Calculations of structural shifts in the manufacturing industry of the Russian Federation have been carried out.

The article shows that the sectoral structure of the Russian economy has undergone tremendous structural transformations. During the period under review, the sectoral structure of industry in terms of gross value added was significantly transformed: the share of oil refining, chemical industry, metallurgy is increasing, while the share of machine-building and

instrument-making is decreasing. In the sectoral structure of employment, the share of high-tech industries such as machine building and electronics and agriculture is decreasing, while the share of employment in trade and construction, transportation and communication is increasing. In the sectoral structure of exports, the share of manufacturing industries is decreasing and the share of extractive industries is increasing. It is concluded that for a long time the sectoral structure of the Russian economy has been under the influence of deindustrialization.

Keywords: manufacturing sector, industry, industrial development, sectoral structure, sectoral economy, structural shifts, industrialization, employment structure, gross value added, export structure

References (transliterated)

1. Istoricheskii materializm. / Konstantinov F. V., Glezerman G. E., Gak G. M., Kammar M. D., Khrustov F. D., Yudin P. F. – M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 1950. – 747 s.
2. «Otrasli narodnogo khozyaistva». / Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: [v 30 t.] T. 19. / gl. red. Prokhorov A. M. – 3-e izd. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1969 – 1978.
3. Fisher A. G. B. Production, primary, secondary and tertiary. // Economic Record. № 15.1. 1939. – c. 24-38;
4. Clark C. The Conditions of Economic Progress. London: Macmillan, 1940. – 720 c.
5. Bol'shoi ekonomiceskii slovar'. / Pod red. Azriliyana A. N., – M.: Institut novoi ekonomiki, 1997. – 1472 s.
6. Pass K., Louz B., Devis L. Slovar' po ekonomike. / Per. s angl. pod red. Vatnika P. A. – S-Pb.: Ekon. shk., 1998. – 750 s.
7. Ekonomika. Tolkovyi slovar'. / pod obshch. red. d.e.n. Osadchei I. M. – M.: "INFRA-M", 2000. – 848 c.
8. Gorsheneva O. V. Slovar' terminov i ponyatii po regional'noi ekonomike. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU, 2011. – 122 s.
9. Rychikhina N. S. Otrasl' kak ekonomiceskaya i pravovaya kategorija: sovremennye tendentsii. // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie. 2013. №4 (36). – s. 103-106.
10. Shirapov Ts. D. Ponyatie, sushchnost' i soderzhanie otrsli i otraslevoi struktury ekonomiki regiona. // Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2(2). – s. 59-67.
11. Reznikova N. P., Lukin I. I. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «otrasl'». // Zhurnal «T-Comm – Telekommunikatsii i Transport». 2012. №12. Str. 79-81.
12. Kumekhov K. K. Kontseptsiya otraslevoi struktury v sovremennoi teorii ekonomiki. // Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'. 2014. 43 (280). – s. 38-43.
13. Leonov S. N., Leonova T. V. Metodicheskie voprosy otsenki informatsionnoi bazy regional'nogo upravleniya pri perekhode s OKONKh na OKVED. // Prostranstvennaya ekonomika. 2007. № 4. Str. 123-132.
14. Petrov A. N. Analiz protsessa otraslevoi restrukturizatsii natsional'noi ekonomiki. // Ekonomiceskii analiz: teoriya i praktika. 2011. № 7. Str. 21-35.
15. Beloglazova S. A. Vyavlenie khozyaistvennoi spetsializatsii regionov YuFO v kontekste klasterizatsii: razvitiye metodiki i aktual'nye rezul'taty // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2018. Tom 8. № 11A. S. 148-157.

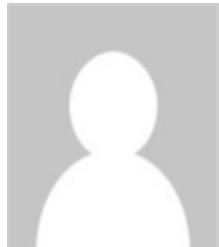
16. Korostyshevskaya E. M., Gamidullaeva L. A., Myamlin A. P. K voprosu o kolichestvennom izmerenii territorial'nogo razdeleniya truda // Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve. 2021. № 1. S. 5–20.
17. Spasskaya O. V. Makroekonomicheskie metody issledovaniya i izmereniya strukturnykh izmenenii. // Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN. 2003. № 1. Str. 20-35.
18. Spasskaya O. V. Analiz strukturnykh izmenenii v ekonomike Rossii za period 1990-2000 gg.: dinamika, osnovnye tendentsii i mezhstranovye sopostavleniya. // Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN. 2004. № 2. Str. 112-133.
19. Bessonov V. A. O transformatsionnykh strukturnykh sdvigakh v rossiiskoi ekonomike. // Ekonomika perekhodnogo perioda: Sbornik izbrannykh rabot 1999-2002. – M.: Delo, 2003, str. Str. 597-637.
20. Krasil'nikov O. Yu. Strukturnye sdvigi v ekonomike. – Saratov: Iz-vo Saratovskogo natsional'nogo issledovatel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. 2001. 164 str.
21. Krasil'nikov O. Yu. Problemy strukturnykh preobrazovanii v ekonomike. // Ekonomist. 2005. №8. Str. 52-58.
22. Sukharev O. S. Strukturnyi analiz ekonomiki. – M.: Finansy i statistika. 2012. – 216 s. ISBN 978-5-279-03526-7.
23. Lyakin A. N. Strukturnye sdvigi v rossiiskoi ekonomike: potentsial delovykh tsiklov ischerpan. // EKO. 2020. № 7. Str. 8-28.
24. Persteneva N. P. Kriterii klassifikatsii pokazatelei strukturnykh razlichii i sdvigov // Fundamental'nye issledovaniya. – 2012. – № 3. – S. 478–482.
25. Akberdina V. V. Strukturnye izmeneniya v ekonomike Sverdlovskoi oblasti: Problemy, tendentsii razvitiya. // Ekonomika regiona. 2008. № 2. Str. 149-161.
26. Stroeva G. N., Gorelova A. D. Otsenka sdvigov i razlichii v zanyatosti naseleniya sub"ektov DFO. // Vestnik TOGU. 2018 № 2 (49). Str. 63-72.
27. Trifonov Yu. V., Veselova N. V. Ispol'zovanie kompleksnogo podkhoda issledovaniya strukturnykh sdvigov v analize neftyanoi otrassli Rossii. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2015. № 4 (40). Str. 45-52;
28. Trifonov Yu. V., Veselova N. V. Metodologicheskie podkhody k analizu struktury ekonomiki na regional'nom urovne. // Voprosy statistiki. 2015. № 2. Str. 37-49.
29. Shelegeda B. G., Kornev M. N., Pogorzel'skaya N. V. Kontseptual'noe obosnovanie issledovaniya strukturnogo razvitiya ekonomiceskikh sistem. // Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie. 2018. Tom 17. № 3. S. 386–405. DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.3.017.
30. Rodrik D. Premature deindustrialization. // Journal of Economic Growth. 2016. № 21. P. 1-33. DOI: 10.1007/s10887-015-9122-3.
31. Hicks D., Structural change and industrial classification. // Structural Change and Economic Dynamics. 2011. DOI:10.1016 / j.strueco.2011.03.001
32. Haraguchi N. What factors drive successful industrialization? Evidence and implications for developing countries. // Struct. Change Econ. Dyn. 2018. DOI: 10.1016/j.strueco. 2018.11.002 0954-349X.
33. Potaptseva E. V., Bryantseva O. S. Promyshlennoe razvitiye v Rossii: dvizhenie v tsifrovuyu ekonomiku. // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya «Ekonomika,

finansy i upravlenie proizvodstvom» [Ivekofin]. 2022. № 04(54). S.53-62. DOI: 10.6060/ivecofin.2022544.62

Selective approaches to the definition of mechanisms for the implementation of import substitution policy at the regional level

Elshin Leonid Alekseevich

Doctor of Economics

Senior researcher at Center for Strategic Assessment and Forecasts of the Institute of Management, Economics and Finance; Kazan Federal University. Professor of the Department of Economics, University of Management "TISBI"

420139, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Ostrovsky str., 23/1

✉ Leonid.Elshin@tatar.ru

Mingazova Yuliya Georgievna

PhD in Economics

Researcher, Kazan (Volga Region) Federal University

23/6 Karl Marx str., Kazan, 420008, Russia, Republic of Tatarstan

✉ C.p@tatar.ru

Savushkin Maksim Vladimirovich

PhD in Economics

Associate Professor, Department of Economics, University of Management "TISBI"

420111, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Mushtari str., 13

✉ savushkinmv@mail.ru

Mingulov Almaz Minvazykhovich

Vice-Rector for Economic Activities, Kazan (Volga Region) Federal University

420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya str., 18

✉ C.p@tatar.ru

Abstract. The subject of the study is the economic relations of the regions of the Russian Federation within the framework of foreign trade relations with non-CIS countries. The regions of the Volga Federal District of Russia are the object of research. The authors consider in detail such aspects of the topic as structural parameters of supplies of goods from abroad to the regions of the Volga Federal District; justification of their critical level in the context of the studied commodity groups and country differentiation; development of proposals aimed at the formation of selective and adaptive measures for the implementation of the import substitution policy to regional peculiarities. Particular attention is paid to the issues of substantiating the doctrine of the need for a selective regional strategy for the implementation of import substitution policy under sanctions pressure, which provides for the need to abandon frontal measures of state support in the sphere of emerging perturbations of external inter-cooperative relations. The main conclusion of the study is the need to implement a selective strategy for adapting the national economy to the localization of imports of goods and services based on the identification of regional features of import dependence in the context of key commodity groups. A special contribution of the authors to the study of the topic is the identification of possible threats to the sustainable development

of regional economic systems in the context of sanctions, taking into account the structural analysis of import supplies from unfriendly countries. Based on the review, systematization and analysis of data from the Federal Customs Service, the key parameters of critical imports for the regions of the Volga Federal District are identified and the concept of implementing an adaptive import substitution policy is proposed.

Keywords: Public administration, adaptation mechanisms, import substitution policy, sustainable development, structural analysis, product groups, sanctions pressure, Volga Federal District, region, import dependence

References (transliterated)

1. Importozameshchenie i ee rol' v ekonomike Rossii, importozameshchenie programmnogo obespecheniya / L. M. Shavtikova, M. M. Geriev, A. B. Seitov [i dr.] // Finansovaya ekonomika. – 2022. – № 9. – S. 134-136.
2. Poltoradneva, N. L. O nauchnom obespechenii importozameshcheniya v natsional'noi bezopasnosti Rossii / N. L. Poltoradneva, V. I. Razumov // Idei i idealy. – 2023. – T. 15, № 1-2. – S. 235-256. – DOI 10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-235-256.
3. Lyavina, M. Yu. Formirovanie eksportnogo prodrovol'stvennogo potentsiala kak vazhneishii etap strategii agroprodovol'stvennogo importozameshcheniya // Global'nyi nauchnyi potentsial. – 2020. – № 1(106). – S. 130-132.
4. Vorotnikov, I. L. Natsional'nye prodrovol'stvennye balansy i ikh rol' v realizatsii politiki importozameshcheniya / I. L. Vorotnikov, M. V. Murav'eva // Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika. – 2020. – T. 10, № 11(79). – S. 2610-2626. – DOI: 10.35679/2226-0226-2020-10-11-2610-2626.
5. Stroev, V. V. Razvitie mekhanizmov neoindustrial'nogo importozameshcheniya v usloviyakh mezhdunarodnogo sanktsionnogo davleniya / V. V. Stroev, S. V. Chuev, A. I. Tikhonov // Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava. – 2023. – № 2-2. – S. 284-293. – DOI 10.17513/vaael.2727.
6. Izutova, O. V. Importozameshchenie-eto ne perekleivanie nakleek / O. V. Izutova // Zhurnal Byudzhet. – 2022. – № 11(239). – S. 26-29.
7. Ivanova, L. V. Problemy importozameshcheniya v neftepererabatyvayushchey promyshlennosti Rossii v usloviyakh sanktsionnogo davleniya / L. V. Ivanova, A. V. Samoilov // Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya. – 2023. – № 1(37). – S. 11-16.
8. Parfinenko, T. V. Ustoichivoe razvitiye predpriyatii: kontseptual'nyi podkhod v usloviyakh importozameshcheniya / T. V. Parfinenko, L. A. Suvorova // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2023. – № 3(473). – S. 193-204.
9. Kwon J. (2010) Import Substitution at the Regional Level: Application in the United States. Atlanta: Federal Reserve Bank of Atlanta. Rezhim dostupa: http://www.frbatlanta.org/documents/news/conferences/10smallbusiness_kwon.pdf, data obrashcheniya 17.05.2016.
10. Mukherjee S. Revisiting the Debate over Import-substituting versus Export-led Industrialization // Trade and Development Review, 2012. – I. 1. – V. 5. – P. 64-76.
11. De la Poza E., Barykin S.E. Global challenges of digital transformation of markets // Global Challenges of Digital Transformation of Markets. "Economic Issues, Problems and Perspectives" New York, 2021. R. 1-626.
12. De La Poza, E. Preface / E. De La Poza, S. E. Barykin // Global Challenges of Digital Transformation of Markets. – New York: Nova Science Publishers, Inc., 2022. – P. xi.

13. He L., Cheng Y., Su X. (2020). Research on the Sustainability of the Enterprise Business Ecosystem from the Perspective of Boundary: The China Case. *Sustainability*, 12, 6435. DOI: 10.3390/su12166435.
14. Lassala C., Apetrei A. and Sapena J. Sustainability Matter and Financial Performance of Companies. *Sustainability*, 9 (9), 1498 (2017). DOI: 10.3390/su9091498
15. Ermakova Ya.M., Larin S.N., Khrustalev E.Y. (2022) Identification of competitive advantages in the implementation of sectoral import substitution strategies. Proceedings of the International University Scientific Forum "Practice Oriented Science: UAE – RUSSIA – INDIA", Part 1 (June 17, 2022. UAE), 42-48.
16. Hoang D., Breugelmans E. (2023). "Sorry, the product you ordered is out of stock": Effects of substitution policy in online grocery retailing. *Journal of Retailing*, vol. 99, is. 1, 26-45. DOI: 10.1016/j.jretai.2022.06.006
17. Irwin D.A. (2021). The rise and fall of import substitution. *World Development*, 139, 24-39. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105306
18. Karuppiah K., Sankaranarayanan B. (2023). An integrated multi-criteria decision-making approach for evaluating e-waste mitigation strategies. *Journal Pre-proof*, 110420, 65-79. DOI: 10.1016/j.asoc.2023.110420
19. Koren M., Perlman Y., Shnaiderman M. (2022). Inventory Management Model for Stockout Based Substitutable Products. *IFAC-PapersOnLine*, 55, is. 10, 613-618. DOI: 10.1016/j.ifacol.2022.09.467
20. Prebisch R. (1950) The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems. Economic Commission for Latin America. Lake Success, NY: United Nations Department of Economic Affairs, 15
21. Federal'naya tamozhennaya sluzhba. Spravochnye i analiticheskie materialy. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (Data obrashcheniya: 25.09.2023)